ВИКТОР ЛАРИОНОВ ПОСЛЕДНИЕ ЮНКЕРА

ВИКТОР ЛАРИОНОВ

ПОСЛЕДНИЕ ЮНКЕРА

Виктор Ларионов

ПОСЛЕДНИЕ ЮНКЕРА

ПОСЕВ

Обложка Адама Русака

На обложке:
„Знак Первого кубанского похода", установленный ген. Деникиным в 1918 году для всех чинов Армии за проявление храбрости и мужества.

Приложение и примечания – Николай Росс

Frankfurt a. M.
Printed in Germany

ПРЕДИСЛОВИЕ

Беспощадной гражданской войной открылся самый трагический период истории России – советский. В течение двух лет по югу страны волнами прокатывались белые и красные войска, неся на своем пути разорение и смерть для сотен тысяч людей. У тех и у других были героизм и жестокость, идейность и шкурничество. За светлое будущее России боролась и „белая" и „красная" молодежь, идущая на смерть „за власть Советов" или „за Русь Святую".

Прошло с тех пор более шестидесяти лет. В истории народов за такой срок страсти обычно утихают, живые свидетели, уходя из жизни, уносят с собой свои идеалы и ошибки, свою любовь и свою ненависть.

Но русская история – особая история. Гражданская война с полей битвы перешла на страницы книг и бушует на них до наших дней с неослабевающей силой. Каждый год в советских издательствах выходят „исторические труды", обливающие грязью уже давно побежденного противника, повторяющие всё ту же ложь о Белом движении, навязывающие фиктивные образы давно скончавшихся белых вождей.

Борьба эта ведется неравными силами. Что может ответить массовым советским изданиям „белая

эмиграция", самым младшим представителям которой уже перевалило за восемьдесят лет? Даже в былые годы, когда белые воины были моложе, они печатали свои журналы, воспоминания и полковые истории с невероятным трудом и жертвенностью, по копейке сберегая на них деньги со своих заработков рабочих, шахтеров или шоферов такси, без какой-либо существенной поддержки извне. Профессиональные историки, как эмигрантские, так и западные, обычно избегали темы русской гражданской войны, опасаясь ее слишком „антисоветского" характера, – белые издания поэтому нередко носили любительский и эмоциональный, нежели подлинно исторический характер. (Из этого общего правила есть, конечно, исключения, – например, „Очерки русской смуты" ген. Деникина, „Российская контрреволюция" ген. Головина и „1918 год" полк. Зайцова.)

Многие участники Белого движения написали воспоминания, издали свои записки времен Гражданской войны. Уровень белой мемуарной литературы очень различный. Среди мемуаров видных белых деятелей можно выделить, например, в совершенно разных ключах, книгу „Дроздовцы в огне" ген. Туркула, бесподобно передающую „романтику" добровольчества (благодаря литературной обработке Ивана Лукаша) или „Воспоминания" ген. Врангеля – наиболее политически одаренного белого вождя. Но, как правило, наибольший интерес представляют нехитростные рассказы рядовых участников белой борьбы, описывающих лишь те события, свидетелями которых они были. Публикуемая нами книга Виктора Ларионова относится именно к этой категории. Тоннам псевдоисторической советской маку-

латуры, изображающей белых как кровожадных убийц и погромщиков, мечтавших о возвращении себе своих несметных дореволюционных богатств и привилегий, убедительно противоречит простой рассказ Ларионова, показывающий, кем действительно были, о чем мечтали и за что боролись десятки тысяч молодых русских (и нерусских!) ребят – гимназистов и кадетов, студентов и юнкеров, нашедших смерть в боях на просторах южной России.

*

Виктор Александрович Ларионов родился 13 июля 1897 года в Петербурге. В 1916 г. он окончил XIII Петербургскую гимназию. С сентября 1916 г. по май 1917 г. Ларионов учился в „Отдельных Гардемаринских классах", подготовляющих морских офицеров, и совершил плавание на крейсере „Орел" на Дальнем Востоке. В июне 1917 г. гардемарин Ларионов перешел в Константиновское Артиллерийское Училище, откуда он, вместе с другими юнкерами, осенью 1917 года поехал на Дон.

Во время Гражданской войны Виктор Ларионов был дважды тяжело ранен и награжден „Знаком Отличия первого Кубанского похода" 1-ой степени.

Эвакуировавшись с армией ген. Врангеля из Крыма, Ларионов, пробыв некоторое время в Галлиполи, поехал в Финляндию к своим родным. Он и за границей продолжил борьбу против большевиков. Вступив в тайную боевую организацию ген. Кутепова, Ларионов возглавил тройку белых террористов, куда вошли под его руководством два двадцатилетних ученика Гельсингфорсской русской гимназии –

Сергей Соловьев и Дмитрий Мономахов. В ночь на 1 июня 1927 года тройка Ларионова, с помощью финского проводника, перешла пограничную реку Сестру и проникла на советскую территорию. После долгих блужданий Ларионов установил „базу" своей группы в известном ему с юности лесочке, вблизи Левашова. Там было приведено в порядок принесенное с собой оружие. После нескольких дней разведки в Ленинграде и одной неудавшейся попытки белым бойцам, 7 июня, удалось вторгнуться во время заседания в Агитпропагандный Отдел Ленинградской Коммуны, на Мойке № 59 и забросать помещение бомбами и гранатами. После этой акции бойцы благополучно вернулись в Финляндию. По советским данным, в этой акции было ранено 26 заседавших в то время коммунистов. (Позже, в 1931 г., В. Ларионов выпустил книгу – „Боевая вылазка в СССР".)

Одновременно с группой Ларионова другая тройка, возглавляемая Марией Захарченко, готовила покушение на общежитие чекистов на Лубянке. Но покушение это не удалось из-за предательства третьего члена их группы – Опперпута. И Мария Захарченко, и ее боевой товарищ, 22-летний Юрий Петерс, – погибли.

По требованию советского правительства Ларионов в сентябре 1927 года был выслан из Финляндии и поселился во Франции, где и жил до Второй мировой войны, зарабатывая себе на жизнь тяжелым физическим трудом.

Живя в Париже, Ларионов продолжал участвовать в работе РОВСа (Русского Обще-Воинского Союза) на Россию. Со временем у него возникли подозрения насчет благонадежности руководителя этой ра-

боты во Франции – ген. Скоблина. Подозрения эти превратились в уверенность после того, как Скоблин, в июне 1936 г., предложил ему поехать в Ленинград, чтобы стать во главе якобы возникшей там подпольной белой группы. Ларионову удалось принять меры, помешавшие предателю Скоблину организовать посылку белых бойцов через финскую границу на верный арест и расстрел.

После Второй мировой войны Виктор Ларионов поселился в Мюнхене (ФРГ), где проживает и ныне.

*

Перед тем как предоставить слово автору, хочется поблагодарить всех тех, кто помог оформлению этой книги и, особенно, Евгения Ивановича Евеца, Владимира Владимировича Звегинцова, капитана Марковской артиллерийской бригады Александра Осиповича Маевского, подполковника Марковской пехотной дивизии Василия Ефимовича Павлова и Алексея Евгеньевича Соловьева.

Н. Росс

Глава 1

УЧИЛИЩЕ

В мае 1917 года я вошел в вестибюль Константиновского Артиллерийского Училища в Петербурге на Забалканском проспекте[1]. Налево от входа – комната дежурного офицера. Оттуда доносился четкий звон шпор и короткие рапорта являющихся из отпуска юнкеров. Сердце немного билось, когда, перешагнув порог, я вошел в комнату дежурного офицера, придерживая гардемаринский палаш.

„Господин капитан, гардемарин Ларионов является по случаю приема в Училище!"

Капитан гвардейской артиллерии слегка ухмыльнулся, очевидно морская форма была здесь редкое зрелище, и посмотрел на лежащий перед ним лист.

„Юнкер, – слегка подчеркнул он, – вы назначены во Вторую батарею, явитесь фельдфебелю".

Я стал подниматься по лестнице, гремя по ступенькам палашом. Широкая, каменная лестница вела наверх в помещение батарей, в классы и залы. В залах – мраморные доски, на коих начертаны имена тех, кто первыми окончили Константиновское Артиллерийское Училище, с далеких еще времен, когда Артиллерийское Училище называлось „Дворянский Полк". Там же и доски со списками константи-

новцев – кавалеров ордена Святого Георгия, там же и батальные картины. В нижнем зале – дюймовая пушка и гаубица. Повсюду ощущение российской военной славы, как будто слышится шелест старых знамен... Константиновское Артиллерийское Училище, с еще не угасшим воинским духом и дисциплиной, оставалось в то время одним из немногих уцелевших островков российской государственности и ее военных традиций. В этом здании с пушками у подъезда, с его залами и манежем, почти не ощущалась бушующая за стенами „великая, бескровная" революция...

Ведь мы только что вернулись из Владивостока в Петербург, после дальневосточного плавания гардемаринской роты на крейсере „Орел". В гардемаринских классах в Галерной гавани мы нашли полное разложение: лекции были отменены, офицеры-лекторы и большая часть командного состава не появлялись, матросы и служащие „митинговали". Гардемарины частью разъехались, частью слонялись по помещениям, обедали, завтракали и спали, не зная, что делать и что будет дальше. Не выдержав этого революционного разложения, я и решил перейти, вместе с моим товарищем, в Константиновское Артиллерийское Училище, куда теперь съезжались кадеты со всех концов России... Кого здесь только не было: кадеты Третьего корпуса, слегка копирующие пажей, строевики Второго кадетского с синими погонами, более сильные в науках кадеты Первого корпуса, более скромные москвичи, загорелые ташкентцы и тифлисцы, смуглые, слегка скуластые оренбуржцы – способные конники, кадеты Донского корпуса, киевляне, одесситы, полтавцы, псковичи, аракчеевцы из Нижнего Новго-

рода, сибиряки Омского корпуса, суворовцы из Варшавы и даже два вице-унтерофицера Вольского кадетского корпуса, считавшегося местом ссылки провинившихся кадет других корпусов. Особой группой держались „сумцы", носившие на гимнастерке значок корпуса довольно большого размера и гордо называвших свой корпус „Сумская Академия". Сумцы смотрели на других кадет немного свысока, ощущая как бы свое „академическое" превосходство. Кадеты чувствовали себя в Училище как в Кадетском корпусе[2]. Они сразу же перезнакомились, перешли друг с другом „на ты" и стали господами положения. Встречая вновь прибывающих, они их приветствовали, шутили, кричали или, наоборот, подсмеивались над теми, кто не принадлежал к „кадетскому сословию".

„Эй, моряк! – кричали мне кадеты. – Ты наш, иди сюда... в какую ты назначен батарею?"

Я был несколько шокирован этим „ты", но быстро понял, что кадеты обращались на „вы" лишь к так называемым „людям со стороны", и это „вы", относящееся к гимназистам, реалистам и студентам, произносилось с высоты кадетского достоинства с чувством отчужденности и некоторого презрения.

Поступавших „со стороны" часто называли „козероги". На этот раз на 11-м курсе „козерогов" почти не было: 11-й курс Константиновского Артиллерийского Училища состоял на девяносто процентов из кадет. Положение „козерогов" было нелегким – над ними смеялись и их третировали. Только после первой учебной стрельбы в Красном Селе их как бы „реабилитировали": после стрельбы у „козерогов", по юнкерской терминологии, „отпадал хвост" и они получали какие-то права.

Несколько бывших вольноопределяющихся — георгиевских кавалеров с фронта — и я, как военный моряк, были сразу же приняты в кадетскую компанию.

В первый же день приема в Училище мы получили юнкерскую форму с погонами Константиновского Артиллерийского Училища и были разбиты по отделениям двух батарей. С 6 часов утра следующего дня началась размеренная, утомительная, здоровая жизнь военного училища.

Кадеты принесли в Училище свои традиции и навыки своеобразной военной бурсы. Эта военная молодежь не блистала, в большинстве своем, широким научным кругозором, но морально и физически она была гораздо здоровее, нежели молодежь многих гражданских столичных среднеучебных заведений.

Традиционного юнкерского „цука" со стороны старшего 10-го курса мы не испытывали, так как 10-й курс был не кадетский, а студенческий, и назначенные в нашу батарею фельдфебели и взводные унтер-офицеры были все бывшие студенты, главным образом, высших технических учебных заведений и многие из них — фронтовики.

Это была интеллигентная, культурная молодежь, которой школа войны придала еще лучшую шлифовку.

Однако эти старшие юнкера 10-го курса, говорившие друг другу „вы" или даже „коллега", не признающие ни училищного „цука", ни старых традиций „Дворянского Полка", ни старых юнкерских песен, не пользовались у новых молодых юнкеров из кадет большим уважением. Их терпели за их портупейские, унтер-офицерские погоны, темляки, а у иных и георгиевские крестики с фронта[3]. Кроме то-

го, эти старшие юнкера-„коллеги" как-то признавали революцию или пытались ее оправдывать. Спорить с ними было невозможно, так как политический горизонт был в данном случае слишком различен. Кадеты отрицали и ненавидели революцию все как один, но не любили разговаривать на политические темы. Отрицание революции считалось аксиомой, не требующей разъяснения или доказательств. И если даже чувствовали в глубине души, что старший юнкер прав, в их глазах он все же оставался „сугубым, убогим шпаком", а такое существо никогда и ни в чем не могло быть правым, и могло заслуживать лишь жалость и презрение к своей „убогости".

Кадеты переняли от своих старших братьев, друзей и отцов училищные традиции, знали неписаные законы и ревниво следили за их выполнением. Противиться соблюдению традиций или в них не участвовать значило объявить себя как бы вне закона и быть исключенным из тесной товарищеской среды. Например, по одной из старых традиций, должен был состояться ночной „парад": в полночь надо было подняться с кровати, снять рубашку и на голое тело надеть пояс и шашку, на ноги – шпоры и на голову – фуражку. В таком виде отделения батареи идут в коридоры, где проводится „парад", который заканчивается воинственными криками и бéгом сотни голых со шпорами и шашками по коридорам. Дежурный офицер, знающий училищные традиции, не выходит в эту ночь из комнаты и делает вид, что ничего не слышит. После „парада" отдельные кадетские группы устраивают в спальне „собаку". Так называется кадетский товарищеский ужин. Не принявшие участия в „параде" несколько юнке-

ров „со стороны" были, по возвращении с „парада", выброшены из кроватей.

Дни проходили быстро и незаметно: зубрили уставы, спали на уроках тактики, увлекались орудийным и батарейным учением, ездой и рубкой, особенно ездой. Училищные лошади были хороши, и наш „курсовой офицер" был неплохой наездник.

Кадеты умышленно манкировали пешим строем, хотя занимались им лишь раз в неделю. Считалось недостойным артиллерийскому юнкеру маршировать в пешем строю. Кадеты, почти поголовно отличные строевики, еле волочили ноги, спотыкались, поворачивались налево, когда командовали направо, и из рук вон плохо отвечали на приветствие. Того требовала Училищная традиция, – когда батарейный командир приветствует: „Здорово юнкера!" – юнкера в ответ блеют, как стадо овец: „здрэээ"... не оканчивая титула.

Воскресный отпуск был для многих праздником, особенно для петербуржцев, у которых были в городе родные и знакомые. А многие кадеты из дальних корпусов, не имевшие в городе ни души, и в праздники оставались в Училище, в своей товарищеской компании, уже давно заменившей им семью. Отпуск в город требовал денег, а у многих, приехавших из далеких городов, их не было. Кроме того, училищная негласная мода ставила свои условия, – надо было быть в отпуск одетым не в „казенное", а в „собственное": погоны с более широким галуном, нежели казенные, хромовые сапоги на заказ, по возможности длинная шинель и шпоры с „савельевским" звоном. Юнкерскую фуражку-„хлеборезку" надо было так смять и заломить, чтобы она приняла требуемую модой форму. Впрочем, на 11-м курсе

Училища „тоняг", соблюдавших моду, было немного.

Старые традиции Училища держались на „кадетских" выпусках. Одним из развлечений, идущих с прошлых времен, был, например, „перпендикуляр". „Перпендикуляр" испытал на себе каждый юнкер. Это было как бы юнкерское крещение. Кроме того, – карательная мера, применяемая к каждому, провинившемуся перед товарищами, и, как правило, ко всем „шпакам" и „козерогам" уже без всякого повода, а просто если какой-нибудь веселой компании не спится и захочется развлечься.

„Перпендикуляр" – не особенно приятная вещь. Поставить его, это значило поднять кровать намеченной жертвы резким рывком вверх с таким расчетом, чтобы голова жертвы оказалась на полу, а тело находилось бы в нелепой позе, заваленное матрасом, одеялом и досками кровати. И жертва долго, после глубокого сна, не могла сообразить, в чем дело, и выбраться из-под завала.

Юнкера из кадет в массе своей остались по характеру кадетами. Их шалости, шутки, остроты и песни были типичны для закрытой военной школы. Неотъемлемой природой кадета было „ловчение"; например, „ловчение" на кухне состояло в том, что назначенный дежурным по кухне юнкер должен был своровать максимальное количество котлет для всего своего окружения, то есть – „компашки" такого-то кадетского корпуса.

С осени 17-го года питание в Училище стало слабым и это весьма ощущалось после усиленных занятий на воздухе, долгой езды, скачки по барьерам, вольтижировки и рубки. Поэтому „ловчение" котлет было весьма существенно. Надо сказать при

этом, что дело обставлялось кадетами так, что ни один юнкер не из кадет в дежурные по кухне не попадал.

Мое положение в Училище было выгодным: как бывший гардемарин я был „свой", то есть равноправен в кадетской компании. Мне даже предложили пришить на погонах кадетские пуговицы (неофициальное отличие юнкеров, бывших кадет, от юнкеров „со стороны"). В то же время как бывший гимназист я мог сойтись и с некадетской компанией, которая не делила мир на два лагеря: военных и статских. Причем первый лагерь — „свой" — был положительным, второй лагерь — статский — был чужой, отрицательный, не сулящий вообще ничего хорошего.

*

Каждый из кадетских корпусов имел свои особенности: например, весь тон Второй батареи Училища задавали бывшие кадеты Александровского третьего корпуса. В большинстве дети военных и чиновников Петербурга, они имели больший политический кругозор, нежели их товарищи из провинциальных городов. Октябрьские события показали, что один из юнкеров имел связи с тайной организацией Пуришкевича[4], бегал, переодевшись рабочим, на какие-то собрания и оказался одним из распорядителей переброски артиллерийских юнкеров из Петербурга на Дон.

Александровцы были знатоками училищных традиций и вообще традиций Российской Армии. Они любили свой корпус. Покровитель этого корпуса — великий князь-поэт „К. Р."[5], знавший многих кадет

лично, был как бы их отцом. Стихи „К. Р.” были для многих александровцев молитвой:

Наш полк – заветное, чарующее слово.
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Одним оно старо, для нас все так же ново
И знаменует нам и братство и семью.

Кадеты Первого кадетского корпуса были сильны в науках и несколько превосходили общим развитием многих кадет провинциальных корпусов. Второй кадетский был блестящим по строю. Большинство его воспитанников шли в Павловское Военное Училище, бывшее образцовым по строевой подготовке. Фельдфебелем нашей Второй батареи стал бывший кадет Второго корпуса – портупей-юнкер Канищев. Это был умный красивый юноша, вдумчивый и несколько застенчивый. Впоследствии, когда мы с ним, уже офицерами, лежали в лазарете Новочеркасска, раненные в одном и том же бою на Кубани, Канищев сильно подпал под влияние одного офицера, оренбургского казака, убежденного социалиста-революционера.

Взводным портупей-юнкером стал у нас бывший кадет Сумского корпуса – Шперлинг. Всегда веселый, бодрый, убежденный патриот, готовый всем помочь. Нижегородцы, аракчеевцы, полтавцы, кадеты Вольского корпуса, в большинстве, не блистали светскими манерами, но были хорошими, верными товарищами и это сыграло большую роль на войне.

Грубоватые, отнюдь не „светские” кадеты-казаки: новочеркассцы, оренбуржцы, симбирцы были отличными наездниками и рубаками. Они должны были все выйти в свои конные батареи, поэтому не

очень любили расчеты с панорамами и бусолями. Стрельба с закрытых позиций – „не наше дело", как они говорили. „Наше дело – прямая наводка с карьера".

Целая группа оренбуржцев была в нашем отделении. Они были неразлучны: учились вместе, в город ходили вместе, беседовали только друг с другом, сторонясь остальных. Они, вероятно, в душе презирали не только „шпаков" и „козерогов", но и всех кадет и юнкеров не казаков. Все свободное время они пили чай, предавались воспоминаниям о родных краях и высокими голосами тянули свои казачьи, степные песни:

Свою он отчизну навеки покинул...
Ему не вернуться в отеческий дом...

Эти скуластые, смуглые ребята, с монгольским разрезом глаз были очень симпатичны. По существу, это были природные воины – потомки бойцов орд Чингисхана. В отделении звали их „дикая дивизия", и к этому прозвищу относились они с полным спокойствием.

Учились они посредственно, на занятиях всегда сидели рядом и еще по кадетской привычке подсказывали друг другу в затруднительную минуту. Называли они друг друга не по имени, а по отчеству. Революцию и социализм они категорически не принимали и считали необходимым ликвидировать „бунт" – картечью и шашкой.

Суворовцы и псковичи хорошо учились и поэтому большой процент их попадал в артиллерийские училища, чего нельзя было сказать о москвичах, из коих многие старались выходить в свои московские военные училища.

Училищная жизнь мне нравилась. Интересные военные лекции, полные практических примеров, привозимых зачастую непосредственно с театра войны, ежедневная езда, вольтижировка, барьеры, рубка, строгая дисциплина – все это заставляло чувствовать себя членом одной большой семьи – Российской Армии. Мускулы крепли, „гражданское начало" исчезало. Протяжные кавалерийские команды, мелодичный звон шпор, стальной блеск наших трехдюймовок, запах конского пота в манеже и навоза в конюшнях, – все это было своеобразной военной романтикой.

Но улица за окнами Училища жила другим... Улица жила революцией, и эта „великая и бескровная" ломилась в двери Училища. Большинство наших офицеров были фронтовики, а некоторые из них и георгиевские кавалеры. Они так же, как и мы, скептически относились к революции, но они умели лучше нас скрывать свои чувства и понимали, что „плетью обуха не перешибешь".

Училищные солдаты часто митинговали, выражая своим офицерам и юнкерам „недоверие". Начальник Училища, генерал Бутыркин, должен был оправдываться перед комитетами и доказывать полную революционную лояльность юнкеров.

Но молодые юнкера кипели и возмущались бездействием правительства и стремились к прямому действию против революционного разложения армии и государства.

„Корниловские дни" вызвали у нас, юнкеров, большой подъем. С часу на час мы ждали приказа выступить на поддержку Корнилова, но, конечно, не дождались... Серые будни революции продолжались. Было ясно, что Училище доживает последние

дни, но автоматически все шло как раньше, по училищной программе.

В начале сентября мы уехали на учебные стрельбы в Красное Село. Осень была теплая, но дождливая. Было радостно оставить хоть на время Петербург, где общее положение ухудшалось не по дням, а по часам. Да и изучение военного дела на местности, езда не в манеже, а прямо в поле и, наконец, стрельба не на классной доске мелом, а из трехдюймовок шрапнелью и гранатой по щитам на полевом стрельбище, всех нас радовали.

Жили мы в бараках по-батарейно, ходили часто по местности в районе Красного Села, практикуясь в съемках. Ежедневно была езда и занятия при орудиях.

Кормили нас плохо. После целого дня занятий на воздухе мы были голодны. Дело дошло до того, что некоторые из нас ходили по вечерам в поля за картошкой и пекли ее в лагерной печке. Однако по утрам бодро, с песнями выходили на переднюю линейку и на занятия. В эти дни любимой была песня со старых Училищных времен:

Настал универсальный век,
Прогресс и время все меняют,
Курил лишь трубку человек,
Теперь же трубкою стреляют –
На семь верст...

Жил полководец Ганнибал,
Давал он денщику на водку,
Но он, наверное, не знал,
Что будут изучать наводку –
Юнкера...

Не думала его жена,
Идя с корзинкой по базару,
Что у лафета – не одна,
А что корзинок этих пара,
То есть – две...

Теперь иные времена,
Иные прихоти у света:
Был раньше хобот у слона.
Теперь есть хобот у лафета,
На конце...

Все математики старались,
Корень вдруг изобрели.
Артиллеристы догадались
Корень в пушку запрягли,
В передок...

Наконец настал долгожданный день стрельбы боевыми патронами.

Нам не повезло: день был серый, холодный. Дождь лил, как из ведра, и закрывал мишени частой сеткой. Холодные капли просачивались за ворот шинели и даже в сапоги. Батарейный командир подполковник Бочаров, в непромокаемом плаще, не слезал с намокшего, нахохлившегося коня и экзаменовал стрелявших юнкеров.

Каждый юнкер должен был пройти на стрельбе все роли от наводчика до командира батареи, но, поскольку на этот раз почти все цели были закрыты дождем, стрельба вышла скомканной и ускоренной. Почти всем пришлось стрелять по той же цели – „блиндажу с наблюдателем", которую одну только и было видно временами через дождевую пелену,

а стрелявшие позже уже знали все данные наводки и не ошибались. Но, как бы там ни было, все были в хорошем настроении, оттого, что стреляли, и оттого, что у „козерогов" „отпали хвосты" и теперь все стали полноправными артиллеристами.

Возвращались мы со стрельбы в пешем строю по вязкому, полужидкому чернозему. Осенние поля были унылы, и каркающее воронье не украшало печального пейзажа Кавелахтской равнины. Но юнкерская песня неслась, вопреки холодному ветру и дождю:

Плюс низких – три,
нормальных – два
и незамеченный один...
Кого-то нет... Чего-то жаль,
Куда-то сердце мчится вдаль...

Возвратившись из лагерей в Петербург, мы застали город в тревожном и напряженном состоянии. Носились разные, большей частью угрожающие, слухи о развале фронта, о заговоре большевиков. Керенский и часть правительства сидели в Зимнем дворце под защитой караулов от школ прапорщиков.

Вскоре пришло приказание наряжать в караулы Зимнего дворца и артиллерийский взвод по очереди: от Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ. Наше Училище отправляло в Зимний два орудия и спешенный взвод юнкеров.

В караулы в Зимний попадали только „верные", настроенные непримиримо к революции, юнкера.

Было вызывающе весело идти в Зимний по „революционному" городу в виде „Гидры контррево-

люции"... то есть в погонах с великокняжеским вензелем, „печатать шаг" так, что шашки и шпоры всех тридцати юнкеров звякают в один такт... Перехватывать негодующие взгляды сотен новоявленных революционеров на тротуарах и чувствовать себя героем, идущим почти в одиночестве против толпы.

Зимний дворец как бы дышал романтикой славного прошлого России. Особенно памятны были ночи, проведенные в этаже царских покоев, – в огромных пустых залах, где гулко отдавалось эхо шагов и голосов. Мы спали прямо на зеркальном паркете, завернувшись в одеяла, держа рядом винтовки и карабины. Ночью сменялись на дневальство попарно. В эти дни дворец был населен: рядом с отведенным под караул помещением находилось помещение сестер дворцового лазарета. Перегородка была не до самого потолка, и юнкера-казаки из „дикой дивизии" взбирались с ловкостью обезьян на перегородку и́, сидя там, пытались завязать флирт с сестрами. Впрочем, казачий флирт был своеобразный, – они тянули все одну и ту же глупую песенку:

Кто достоин этой доли – обладает кто тобой...
Ах, сестрица, не грешно ли, быть хорошенькой такой...

Сестры сердились, но сделать ничего не могли, чтобы „спе́шить" „дикую дивизию".

Занятия в Училище почти прекратились из-за постоянных караулов, да и не до занятий было. Все чувствовали надвигающуюся беду. Над градом Петра нависала роковая туча Октября...

В тот день, когда по Зимнему дворцу неожиданно ударили пушки „Авроры", там должен был быть ка-

раул артиллерийского взвода Михайловского Училища; но еще рано утром офицер Михайловского Артиллерийского Училища увел михайловцев с пушками обратно в Училище. Благодаря этому, мы, константиновцы, не разделили участь Школы прапорщиков и девушек из „Женского батальона", остававшихся на защите Дворца. Но кто знает? Если бы наши пушки были в этот день в карауле Зимнего, то не погнали ли бы они „Аврору" и не отбросили ли бы они картечью штурмующую Зимний дворец толпу с Дворцовой площади? Быть может, история Октябрьской революции пошла бы по другому руслу.

Начальник Училища генерал Бутыркин, явно оберегал юнкеров-константиновцев от вооруженных выступлений против Красной гвардии и дезертиров. Он пытался сохранить Константиновское Училище от разгрома. В Петербурге повсюду избивали юнкеров, сбрасывали их с мостов в зловонные каналы. Полному разгрому подверглись Владимирское и Павловское военные училища. Многие юнкера были убиты и изувечены при защите своих училищ, хотя и Красная гвардия дорого платила за „победу". Наше Училище пока не трогали. Нас считали „лояльными", вследствие какой-то хитрой дипломатии нашего начальства.

„Лояльные" юнкера с тайной надеждой прислушивались к отдаленному грохоту пушек, доносившемуся в те дни со стороны Гатчины, откуда пытался наступать на столицу казачий корпус генерала Краснова. Скоро дальние пушки затихли и все надежды рухнули. Победивший „революционный пролетариат" в виде запасных батальонов, толп дезертиров и вооруженных рабочих возвращался под

звуки оркестров нестройными, но многочисленными колоннами в Петербург, – в несчастный, заплеванный город, занесенный тучами крикливых прокламаций, разбрасываемых днем и ночью с грузовиков.

Эти прокламации крупными буквами вещали о „победе пролетариата" и о страшной опасности, угрожающей этой победе со стороны „гидры контрреволюции", состоящей из „керенцев", „корниловцев" и „калединцев"... По улицам, где редкие фонари еле светили сквозь первую снежную метель, зловеще и раскатисто звучали выстрелы винтовок...

Черный вечер.
Белый снег.
. . . .
Ветер, ветер –
На всем Божьем свете.

Ночью в Училище был обыск. Красногвардейцы и какие-то темные личности в штатском перерыли наши шкапчики. Искали оружие. Оружия не нашли и никого не тронули. Увезли с собой только склад оружия из цейхгауза. Училищные пушки уже давно уехали с училищными солдатами, под командой какого-то неизвестного лица в шинели без погон, на какой-то „фронт против Каледина".

В Училище творилось что-то странное: юнкера собирались кучками, были возбуждены, что-то горячо обсуждали и сразу же замолкали, если к кучке подходил кто-либо из „не своих", не кадет. Скоро я узнал, что формируется группа для переброски юнкеров-константиновцев на Дон.

Кадеты предложили и мне ехать с ними на Дон. Делом отправки офицеров и юнкеров на Дон руко-

водил член правого крыла Думы Пуришкевич, и один из наших юнкеров, как я говорил, поддерживал с ним деловой контакт. Наши курсовые офицеры и батарейные командиры знали о „заговоре", но не отговаривали юнкеров ехать на Дон. Генерал Каледин повторил исторические слова: „С Дона выдачи – нет"... Училищные офицеры ехать на Дон не хотели, – кто устал от войны, кто не хотел оставить семью и ехать в неизвестность, кто просто ни во что больше не верил и ни о чем знать не хотел.

Нельзя сказать, что организация отправки велась конспиративно: юнкера открыто нашивали донские красные лампасы на приобретенные синие штаны. Спарывали юнкерские погоны, нашивая на их место казачьи или солдатские. Юнкера должны были ехать в Новочеркасск как казаки, окончившие в Петербурге курсы пропаганды. Казачий комитет снабжал уезжавших юнкеров соответствующими документами.

Попасть на Дон не кадету было довольно трудно. Из юнкеров следующего 12-го курса только 30-35 юнкеров, поступивших в Училище „со стороны", попали на Дон. Надо сказать, что недоверие кадет к юнкерам „со стороны" имело некоторое основание, ибо многие из приехавших на Дон константиновцев вернулись с Дона в Петербург или в другие города России, как только положение на Дону, в Ростове и в Новочеркасске стало для собирающихся там юнкеров и офицеров угрожающим. Среди бывших кадет „дезертиров", бежавших с Дона, не было. Спайка их, товарищество и сознание солдатского долга оказались изумительными: в самые тяжелые, казавшиеся безнадежными, минуты кадетская семья была единодушной, жертвенной, преисполненной жела-

ния вести начатую борьбу, невзирая ни на что, до конца...

Юнкера Павловского и Владимирского военных училищ, после разгрома „пролетариатом", дезертирами и запасными батальонами их Училищ, похоронив своих убитых, скрылись, разъехавшись кто куда, и поэтому наше уцелевшее от разгрома Училище дало рекордную цифру „заговорщиков", – около двухсот человек. Из михайловцев приехало на Дон несколько десятков юнкеров лишь из числа бывших кадет.

Конечно, пришлось жалеть о том, что многие юнкера не были осведомлены в Училище об отъезде на Дон и не приняли участия в начале борьбы с большевизмом. Нет сомнения, что многие из этой молодежи принесли бы в начавшейся борьбе на Дону огромную пользу.

Глава 2

НА ДОНУ

Мы выехали из Петербурга с Николаевского вокзала в снежный ноябрьский вечер. Ехали по два-три человека вместе, захватив с собою лишь самые необходимые вещи. Лезли в поезд через окна и выдержали героическую борьбу за право стоять в проходе. Света в поезде не было, давка была невероятная, но настроение у нас было бодрым и приподнятым. Однако уже из разговоров окружающих стало ясно, что мы во „враждебном стане". Какой-то рабочий с упоением рассказывал о своем участии в составе Красной гвардии в борьбе против казаков Красновского корпуса:

„Поначалу нас было поперли, а потом, как наши дадут казакам жару!.." (далее следовало непечатное ругательство).

Рабочий явно принимал нас за дезертиров с фронта и ждал нашего сочувствия и одобрения, – а у нас на дне чемоданов были спрятаны юнкерские погоны с вензелем „К", шпоры, училищные значки...

Аппарат борьбы с „контрреволюцией" в эти дни только налаживался и эта, почти открытая, переброска „контрреволюционеров" на Дон была пропущена.

Когда мы с юнкером Поповым пересаживались в Москве на вокзале в поезд, идущий на Дон, к нам подошли двое и спросили, кто мы такие и куда едем. Попов неуверенно заявил, что мы казаки и едем с фронта домой, на Дон. Они нам не поверили и спросили документы; в это время поезд тронулся, мы вскочили уже на ходу. Работники ЧК остались стоять с разинутыми ртами и не стали нас преследовать. Хорошее было время...

После Москвы, в другом поезде, стало свободнее, нам удалось в вагоне пробиться до уборной. Около нее мы и обосновались вместе с рослым, здоровым красногвардейцем, ехавшим, очевидно, из хозяйственной части тыла, так как он вынимал из своего мешка сало, резал его на большие куски и тут же их пожирал. Насытившись, он начал нам рассказывать о своем участии в подавлении восстания в Москве в составе Красной гвардии. Он сообщил, что в Кремле собственноручно заколол нескольких кадет. „Такие малолетние, а вредные”... Он искренне считал, что сделал хорошее и законное дело. Тут мне впервые пришлось услышать, как наш народ безнадежно и часто путает Конституционно-Демократическую партию с кадетскими корпусами и что разъяснить это обстоятельство невозможно: „Кадет – враг народа” – и кончено. Впрочем, для большевиков это смешение понятий было весьма выгодно.

После Харькова потянуло теплом. Снега в полях больше не было. Народа в поезде стало меньше. В нашем вагоне оставались только дезертиры с фронта, возвращающиеся „до хаты”, то есть домой, или „делить помещичью землю”.

После двухсуточного стояния на ногах в прохо-

де удалось влезть на багажную полку и там задремать в неудобной позе.

Под утро я проснулся от радостного хохота. Оказалось, что какой-то неопрятный пожилой человек, одетый в солдатскую шинель, сидевшую на нем, как „на корове седло", при свете огарка читает сгрудившимся солдатам гнусную книжонку „О любовных похождениях Императрицы с Распутиным".

В особо „пикантных" местах он повышал голос до визга. Солдаты с упоением слушали самозванца-агитатора. Большого труда стоило сдержаться! И лишь мысль о том, что мы едем на Дон и что эта наша „Земля обетованная" уже недалека, и что оттуда начнется расплата и восстановление униженной и поруганной России, лишь эта мысль давала некоторое успокоение.

Проехали Ростов-на-Дону и наконец добрались до Новочеркасска. На городском вокзале мы встретили группу сотоварищей константиновцев и, приехавших немного раньше нас, михайловцев. Пошли в гору на Барочную улицу дом № 2, где находились в это время – „Штаб армии" и общежитие для приезжающих. То, что мы узнали от товарищей, было малоутешительным: „Армия генерала Алексеева" насчитывала, считая и нас, приехавших юнкеров-артиллеристов, лишь несколько сот человек. Правда, почти каждый день в Новочеркасск приезжали с фронта офицеры и отдельные бойцы „ударных батальонов", в том числе и женского.

В общежитии на Барочной улице нас приняла Бочкарева, симпатичная и миловидная девушка в форме прапорщика ударного батальона. Мы ей явились, доложив о своем приезде из Петербурга. Нас

накормили борщом с мясом и хлебом и дали чая с большим куском сахара.

Вечером, к ужину, собралось около сотни офицеров, членов „Алексеевской организации"[6], будущей Добровольческой армии. Среди них было немало боевых офицеров с фронта, с орденами и с нашивками за ранения. Выделялись преображенцы – князья Хованские, измайловец – капитан Парфенов, энергичный, боевой офицер.

От них мы узнали о положении на Дону. Настроение донских казаков не в нашу пользу, они устали от войны, считают, что большевики их не тронут, и лишь атаман-генерал Каледин[7], да небольшая группа боевых офицеров участвуют в антибольшевистской политике, считая борьбу с большевиками неизбежной, и сотрудничают со штабом генерала Алексеева. Генерал Каледин не имеет вооруженной силы, за исключением нескольких десятков офицеров, идущих за ним, да юнкеров Новочеркасского Донского Училища. Казаки-фронтовики разложены большевистской пропагандой не меньше русских запасных батальонов, стоящих в Ростове и Батайске; они говорят, что большевики им „братья", что они не хотят допустить „пролития братской крови". Донской Войсковой Круг играет в „парламент", либеральничает и закрывает глаза на развитие большевистской угрозы на Дону. Фракцией „иногородних" овладели большевики, требующие немедленного удаления с Дона собравшихся там „контрреволюционеров".

Член Круга Богаевский[8], пламенный патриот Дона, произносит зажигательные речи, стараясь пробудить донской патриотизм, политическое самосознание, гордость. Он пытается поднять Дон на борьбу против большевизма, но это ему слабо удается.

Эгоизм и шкурные интересы решительно доминируют: „моя хата с краю".

В уютном и богатом Новочеркасске, заваленном еще всеми благами прошлого – мясом, белым хлебом, фруктами и вином, всем тем, что в Петербурге уже давно только снится, – по улицам гуляют прибывшие с фронта расхлястанные дезертиры и сплевывают на тротуары лузгу. Чести, даже своим донским генералам, никто из фронтовиков не отдает.

В городе тревожно... Какие-то люди, не только ночью, но и днем стреляют с крыш домов из винтовок, сея панику и общее беспокойство.

В середине ноября съехались все „заговорщики" из Петербурга и наша „Константиновско-Михайловская рота" выросла до 300 человек.

С Барочной улицы нас перевели в казармы на Хотунок. Мы фактически представляли собой сильную пехотную часть, вооруженную „до зубов" винтовками и ручными гранатами. Назначенный командиром этой сводной „артиллерийской роты", гвардейский капитан Парфенов придавал большое значение обучению бою ручной гранатой, но уже через несколько дней он был назначен командиром вновь сформированного „пехотного" батальона из прибывших на Барочную улицу молодых офицеров с фронта, юнкеров пехотных училищ, школ прапорщиков и даже нескольких морских кадет и гардемаринов. Этот батальон входил в формируемый отряд полковника Хованского. Наша сводная „артиллерийская рота" была переведена из казармы на Хотунке в помещение Платовской гимназии на Ермаковский проспект, близ центра города. Новым ротным командиром был назначен артиллерийский капитан Шаколи, курсовой офицер Михайловского Артиллерийского

Училища. Кадровый офицер, кончивший Артиллерийскую академию, слегка суховатый формалист, строгий и придирчивый, он тем не менее был любим юнкерами за ровный и добрый характер. Он был единственным из курсовых офицеров обоих артиллерийских училищ в Петербурге (а их было не менее сорока!), решившим разделить судьбу своих воспитанников и пустившимся на „авантюру", чреватую самыми опасными последствиями.

Под командой капитана Шаколи мы почувствовали себя вновь юнкерами и вошли в прежнюю обстановку дисциплины юнкерского училища. Капитан Шаколи цукал за опаздывание из отпуска, строго требовал соблюдения общего военного порядка и чистоты, что было нелегким делом из-за скученности в помещении классов гимназии. Шаколи строго запрещал пить, курить в помещении и играть в карты.

В один прекрасный вечер капитан накрыл компанию карточных игроков, не успевших спрятать карты. Карты были конфискованы.

В спальню пришли фельдфебели и скомандовали построиться. В коридоре скоро послышался звон шпор Шаколи. „Смирно! Равнение направо!"

Капитал Шаколи долго стоял перед строем и молча смотрел на юнкеров, потом достал из кармана колоду карт и так же молча начал медленно разрывать по одной карте. Операция продолжалась минут двадцать. Виновные, однако, не были вызваны перед строем и не были наказаны.

Однажды капитан начал цукать юнкеров за нечистоту в уборных. „Разнос" продолжался добрых полчаса, пока один из „козерогов" 12-го курса, бывший студент-технолог, не попросил разрешения „доложить" и почтительно „доложил" начальству,

что существуют формулы, согласно коим канализационные трубы могут обслуживать только строго определенное число людей и если эти нормы нарушаются, то засорение труб неизбежно. Спорить с инженером-специалистом было неудобно, и капитан Шаколи замял разговор, перенеся „разнос" на другие менее специальные объекты.

Капитан Шаколи, ввиду своей учебной и академической деятельности, не знал войну в действительности, а о пехотных строях и боевых развертываниях не имел представления. Поэтому наши занятия стали довольно оригинальными. Капитан-академик считал, что сводно-артиллерийской роте придется действовать лишь на улицах городов против слабо вооруженной толпы. Очевидно, он сравнивал события наших дней с восстаниями 1905 года. Мы ходили регулярно в городской парк, обучались там залповой стрельбе, конечно, без патронов, а затем бежали „в штыки". Нашим кадетам пехотный строй еще в корпусах „надоел до чертиков", и они ругались, идя на учение.

Дни шли за днями... На севере Дона поднималась грозовая туча: московские партийные стратеги почуяли, что на Дону происходит что-то неладное. Запасные батальоны в Ростове и в других городах, по требованию большевистского центра, явно готовились к вооруженному выступлению. Шумели и новочеркасские большевики.

В тревожные ночи, когда, по агентурным данным, ожидалось их выступление, все группы Алексеевской организации сосредоточивались в полном боевом снаряжении на Барочной улице и там проводили бóльшую часть ночи. Отряд представлял собой уже довольно внушительную силу – около ты-

сячи хорошо вооруженных, идейно готовых на все бойцов.

Иногда наша рота проходила по городу с военными песнями. Это был для нас как бы парад. Тут уж наша „кадетня" старалась превзойти саму себя: маршировали, как прусские гренадеры Фридриха Великого, бросая открытый вызов революции, анархии, дезертирам и самóй распущенной толпе на заплеванных лузгой тротуарах.

Выравненные штыки блестят на солнце, винтовки подняты высоко „по-гвардейски", шпоры трехсот человек мерно лязгают в такт шагу. „Смир-но! Равнение напра-во, господа офицеры!"

Честь генералу... Донской генерал, очевидно в отставке, уже старичок, испуганный революцией, робко идет по тротуару, боится, как бы его не толкнули, не обругали новые господа улицы. Старик никак не думает, что это командуют ему, роняет палку, растерянно машет рукой... Строй уже прошел, а генерал все стоит на улице и смотрит ему вслед. Слезы медленно стекают по морщинам, выжженным, быть может, еще солнцем Плевны, знойными ветрами Бухарских пустынь.

А вокруг все та же улица: „революционные" чубы, расстегнутые шинели и гимнастерки, цигарки в зубах, мятые фуражки на затылках... Нас ненавидят и шипят вслед, бросая взгляды, полные ярости и ненависти: „Буржуи... империалисты... войну затеваете? Зачем сюда приехали? Мать вашу!.. Кадеты проклятые!.."

А тут еще юнкерская песня:

Скачет и мчится лихая батарея,
Стальные пушки на солнце блестят!

Эй, песнь моя, любимая!
Буль-буль-буль бутылочка
Казенного вина.
Справно повзводно сидеть молодцами,
Не горячить понапрасну коней...

Скоро наша Константиновско-Михайловская артиллерийская рота стала единым спаянным целым. Враждовавшие с незапамятных времен „михайлоны" и „констапупы" оказались рядом в строю, рядом за столом и рядом, вповалку, на кроватях. По существу и те и другие — бывшие кадеты, часто одноклассники и товарищи, и „вражда" носила лишь внешний характер, вызванный традиционным соревнованием двух отличных артиллерийских училищ. Обвиняли друг друга в непонятных для постороннего человека вещах. Например, в Константиновском Училище не воспрещалось ругаться, в Михайловском ругань, по традиции, не допускалась. Константиновцы издевались над „приторной" вежливостью михайловцев, которые отвечали песенкой-„журавлем":

— Кто невежлив, глуп и туп —
Это юнкер констапуп...

Оба училища обвиняли друг друга в пристрастии к пехоте. Константиновцы дразнили михайловцев, что те слишком усердно занимались пешим строем, что у константиновцев возбранялось.

Михайловцы допекали константиновцев черной выпушкой на их погоне, говоря, что они „носят траур по пехоте". Намек был на происхождение Константиновского Училища от „Дворянского Пол-

ка", бывшего сто лет тому назад пехотной школой, что било константиновцев по больному месту. Константиновцы смеялись над традицией михайловцев носить шпоры на младшем курсе, что строго воспрещалось. Поэтому юнкера-михайловцы, идя в отпуск, надевали шпоры в ближайшем подъезде. Тот, кто попадался на этом проступке первым и получал арест и запрещение отпуска на месяц, тот получал от товарищей по традиции „Савельевские шпоры". Это обстоятельство упоминалось в песне константиновцев, перечислявшей „грехи" михайловцев, и в том числе „... и надевать в подъездах шпоры"... А в противоположность „убожеству" михайлонов воспевались собственные достоинства, на мотив „Алла верды", – „Но то ли дело – Полк Дворянский"...

Вместе же мы в тот год пели песню, названную – „Молитва офицера".

После печальных строк:

На родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же, на нас же восстал.
Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью нас всех закидал.

так звучали последние слова:

...Когда по окопам от края до края
Отбоя сигнал прозвучит,
Сберется семья офицеров родная
Последнее дело свершить.

Тогда мы оружье свое боевое,
Награды, что взяты, что взяты в бою,
Глубоко зароем под хладной землею
И славу схороним свою...

А принесенная нам фронтовая песня „Туркестанских стрелков", в несколько переделанном виде, стала традиционной песней всей Юнкерской батареи:

Ликующим кликом врагам возвестили,
Что им не осилить петроградских юнкеров,
За Замок Инженерный мы им отомстили
Ударом могучих штыков...

Несчастной России несем мы свободу
Пусть верит она добровольцам своим.
Великою клятвою Русскому народу
Клянемся, что мы победим!..

26 ноября грянуло большевистское восстание в Ростове. Запасные батальоны, матросы и фабричные рабочие-красногвардейцы овладели центром города и его предместьем – Нахичеванью. В Новочеркасске распространились слухи, что красные идут на столицу Дона с целью захватить Атамана и раздавить „кадетскую контрреволюцию".

Тревога... Звонят телефоны, бегают офицеры с полным снаряжением. Приказание: приготовиться „в ружье", потом „отставить". Мы спешно готовимся. Юнкера чистят винтовки, смазывают затворы. Слышно непрерывное щелкание со всех сторон. Работают молча. Получают патронташи с патронами и ручные гранаты с ударниками. Личные вещи упаковывают и относят на чердак. „Наконец дождались... Наконец-то в бой", – таково общее настроение.

Через некоторое время приходит приказ: строиться на улице в полном снаряжении в походную колонну. Все бегут по лестнице вниз, словно боясь опоздать, кому-то второпях чуть не выкололи глаз

штыком. На улице строятся, офицеры на местах. Шаколи, с шашкой и полевым биноклем, становится в голове колонны и протяжно, не по-пехотному командует: „Шаа-гом маа-рш!”...

Винтовки на ремень, колонна движется быстро на Барочную улицу. Там суматоха большого штаба. Артиллерийская рота вытянулась вдоль тротуара и уже дольше часа ожидает дальнейших приказаний. Наконец, появляется довольно улыбающийся капитан Шаколи и радостно кричит: „Построиться! Домой!”

В ответ слышен скрытый ропот, но колонна, конечно, послушно строится и поворачивает обратно в Платовскую гимназию. Там следует приказ: собраться в зале. Мы узнаем, что не кто иной, как капитан Шаколи уговорил командование оставить артиллеристов в Новочеркасске, а на Ростов направить лишь отряд полковника князя Хованского, который уже рано утром направился поездами на Ростов – Нахичевань.

Негодование против капитана Шаколи еще более усиливается, когда он произносит в зале небольшую речь, уговаривая юнкеров не горячиться: „Воевать вы еще успеете, не забывайте, что вы артиллеристы, специалисты, которых надо беречь, а не бросать сразу же в огонь... Такого материала здесь не много”. Очевидно, он то же самое говорил и генералу Алексееву и настоял на отмене приказа идти на Ростов. Однако на другой день в Платовской гимназии становится известным, что отряд полковника Хованского потерпел неудачу под Нахичеванью, отступает на Новочеркасск и что уже решено послать Юнкерскую артиллерийскую роту под Нахичевань-Донскую.

Капитан Шаколи печален. Теперь поход неизбежен. Повторяется вчерашнее: Михайловско-Константиновская сводная артиллерийская рота строится в полной боевой готовности перед Платовской гимназией. Больных – нет. Дух бодрый, настроение воинственное, но не у начальства, настроенного довольно мрачно. Патронташи набиты до отказа, ручные гранаты на поясах, юнкерские фуражки заменены у многих донскими папахами. Погоны почти у всех юнкерские с вензелями „М" или „К". Капитан Шаколи вышел в офицерской шинели мирного времени, перепоясанной новым поясом и наплечными ремнями. У него шашка и артиллерийский бинокль. Команда: „Смирно! Равнение на середину!"... „На молитву!" Все снимают фуражки и крестятся. Невольно мелькает мысль: „Кто-то ведь не вернется назад"... – „Накройсь!" Краткое напутственное слово, потом: „Правое плечо вперед! Шагом марш! Прямо!"

Колонна идет теперь по Ермаковскому проспекту вниз, мимо собора, прямо к вокзалу, где уже приготовлены вагоны. Кто-то из первого взвода спрашивает Шаколи: „Господин капитан, разрешите петь?" Шаколи поворачивается: „Нет, петь будем, когда будем идти назад... с победой".

Все призадумались, идут молча. Народ с тротуаров наблюдает за колонной. Никто не приветствует и не благословляет идущих в первый бой, на защиту Донской столицы. Вот городской собор в византийском стиле, дальше крутой спуск к вокзалу. Идет редкий снежок, из степи дует холодный ветер, небо серо и уныло.

На первом пути стоит длинный эшелон, состоящий из вагонов 3-го класса, вагоны разделены для

каждого взвода. Посадка... Поезд стоит уже больше часа. Темнеет. Вагоны не освещены. Оказывается, железнодорожные бригады отказались везти поезд с юнкерами „для подавления революционного пролетариата". Некоторые машинисты сбежали и их тщетно ищут, иные упорствуют и не поддаются никаким уговорам. Спустилась ранняя ноябрьская ночь. Все тихо сидят во мраке. Некоторые юнкера заснули. При каждом движении сталкиваются и позвякивают штыки. На платформе слышны голоса: „Передать по вагонам: есть ли среди юнкеров бывшие студенты-путейцы?" Вот когда пригодились „шпаки" и „козероги"...

После долгих поисков нашли двух студентов-путейцев первого курса – Раскина и Фишера, юнкеров 12-го курса. Их тащат с торжеством на паровоз. Практически они, однако, весьма неопытны. Начались толчки да рывки. Вперед... назад... стоп... рывок. С полок летят винтовки и патронташи. Так долгие часы во мраке... После ряда попыток им все же удалось двинуть поезд с места. Часам к трем ночи еле-еле дотащились до станции Аксай. На платформе слышались оживленные голоса. Оказывается, на станции Аксай стояли эшелоны полковника князя Хованского и капитана Парфенова. Отряды: офицерский, юнкерский и морской-гардемаринский были накануне отбиты с потерями от Нахичевани и теперь отошли к Аксаю, везя с собой раненых и нескольких убитых. Встреча в Аксае была невеселая. Отступившие рассказывали, что большевиков не менее тридцати тысяч и они двигаются к Новочеркасску.

От этих рассказов стало как-то не по себе. Тягостное предчувствие не давало спать. Я вышел на

платформу с другими юнкерами. На платформе горел большой костер, а у костра какой-то офицер из отряда Хованского советовал вновь прибывшим строить из шпал, мешков земли и рельсов „блиндированный поезд”. Времени, однако, больше не было. Прозвучал приказ: „По вагонам!” и поезд двинулся малым ходом дальше к Нахичевани, навстречу врагу.

Рассвет, серое утро... Довольно большая станция – Кизитиринка. На станционной платформе выстроилась Юнкерская артиллерийская рота. Холодно. От бессонной ночи дрожишь и зубы выбивают барабанную дробь. От Кизитиринки верстах в десяти Нахичевань-Донская, вокзал и предместья Ростова. Там – враг. Направо от станции – подъем в гору, где дома станицы Александровской, налево, под откосом, течет Дон – черная вода в белых, снежных берегах. В степи повсюду черные прогалины пахоти. Далеко видны стога сена, за которыми двигаются крошечные черные фигурки. Оттуда, а также со стороны станции Нахичевань, слышны редкие, но довольно близкие выстрелы. Впереди – заставы казачьего отряда полковника Попова, которому подчинен и отряд юнкеров.

Скоро появляется полковник Попов, высокий, чернобородый казак, здоровается с капитаном Шаколи и уводит его в станционное здание на совещание. В это же время сестры милосердия приносят юнкерам хлеб и чайную колбасу. Аппетита нет, но, как-то автоматически, все же ешь. Раздается команда: „Становись!” – это вышел капитан Шаколи. Взводы артиллерийской роты получили направление и расходятся рядами. Наш первый взвод идет направо от полотна, по канаве, в направлении Нахичевани.

Не прошли и полкилометра, как просвистели первые пули. Звук был высокий, нежный и не страшный. Всем стало весело. Жизнерадостный юнкер Неклюдов, из бывших доцентов, начал шутить. Никакого противника больше не видно, так как впереди гребень возвышенности, а на гребне железнодорожная будка. Чем ближе к будке, тем чаще свистят, уже не на излете, пули. Команда: „Стой!" Молодой офицер-кавказец, нас сопровождающий, идет к будке и, стоя там под градом пуль, рассматривает в бинокль противника. Его белый башлык развевается по ветру. Вот он бежит назад... Взвод разбивается по отделениям и начинает двигаться направо по улицам станицы, оставляя позади железнодорожное полотно и поезд. Первый взвод собирается около двух огромных стогов сена, на другой окраине станицы.

Противник заметил, очевидно, движение на краю станицы, стрельба участилась, пули свистят непрерывно. Некоторые юнкера побледнели и жмутся к стогам, другие, наоборот, бравируют, шутят, подсмеиваясь друг над другом. Капитан Шаколи вскарабкался на большой стог соломы и установил там большую артиллерийскую трубу. Видимо, собирается командовать ротой, как батареей.

„Первый взвод! От середины по линии в цепь! Бегом!" Это нам. Сопровождающие нас пехотные офицеры командуют, и мы, уже не обращая внимания на пули, бежим вперед, перелезая невысокие станичные заборы, через огороды и фруктовые сады. Хочется, как можно скорее, увидеть противника и начать стрелять. У последних сараев перед нами открывается вид: заводы Нахичевани, как на ладони. Перед заводами — густые цепи красных. Позади нас

звонко бьют две трехдюймовки. „Наши – казачьи!" – кричу юнкеру Прохорову. Смотрю вперед и вижу, как облачка пристрелочной шрапнели медленно плывут над фабричной трубой. Впереди, правее, видны казаки-пулеметчики, начавшие строчить по красным; еще правее, между крайними домами, видны шинели продвигающихся юнкеров первого взвода.

В это время слышу какое-то близкое щелкание и ощущаю сильный удар, словно камнем в правый бок. Тупая боль и ощущение проникновения постороннего предмета куда-то в глубину тела. „Ранен!" – говорю Прохорову и роняю винтовку. Прохоров помогает мне подняться, и мы медленно бредем назад. Все стало как-то безразлично и серо кругом. Как во сне, вижу казаков у патронных двуколок, стоящих за домами. „Как трудно перелезать через заборы!" Подвезли арбу с соломой, куда меня и положили. На ту же арбу положили и другого раненного юнкера, михайловца Малькевича, поддерживавшего перебитую у плеча руку и громко стонавшего. Мы с ним были первыми ранеными юнкерской, артиллерийской роты. Нас повезли на перевязочный пункт, около станции. В воздухе низко что-то прошуршало и впереди, совсем близко, раздался взрыв. То канонерская лодка „Колхида" открыла с Дона огонь по расположению нашего отряда. Передовой перевязочный пункт находился на железнодорожной будке, близ Аксая, почти на линии ружейного огня и под обстрелом „Колхиды". В будке работали лишь две молоденьких сестры и студент-санитар. Раненых в будке было только трое: юнкер Малькевич, я и юнкер из казачьего Новочеркасского училища. Других раненых везли, очевидно, прямо на Аксай. Казачий юнкер был тяжело ра-

нен: пуля вошла в плечо и вышла около позвоночника в нижней части спины. Раненый стонал и обливался кровью. Перевязка тотчас же намокала. Сестры от него не отходили. Стонал и юнкер Малькевич. Сестры все внимание обращали на стонущих, а меня принимали за легко раненного, и когда, уже под вечер, пришла из Аксая повозка, в нее уложили Малькевича и юнкера-казака. Сестры говорили, что впереди никого из наших нет и красные близко. Они ушли вместе с повозкой, сказав, что пришлют повозку и за мной. Остался лишь санитар-студент.

Пришла ночь, а повозки все не было. У меня начался сильный жар. Студент предложил идти на станцию пешком, так как дальше оставаться было опасно. Мы пошли по шпалам, обнявшись. Слепое ранение в бок почти не причиняло мне боли, но в жару я все время говорил. Трудно сказать, сколько времени мы шли, но мы добрались до станции Кизитиринка. В зале станции сидели и лежали какие-то казаки с винтовками, не то отступившие, не то пришедшие на поддержку. Тут стало известно, что наше наступление на Нахичевань отбито красными. Через некоторое время какие-то люди подняли меня и положили прямо на пропитанную навозом солому в вагон. Но просто лежать было уже хорошо.

Теплушка долго прыгала по стрелкам взад и вперед и наконец остановилась. Дверь распахнулась, ворвался свет. – „Аксай!” – крикнул кто-то. – „В санитарный поезд!” Меня опять подняли и понесли. В санитарном поезде уже было светло, тепло и уютно. На время пришло забытье.

В эту же ночь поезд пришел в Новочеркасск, где раненых уже ожидали санитарные машины. Нас быстро провезли по тополевой аллее мимо собора и па-

мятника Ермаку. Улицы в поздний час были пусты, над головой – ночное небо и яркие, вечные звезды.

Таков был мой первый бой и печальное возвращение... На узкой улице машина остановилась. Над лампой виднелась вывеска: „Больница Общества Донских Врачей”. „Еще раненые!” – раздался женский голос. – „Санитары, давайте носилки!”

Высокая температура держалась долго, мой организм отчаянно боролся со смертью. Наконец, из раны прорвался гной и появилась надежда на возвращение к жизни. Добровольная сестра милосердия, дочь Верховного Главнокомандующего генерала Алексеева, Клавдия Михайловна Алексеева, была моим „ангелом-хранителем”, дни и долгие вечера боролась она за мою жизнь. Всегда бодрая, энергичная, она не отступала перед трудностями жизни, и, глядя на нее, верилось в лучшее будущее и в конечную победу. Ее младшая сестра, Вера Михайловна, такая же идейная и целеустремленная, готовая жертвовать всем для раненого, – просиживала ночи над тяжело раненным юнкером Малькевичем, стараясь его спасти. Третьей добровольной сестрой нашей палаты была дочь генерала Корнилова, Наталия Лавровна. Красавица-блондинка с изумительно нежной кожей и очаровательной улыбкой, открывавшей жемчуг ровных зубов. Ее муж – морской офицер, приезжал из Петербурга в Новочеркасск, чтоб взять ее с собой в Петербург, где он был преподавателем Морского училища, но она категорически отказалась, после чего их дороги разошлись. Наталия Лавровна не скрывала, что она республиканка: „Как и мой папа”, – говорила она, улыбаясь. Эти ее слова приводили в ярость лежавших в нашей палате двух гардемаринов Морского училища Сербинова и

Клитина, ярых монархистов, из коих один был ранен пулей в ключицу, а другой притворялся контуженным, явно не имея намерения вновь попасть под пули. Оба жаловались Клавдии Михайловне и просили ее устроить так, чтобы Наталия Лавровна за ними больше не ухаживала. (Уже тогда намечался раскол среди приехавших добровольцев, делившихся идейно на „монархистов" и „республиканцев", ожидавших приезда генерала Корнилова.)

Ростов был взят после упорного боя и появления в красном тылу добровольческих частей и пластунов из Екатеринодара. Тридцатитысячная Красная армия панически бежала на север и северо-восток. Наша сводно-артиллерийская рота потеряла несколько человек: юнкер Баранов был убит наповал пулей в голову, от легкой раны в ногу скончался юнкер Неклюдов, блестящий доцент-юрист, идейно приехавший на Дон. Он заразился столбняком и через несколько часов умер. Умер от пулевого ранения в живот и юнкер-константиновец Певцов. Тяжело ранены были юнкера: Малькевич, Газенцер и я. Было еще несколько более легко раненных юнкеров, которых отправили в другие лазареты. У новочеркасских казачьих юнкеров было около десяти убитых и несколько раненых.

Отпевание убитых юнкеров состоялось в новочеркасском соборе. На этот раз Новочеркасск всколыхнулся. Многие осознали, что среди убитых была и своя, казачья молодежь, кроме того, дело шло о защите Дона и столицы от какой-то враждебной Дону чужой силы. Народу на похоронах было много. Генерал Алексеев произнес исключительную по силе речь, во время коей обратился в сторону лежащих в гробах: „Орлята! Где были ваши орлы, когда вы

умирали?" Присутствующим в церкви казакам-фронтовикам стало не по себе...

Однажды вечером зашел ко мне в палату капитан Шаколи, сел рядом с кроватью и посмотрел мне в глаза добрым и глубоким взглядом. Я не узнал в нем строгого, требовательного начальника. Он взял мою руку и тихо сказал: „От лица службы – спасибо за все... Спасибо за пролитую кровь".

В лазарет часто приходили товарищи-юнкера, вернувшиеся после взятия Ростова снова в Платовскую гимназию, и рассказывали все последние новости. От них я узнал, что несколько юнкеров из бывших гимназистов и студентов, после боя под Ростовом, уехали тайком на север – домой. Среди уехавших был и мой гимназический товарищ. Не устояли и не поверили. По слухам, юнкерская рота должна была получить пушки и стать наконец настоящей батареей. Рассказывали и об успешных формированиях донских партизанских отрядов, большей частью из учащейся молодежи. Называли имя есаула Чернецова, творившего чудеса храбрости, главным образом, на железных дорогах Донецкого бассейна.

Довелось мне увидеть в лазарете и троих глубоко уважаемых мною людей. Посетил нашу палату бывший Верховный, начальник Штаба Государя, генерал Алексеев. Очевидно, дочери ему успели подробно рассказать о раненых, ибо он обращался к каждому как к знакомому, спрашивал о здоровье, о настроении, об Училище.

Старый Верховный Главнокомандующий Российской Армии производил огромное впечатление умом, своим обращением, дружеской непринужденностью. Пришел к нам и другой герой Российской Армии – генерал Корнилов[9]. Легендарная фигура

„Быховского пленника", начальника железной 48-ой дивизии, беглеца из австрийского плена, создателя „ударных" корниловских батальонов, не могла не вызывать у меня уважения и даже преклонения. Наталья Лавровна давно уже это заметила и обещала мне привести к нам в палату своего отца. Было заметно, как она им гордится. Выйдя однажды, при помощи костылей, в коридор, я увидел перед собой человека невысокого роста в бараньем полушубке и в высокой шапке. Лицо его было загорелым и немного морщинистым от солнца и ветра. Черные, узкие, „монгольские", глаза смотрели прямо и пытливо. С первого же взгляда я узнал „Быховского пленника". Мои костыли упали на пол. Он помог мне их поднять.

„Откуда Вы меня знаете? – спросил он. – Вы были под моей командой?" – „Нет, – сказал я, – но ведь Вас вся Россия знает!" Он улыбнулся и спросил, какого я училища, где и когда ранен. Конечно, я был счастлив, что смог поговорить с генералом Корниловым лично.

Приходил и генерал Каледин – тоже историческая личность. Генерал Каледин обошел нашу палату и разговаривал с каждым раненым. Он говорил мягким голосом и сразу же располагал к себе каким-то внутренним пониманием. Одно в нем поражало: он ни разу не улыбнулся. Атаман Дона, очевидно, смотрел дальше в будущее, чем все мы, и уже тогда видел и конец Дона, и свой конец.

За время моего отсутствия в моей части произошли некоторые события. На Новый год был устроен в „Артиллерийской роте" торжественный банкет, на коем присутствовал только что прибывший в Новочеркасск генерал Марков[10] – начальник „Желез-

ных стрелков". На этом банкете произошло торжественное примирение „михайлонов" и „констапупов" и вынесено решение: покончить с традиционной враждой. Пили много вина, обнимались...

Молодой генерал Марков произнес яркую и полную значения речь: „„... Не надо тешить себя иллюзиями. Нам предстоит страшная борьба и не многие увидят ее конец... Нам самим, для себя, ничего не надо!.." Помолчал и крикнул: „Да здравствует Россия!"

В этот вечер кадетская традиционная песня „Братья, все в одно моленье души русские сольем"... имела глубокий смысл, и не было никого, кто бы этого не осознал всей душой и не произнес бы внутренне клятву верности – идти до конца.

Слова генерала Маркова начали быстро оправдываться: с первых дней января 1918 года началась на Дону борьба не на жизнь, а на смерть: Совет народных комиссаров в Москве учел опасность зарождения на Дону „Добровольческой армии" и бросил туда сотни опытных пропагандистов и шпионов, отряды латышских стрелков и отборные отряды красногвардейцев из обеих столиц. Кроме того, углекопам-коммунистам из Донбасса было роздано оружие и дано предписание нажать на Ростов и на Таганрог. С востока поднялись рабочие из Царицына против Донского атамана. С севера двигались на Новочеркасск распропагандированные казаки с фронта, с 6-ой гвардейской батареей. С юга двигалась на Дон оставившая турецкий фронт 39-ая дивизия, разложенная большевистскими ячейками. Кроме того, для большей устойчивости прибыли отряды ЧК из матросов, пленных венгров и китайцев.

Наши юнкера участвовали в разоружении запасных батальонов Новочеркасска, обошедшемся без крови. „Артиллерийская рота" была расформирована и превращена в батарею. Одно орудие взяли в Донском музее. Неизвестно, почему оно там стояло. Говорили, что его иногда брали для салютирования на похоронах отставных генералов. Это орудие, названное у нас „Первым", сыграло большую роль. Из него было произведено несколько тысяч выстрелов и отличалось оно большой точностью боя. Второе орудие было куплено у каких-то солдат и два орудия были захвачены вместе с лошадьми, упряжью, зарядными ящиками и телефонными аппаратами на станции „Атаман" в 40 верстах от Новочеркасска, где стоял запасный дивизион 39-ой артиллерийской бригады. Юнкера произвели на станцию лихой налет, окончившийся полным успехом; при этом не было произведено ни одного выстрела и не было пролито ни капли крови.

Капитан Шаколи был переведен на другую должность, а на его место, командиром Первой батареи, был назначен подполковник Миончинский — Георгиевский кавалер, заслуженный командир дивизиона с фронта. Одновременно пришли в Первую батарею: донской артиллерист капитан Князев, полковник Менжинский, штабс-капитан Шперлинг, поручик Давыдов. Батарея была разбита на взводы и участвовала на всех фронтах обороны Дона.

В эти дни на Дону проявлял большую доблесть партизанский казачий отряд есаула Чернецова[11], сформированный из донских кадетов, юнкеров, семинаристов и офицеров-добровольцев (30 ноября 1917 года). Наши орудия часто сопровождали этот лихой отряд, действовавший в районе: Глубокая,

Лихая, Каменская, Миллерово, Дебальцево... Сплошного фронта в то время не было. Война имела железнодорожный характер. Воевали поездами: впереди платформа с пушкой и пулеметами, позади вагоны с группой партизан, которые в начале боя выскакивают из вагонов и, рассыпавшись в цепь, атакуют красных. Идет встречный бой.

Есаул Чернецов с успехом применял собственную партизанскую тактику. Он с малой группой выходил в тыл скопления Красной гвардии у одного из железнодорожных узлов, оставляя часть группы на железной дороге с фронта. На рассвете он атаковал красных одновременно с фронта и с тыла. Тысяча красногвардейцев и матросов, латышей и китайцев в панике бежали в разные стороны от двухсот партизан-мальчишек – „чернецовцев", бросая свои поезда с десятками вагонов с богатой награбленной добычей. Партизаны-юнцы интересовались брошенным оружием, да сладкими консервами, офицеры пробовали иногда и вина из погребов Зимнего дворца, коими была в изобилии снабжена отборная гвардия Ленина и Троцкого.

В январе 1918 года есаул Чернецов был через чин произведен Донским войсковым кругом в полковники и продолжал успешно защищать Донскую область по железным дорогам.

Ячейки Добровольческой армии начали развиваться и крепнуть. Кроме Юнкерского батальона, сформировался Студенческий батальон, Офицерский батальон и „Дивизион смерти". С фронта прибыли на Дон, правда, сильно поредевшие, части Корниловского ударного полка и в Ростове и Новочеркасске получили пополнение из добровольцев.

Но настал печальный день: большевистский штаб

предпринял маневр против отряда Чернецова, использовав для этого своих же казаков-изменников из станицы Каменской. Войсковой старшина Голубов и подхорунжий Подтелков взяли на себя задачу, с несколькими сотнями и гвардейской батареей, неожиданно охватить „чернецовцев" с тыла. В то же время изменники из казаков следили за передвижением „чернецовцев" и сообщали о нем большевикам. Большевики успели сосредоточить к месту обходного удара „чернецовцев" несколько орудий и пулеметные команды и встретили партизан непривычно сосредоточенным огнем. Хотя взвод наших орудий поддерживал наступление „чернецовцев", на этот раз оно не имело успеха. Бой затянулся, патроны и снаряды были расстреляны. Надо было отходить к главным силам, признав неудачу. Во время отхода отряд Чернецова и был неожиданно атакован сотнями Голубова с гвардейской батареей. Когда оставшиеся еще снаряды партизан были расстреляны, красные подвезли пулеметы и начали в упор расстреливать партизан. Чернецов крикнул, что он сдается казакам. Партизаны и юнкера были окружены казаками и направлены к месту расположения красных. Самого Чернецова, раненного в ступню, посадили на коня. Подтелков ехал с ним рядом. Неожиданно Чернецов ударил Подтелкова кулаком в лицо и крикнул юнкерам и партизанам: „Дети, бегите!" Все бросились врассыпную и многим удалось скрыться под покровом наступивших сумерек. Сам Чернецов вырвался было вперед, но Подтелков был на лучшем коне – он догнал донского героя и зарубил его шашкой.

Многим юнкерам удалось бежать, но те, кто были пойманы, были забиты насмерть шпалами на же-

лезнодорожном полотне. Там были кадеты и петербургские гимназисты, среди них и мой товарищ по гимназии – Павлов. Некоторые юнкера успели ускакать на уносах во время конной атаки казаков Подтелкова. Два орудия пришлось бросить, но замки и панорамы юнкера успели снять и потопить в яме глубокого ручья.

Убийство полковника Чернецова, 20 января, послужило сигналом к общему наступлению красных на Дон. Добровольцев начали теснить в направлении Ростова и Таганрога. Донцы тоже отходили к Новочеркасску, со смертью Чернецова у них, видимо, упал дух борьбы против красных, во много раз превосходящих их силами.

В „Больницу Общества Донских Врачей" вновь привезли нескольких наших юнкеров, среди них юнкера Бахмурина, раненного в ногу. Раненых привозили со всех „фронтов" и многие из них говорили: „Что мы можем сделать, мы идем цепочками по тридцать человек в атаку против десятков тысяч красных?!"

Настали морозы. Снега запорошили донские степи. Купол византийского собора побелел. На высокой шапке Ермака лежал снег. Вороны стаями летали над городским парком и, каркая, как бы накликали беду. Снова пришла плохая весть: группа наших юнкеров, направленная, с целью взрыва важного моста, на царицынском направлении в тыл большевикам, была окружена красными и после отчаянного боя, чтобы избежать плена, взорвалась в вагоне, где оборонялась. Никто из этой группы не спасся. Вечная им память.

Морозные узоры разрисовали окна больницы, в

длинных коридорах было как-то особенно тоскливо. Изредка, как светлая тень, прошмыгнет сестра в белой косынке, простучат костыли раненого, и изза двери палаты послышится стон или бред. В палате № 3 умирает юнкер Малькевич, по прозвищу „Сингапур". Он стройный, смуглый. Зубы у него белые, как слоновая кость, и похож он на детей тех далеких стран, где всегда светит солнце, где пальмы тянут свои узорные листья к синему небу. Поэтому кадеты, его товарищи, и дали ему прозвище „Сингапур". Как странно это имя в занесенных снегами степях, где царит пурга, каркают вороны и медленно, но верно, продвигает свои зловещие, неумолимые полчища „торжествующий хам".

Малькевич мучился почти месяц. Долгий месяц бессонных ночей, тоскливых дней, бесконечной боли... И вот сегодняшнее серое, морозное утро – последнее в его короткой восемнадцатилетней жизни. Капитан Шаколи просидел всю ночь у изголовья умирающего мальчика и сейчас стоит у окна, глядя на уголок серого неба, и соскребает ногтем морозный узор. В коридоре, у двери палаты № 3, рыдает сестра Вера, глухо и безутешно. Со всем мужеством и энергией, унаследованной от отца, ген. Алексеева, она пыталась отстоять юнкера у смерти. И вот – напрасны все усилия, бессонные ночи, нервное напряжение. Сколько раз возникали радостные надежды, и столько раз они сменялись отчаянием.

За окнами лазарета – тревога... Новочеркасск в кольце. Скупые строчки официальных газетных сводок все чаще называют станицы и станции под самой донской столицей.

– „Пушки гремят под Сулином!" – так начинается одно из последних воззваний атамана к казакам,

уговаривающее их взяться наконец за оружие и стать на защиту родного края.

Морозный степной ветер треплет расклеенные по городу афиши-призывы, разносит по улицам печальный звон колокола с высокой соборной колокольни и мотивы похоронных маршей...

Теперь не проходит дня, чтобы не звучал печальный колокол, не гремели бы торжественные звуки похоронных маршей, чтобы не привозили в гробах юнкеров, кадет, гимназистов, прапорщиков, сотников и хорунжих и не опускали бы их в могилы вновь основанного в Новочеркасске „Партизанского кладбища". Везут их со всех „фронтов": с Шахтной, Горной, из-под Сулина и Матвеева кургана, отовсюду, где гремят пушки, дымят бронепоезда, строчат пулеметы, не смолкает оружейная стрельба, где редкие, последние цепи юнкеров, кадет и партизан еще удерживают полчища красных.

Сегодня разнеслась весть, что донской атаман Каледин застрелился в своем дворце. Он покончил с собой, когда убедился, что казаки не хотят защищать свой край, – он отказался уходить из столицы вместе с верными казаками и Добровольческой армией. Атаман Всевеликого Войска Донского не мог оставить свой пост.

Смерть атамана, рыцаря долга и чести, заставила многих казаков одуматься, но повернуть ход событий не могла. Большевистские части, вместе с казаками-изменниками, подступали с севера к Новочеркасску, с запада и с юга к Ростову.

В начале февраля я оставил лазарет и присоединился на станции Ростов к Юнкерской батарее. Уже на другой день мы вышли с пушкой на платформе навстречу красным – в Батайск. В батарее я узнал о

трагической гибели батарейного фельдфебеля портупей-юнкера Шперлинга, упавшего случайно с площадки под колеса вагона. Рассказали мне и о гибели другого фельдфебеля Юнкерской батареи, которого я не знал. Этим фельдфебелем была молодая девушка – княжна Черкасская. Однажды во второй взвод батареи явилась высокая, красивая девушка в кавалерийской шинели и сказала, что она – княжна Черкасская, что недавно большевики убили ее отца, мать и брата, и что она хочет быть добровольцем, ездит отлично на лошади и стреляет без промаха. И вот, в первых же боях она показала себя не только лихим, но и смышленым, распорядительным бойцом, способным понимать обстановку и командовать другими. Ее все полюбили, заботились о ней подчас трогательно, но, к сожалению, не могли удержать ее боевых порывов. Она как бы искала смерти... И нашла ее под Матвеевым курганом, когда два орудия, прикрывая отход пехоты перед сильнейшим противником, готовились уже бить картечью, а она, стоя во весь рост между орудиями, выпускала обойму за обоймой из карабина. Снежная пыль взметалась от пуль, воздух был насыщен свинцовым градом... Сраженная наповал, она упала на снег без стона, – прекрасная русская девушка, мстившая за свою семью и за поруганную родину. Имя ее чтилось в синодике Юнкерской батареи и впоследствии в бригаде генерала Маркова.

Глава 3

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД

После боя за Ростов, в коем приняла участие и Юнкерская батарея, состоялось совещание нашего командования. Было решено оставить Дон и, сохраняя Армию от уничтожения, отвести ее в Задонские степи и на Кубань[12]. В эти февральские дни выглянуло солнце, и со стороны Азова задул теплый, южный ветер.

Снег в степи быстро таял. Лед на Дону почернел и на льду выступила вода. Переправлять через лед артиллерию и обозы было трудно. Переправа через Дон происходила около станции Аксай в направлении станицы Ольгинской. В станице сосредоточились все отдельные части, образовав армию генерала Корнилова, ибо только он мог с успехом вести организационную работу и боевые операции. Со всех „фронтов" собралось около четырех тысяч пехотинцев и около тысячи конных, четыре трехдюймовых орудия, большой обоз раненых, опасавшихся оставаться на Дону, и еще более значительный обоз гражданских – политиков и беженцев.

В станице Ольгинской из отдельных групп и отрядов были созданы полки.

26 февраля* 1918 года армия ген. Корнилова, с трехцветным национальным флагом впереди, двинулась через задонские станицы, держа направление на Ставрополье; за ней тянулся, обременяющий все ее маневры, обоз раненых и гражданских лиц. Этот день – 26 февраля – надо считать первым днем Первого кубанского, генерала Корнилова, похода.

Юнкерская Первая батарея, несмотря на большие потери и испытания во время „рейдов" есаула Чернецова и боев на таганрогском направлении, под начальством подполковника Миончинского, оказалась в блестящем порядке. Юнкера были бодры и веселы. Боевая страда на Дону их закалила и спаяла в единую семью. Внешний вид юнкеров изменился. Юнкерские шинели сохранились не у всех, у кого порвались, у кого пропали. Преобладали овчинные казачьи или солдатские полушубки, у кого были и простые солдатские теплые куртки. Головные уборы были также различные, большей частью армейские или казачьи папахи. Шпор не было почти ни у кого. Ремни порвались и шпоры утонули в жидкой грязи. Шашки сохранились только у разведчиков, остальные побросали их за ненадобностью. Шашку заменила винтовка или карабин. Обувь была у большинства изношенная или новая солдатская. Но самое существенное изменение у юнкеров заключалось в исчезновении любимых юнкерских галунных погон с великокняжескими вензелями – „М" и „К".

26 февраля 1918 года все юнкера Михайловского и Константиновского Артиллерийских Училищ были произведены приказом генерала Корнилова, ставшего главнокомандующим, в прапорщики.

---

* Здесь и ниже все даты по новому стилю.

В тот же день юнкерские погоны были сняты и, так как офицерских галунных достать было, конечно, невозможно, на солдатских суконных погонах химическим карандашом проводили по середине погона черту и рисовали звездочку. Впрочем, весь Кубанский поход все старшие офицеры продолжали считать нас за юнкеров и командовали, как батарейными солдатами. Школа была тяжелая, но люди, ее прошедшие, действительно получили боевую закалку.

Новые прапорщики – офицеры „Первого легкого артиллерийского дивизиона" – как была переименована Юнкерская батарея, все, без исключения, были на должностях солдат: „номера", ездовые, фейерверкеры, разведчики, телефонисты, пулеметчики. Из тех, кому не осталось должности в батарее, был сформирован „пеший взвод". Обязанностью „пешего взвода" было прикрытие батареи, когда впереди не было пехоты. Такие случаи бывали в Кубанском походе довольно часто. Над „пешим взводом" в батарее порою смеялись, рассказывая, что командир батареи, подполковник Миончинский, увлекаясь иной раз преследованием бегущих большевиков, командовал взявшимся в „передки" орудиям: „Рысью марш!" „Пеший взвод вперед!" Но, несомненно, что-то подобное бывало. „Пеший взвод" должен был иногда гнаться за ускакавшей вперед батареей, утопая в вязком кубанском черноземе, и слушать при этом нелестные, непечатные эпитеты подполковника, считавшего „пеший взвод" легкой кавалерией.

Когда через несколько суток похода по кубанским степям у многих развалилась обувь и ноги были стерты до ран, „пеший взвод" уныло плелся позади, часто не поспевая к решающей схватке.

Однако у юнкеров „пешего взвода" были и преимущества: им не надо было поить, кормить и чистить коней, как „ездовым", и вставать на два часа раньше батареи; им не надо было стоять ночью часовыми в орудийном парке, как это приходилось „номерам". В походе мы всегда не досыпали и поэтому лишний час сна имел большое значение.

Когда Армия проходила Задонские станицы, большевики почти не наседали, но после взятия села Лежанка, когда армия Корнилова повернула в направлении Екатеринодара, навстречу армии генерала Эрдели, большевики не давали нам передышки. Днем приходилось пробиваться из окружения, а ночью уходить дальше.

Время сна ограничено тремя-четырьмя часами, а часто и того меньше. Почти всегда в три часа утра подъем и выступление. Ездовому надо встать еще на час раньше, чтобы успеть напоить и накормить пару коней. В станице – грязь по колено. Ночь холодная, колодцы глубокие, а веревка обледенелая, грязная, скользкая. Пока достанешь несколько ведер... После боя и сорокаверстного перехода – ломящая усталость. И после короткого сна она не проходит. Настроение злое, унылое. Невыспавшиеся старшие офицеры ругаются крепкими словами по ничтожному поводу, особенно если, недружно взявши с места, кони запутаются в постромках и сделают заступку. „Заступка" – это большое преступление ездового; а в полной темноте и в глубокой грязи сделать ее весьма легко.

Наконец, тронулись к сборному пункту. Слышно, как месят грязь пешие роты, повозки стучат колесами, чавкают по лужам и грязи сотни конских копыт, повсюду слышны крики: „Какой части?!"

„Отряд генерала Боровского!”... „Где отряд полковника Колосовского?”

... Чуть светлеет. „Стой! Слезай!” Теперь надо ждать больше часа подхода и сбора всех частей. Холодно! Наша молодежь возится друг с другом, греются. Становятся в кружок и запевают песню, чаще всего: „Настал универсальный век: прогресс и время все меняют...” или „Ермака” – „Ревела буря, дождь шумел”...

Вот скачет конный от штаба генерала Корнилова, ищет командира батареи и что-то ему докладывает. Командир садится на свою вороную кобылу – „По коням! Ездовые садись! Пулеметная двуколка вперед! Шагом ма-а-рш!” Если „пулеметная двуколка вперед” – это значит будет бой. Уже светает. Скоро взойдет солнце.

Идет наша пехота: „Офицерский батальон”, надевший черные погоны, траур по России, под командой генерала Маркова, „Корниловский ударный полк” с черно-красными погонами, под командой полковника Неженцева[13]. Цвет погон создан еще на фронте. – „Дети генерала Боровского”, – так зовут Ростовский Студенческий и Юнкерский батальоны, и Партизанский батальон генерала Богаевского, – остаток донских „партизан” из отрядов есаула Чернецова и Семилетова. Все эти части уже имеют свое боевое прошлое. Они идут в атаку, не останавливаясь и не ложась под огнем красных.

В корниловском Кубанском походе постепенно и незаметно образовывались боевые традиции и походные песни.

Корниловцы взяли слегка заунывный, но боевой, чисто славянский мотив сербской военной песни, так как в составе ударного полка были сербские

офицеры-добровольцы, постоянно певшие боевые песни-марши:

Пусть кругом одно глумленье,
Клевета и гнет.
Нас, корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Мы былого не жалеем,
Царь нам не кумир,
Лишь одну мечту лелеем
Дать России – мир.

Верим мы: близка развязка
С чарами врага,
Упадет с очей повязка
У России, да!

Русь поймет – кто ей изменник,
В чем ее недуг,
И что в Быхове не пленник
Был, а – верный друг.

За Россию и свободу
Если в бой зовут,
То корниловцы и в воду
И в огонь пойдут...[14]

Корниловцы – частью республиканцы. Для них „Царь – не кумир". Говорят, что цвета их погона, черный и красный, это цвета партии социалистов-революционеров – „Земля и Воля" (черный – земля, красный – воля). Но, вернее, надо расшифровывать эти цвета как четкий боевой лозунг: „Свобода или смерть!" К тому же у них на рукавах щит голубого цвета, с нарисованным на нем черепом, под коим

рвущаяся граната и скрещенные мечи. Поют они на мотив революционной песни:

Дружно, корниловцы, в ногу
С нами Корнилов идет.
Спасет он, наверно, свободу,
Не выдаст он русский народ...

Офицеры батальона генерала Маркова поют на мотив „Белая акация":

Смело мы в бой пойдем за Русь Святую,
И как один прольем кровь молодую...[15]

Студенты Ростовского батальона поют свою песню:

Вспоили вы нас и вскормили
Отчизны родные поля,
И мы беззаветно любили
Тебя, Святой Руси, земля.

Теперь же грозный час борьбы настал,
Коварный враг на нас напал,
И каждому – кто Руси сын,
На бой кровавый – путь один...[16]

Все бойцы соперничают друг с другом в лихости и отваге: корниловцы, республиканцы, монархисты-гвардейцы, кадеты, гимназисты, студенты, юнкера, девушки-казачки и ростовские гимназистки, из коих немало ушло с нами в поход, не только сестрами, но и в строю.

Мы неизменно гоним красных, хотя они во много раз превосходят нас числом. У них бронепоезда, базы, сколько угодно снарядов и патронов. У нас

лишь то, что при себе – повозки со снарядами, взятые с бою и оплаченные кровью.

Красные окружают нас часто, пытаются сжать и раздавить, засыпают гранатами, ведут непрерывный ружейный и пулеметный огонь, не жалея снаряжения.

Но высок престиж генерала Корнилова и идей Добровольчества, сильна вера в свою правоту и в победу у всех партизан, юнкеров, казаков и офицеров. Под Выселками мы разбиваем банды Автономова, а на другой день выбиваем армию „главковерха" Сорокина[17] из станицы Кореневской. Маленькая „армия" генерала Корнилова гонит десятки тысяч по кубанской степи, по равнине Ставрополья, десятки тысяч дезертиров со всех фронтов войны – латышей, черноморских матросов, китайцев, 39-ую дивизию, шахтеров Донбасса, рабочих из Баку, Темрюка, Керчи и Тамани...

Мы гоним их всегда. Корниловские ударники, не знающие отступления; „Дети генерала Боровского"; офицеры генерала Маркова; наступающие, держа равнение, как на параде, „чернецовцы", помнящие своего героя-есаула; бывшие юнкера – михайловцы и константиновцы, скачущие со своими орудиями часто впереди цепей и стреляющие „прямой наводкой"; девушки-гимназистки и ударницы из отряда Бочкаревой еле вытаскивают тяжелые, солдатские сапоги из черноземной жижи, несут винтовки, а иной раз тащат пулеметы, не отставая от цепи, – у них тоже „ударные углы" на рукавах: „свобода или смерть"; казаки-кубанцы, конные и пешие (пластуны), казаки славных полков: Запорожского, Уманьского, Линейного, ушедшие от большевиков из своих станиц и хуторов; черкесы на конях

с зеленым флагом пророка Магомета: у них позади — сожженные аулы, разрушенные мечети, оскверненный Коран, изнасилованные жены, сестры и дочери, убитые старики и дети.

Под грохот пушек, в большинстве красных, идет вперед цепь, не знающая отхода, ибо отход может быть только на подвижной лазарет, где тысяча раненных товарищей ожидает результата боя. Отход — это конец всему, смерть.

Лежанка, Выселки, Кореновка, Некрасовская, Ново-Леушковская, Усть-Лабинская, Ново-Димитриевская, Филипповские хутора, аул Нешукай... Все это этапы побед и крови. Когда в боях проходят дни и недели и каждый день видишь убитых, своих и чужих, смерть начинает казаться нормальной, естественной. Умереть, это значит стать как земля, как степной ковыль, как небо.

Почти в каждом бою есть критический момент, когда считаешь себя уже пропавшим и в горле сухо от нервного напряжения. Но когда бой кончен, настает странная тишина. Мир кажется сном, а настоящей жизнью — бой... Потом хочется только есть и спать. Природа берет свое.

Но сон короток. Еще темно и уже скрипят по станице колодцы-журавли, пьют, пофыркивая, кони. Сонно переругиваются невыспавшиеся ездовые; звездочками засветились огоньки хат. Лают охрипшим хором станичные цепные псы. „Заамуничивать и запрягать!" — командует дежурный по батарее. Тяжелые запряжки, позвякивая амуницией, хлюпают по грязи.

С другого конца станицы и с хуторов, где только что пропели петухи, с той окраины, где ночевала конница, протяжно звучит труба — „Поход":

Всадники, други, в поход собирайтесь!
Радостный звук вас ко славе зовет!
За царя и за веру сражайтесь...

Поход, вечный поход... Степные травы уже поднялись и пахнут горько и хмеляще.

...Да посрамлен будет тот малодушный,
Кто без приказа отступит на шаг!..

— звучит по степи.

Тянет холодным, предрассветным степным ветерком... Лунный серп побелел, тухнут звезды и лишь Венера розовато блестит на светлеющем небе. Уже различаешь фигуры людей и лошадей, пулеметные тачанки проходящей вперед пехоты. Внезапно яркие краски восхода загораются над степным простором. Неожиданно вся колонна останавливается, только ординарцы командиров и штабов, да конные разведчики, сломя голову, галопом скачут по обочине.

В трех-четырех верстах впереди видны на гребне крылья ветряков и фабричная труба, а налево можно различить телеграфные столбы железной дороги.

Вот колонна зашевелилась и начала расползаться в обе стороны. Воздух разорвали первые пристрелочные шрапнели из-за далекого гребня. Все задвигалось быстрее. Роты разошлись взводами, передние уже рассыпались бегом в цепь и быстро идут вперед.

Орудия Первой батареи свернули со шляха и рысью двинулись за цепью. Очередь неприятельских гранат заставила пригнуться и с грохотом разорвалась в десятке метров от орудий. Комья чернозема засыпали ездовых и коней, запахло тротилом.

Атаку Выселок с фронта ведут партизаны генерала Богаевского. Их цепи, встреченные сильным пулеметным огнем, то ложатся, то снова бегут вперед, застилаемые черным дымом рвущихся гранат. Батарея попадает в сноп пулеметного огня: „Налево кругом!" „Стой!" „С передков!" – кричит командир. „Прямо по цепи! – Направление на трубу! Сорок! Трубка сорок! Огонь!"

Пушка подскакивает, обдаваемая пылью. Командир стоит на зарядном ящике с биноклем. „Правее ноль двадцать! Огонь!" Через десять минут: „Бегут сволочи!" – кричит командир. – „Передки на батарею!" Пули свистят, но мы скачем вперед. Нас обгоняют текинские степные кони... штаб Корнилова. С тем же трехцветным флагом, привлекающим огонь красных пулеметов, генерал Корнилов спешит к атакующей цепи. Партизаны не ждут генерала и бегут вперед. Большевистские пулеметчики с чердака паровой мельницы дерзко застрочили из всех пулеметов, пытаясь удержать атаку партизан. По всему фронту слышно – „Ура!" Стрельба обрывается – красные бегут!

Теперь все приходит в движение: зарядные ящики, подводы лазарета, все движется вперед. На околице станицы, против паровой мельницы, лежат, раскинув руки и устремив безжизненные глаза в небо, юноши-партизаны, донские юнкера, кадеты, гимназисты. Их убито несколько человек. Далеко по степи бежит в полном беспорядке „армия" товарища Автономова[18]. Не скоро ее остановят и приведут в боеспособное состояние.

После боя становится известно, что отдыха не будет: завтра на рассвете мы идем на станицу Кореновскую и станцию Станичную, выбивать „армию глав-

коверха" Сорокина, насчитывающую в своих рядах около тридцати тысяч красноармейцев, несколько батарей и два бронепоезда. В составе Сорокинских войск находится и „непобедимая" „Железная дивизия".

Припекает солнце. Травы поднимаются, согретый воздух течет вверх, поднимая причудливым маревом далекие хутора, клуни, стога, железнодорожные будки. Белые станичные хаты нарядились в кружева вишневых садов.

Весна, весна! Какой радостью охватывает она все наше существо. Как хороша жизнь...

Сегодня, 17 марта, наша батарея идет вместе с офицерским батальоном в составе обходной колонны. Колонну ведет молодой генерал — Сергей Марков, как всегда в высокой белой папахе и в полушубке. Он в хорошем настроении и шутит с артиллеристами.

Генерал Марков стал с первого же боя под Лежанкой предметом преклонения: он неожиданно появлялся в самых опасных местах боя и в его присутствии люди преображались, заражаясь его стремительной энергией и бесстрашием. В бою напористый и жертвенный, он требовал жертвенности и от других. Бранью или резкой, но меткой остротой он бичевал всякое малодушие и шкурничество. Поэтому храбрые его любили, трусы его боялись и ненавидели. Нередко он пускал нагайку по спине шкурника, не считаясь ни с его чином, ни с положением.

Идем мы по степи уже более двух часов. Далеко вправо слышен гул пушечной стрельбы. Степное эхо превращает его в какой-то рев. Это партизаны генерала Богаевского и корниловцы наступают на стани-

цу Кореневскую. Наша же колонна с умышленным запозданием идет к железной дороге, к станции Станичной. Очевидно, нашим нелегко. Это видно по сильному артиллерийскому огню красных. Мы выходим на железную дорогу и останавливаемся. Все проголодались. Появляются караваи белого кубанского хлеба, отрезают тесаками сочные куски кубанского сала, пьют прямо из кувшина янтарный мед. Благодатный край! Жить бы здесь беззаботно среди чудной природы и ее изобильных даров – без стрельбы и непрерывного напряжения, не видя трупов и крови.

Неожиданно гулко и резко около железнодорожной будки застрочил близкий пулемет. Генерал Марков бежит к будке. Офицерская рота быстрым шагом движется вдоль полотна вперед. Кое-где в рядах мелькают лица, знакомые еще по Новочеркасску, с Барочной улицы. Какие они все загорелые и возмужавшие под постоянным огнем... „По коням! Садись!" – кричит батарейный командир, вскакивая на свою спокойную воронужю кобылу: „Рысью марш!"

Мы съехали с дороги, кони мягко скачут по целине. Обгоняем офицерскую роту, постепенно взбираемся на гребень. Справа, где сильнее всего грохочет артиллерия, показывается широко раскинутая станица, это Кореневка. Над ветряками и церковной колокольней плывут, тают и снова появляются облачка шрапнели: там по всему фронту идет бой. Засвистали и у нас первые пули.

Офицерский батальон развернулся в цепи и наступает на гребень через широкую лощину. На гребне можно различить окопы противника. Это – „Железная дивизия" Сорокина. Цепи офицерского ба-

тальона встречены сильным пулеметным, ружейным и артиллерийским огнем. От станции появился бронепоезд и взял цепи офицерского батальона огнем во фланг. Цепи залегли. Было ясно, что наше наступление захлебнулось.

На батарею принесли, тяжело раненного в живот, нашего капитана Глотова, посланного полковником Миончинским вперед, выбрать позицию для батареи. Приносят и других раненых. Наша сестра их перевязывает. Густые цепи красных, ободренные выездом бронепоезда, поднялись на гребне из окопов и пошли в контратаку. Цепи офицерских рот, неся потери под перекрестным огнем, бегом отступали на батарею.

...„По поезду! Прямой наводкой! Гранатой! Пять-ноль!" – кричит полковник Миончинский. Наши гранаты взметнули полотно под бронепоездом. Он сразу же дал „полный задний" к станции.

Но офицерские роты быстро отхо́дят на батарею. Пули сорокинцев все чаще свистят у орудий. Кони жмутся, прижав уши, ездовые прячутся за передки. Момент напряженный. Прицел все понижается: „Пять-ноль!.. Сорок-пять... Сорок!.. Тридцать!.." Это уже близко, и командир не жалеет драгоценных для нас снарядов. Пушки подскакивают ежеминутно, обдавая уже близкие цепи красных низким „шрапом". Только и слышно: „Первое!.. Второе! Один патрон! Беглый огонь!" Выдержат... или нет?

Вдруг сзади на батарею галопом влетает всадник и кричит: „Кавалерия!" Лицо его искажено ужасом, залито по́том. Это чехословак. По-русски он говорит плохо и понять что-либо трудно. Полковник кричит: „Пулемет на батарею! Ездовым разобрать винтовки!" Но сам ни на секунду не выпускает гус-

тую большевистскую цепь из точного низкого шрапнельного огня. Гора расстрелянных гильз у орудий растет. Все чаще: „Огонь!" Вот видны уже лица наших отступающих. „Наводи в самую гущу! Огонь!" – кричит командир, заглушая грохот боя... „Не выдерживают! Бегут сволочи! Бегут!.. Огонь!"... Действительно, цепи „Железной дивизии" не выдержали низких, точных разрывов шрапнели, люди в цепи заметались направо и налево, сбились в кучки и побежали обратно по склону. По редкой цепи отступающих офицерских рот пробежал победный гул голосов, превратившийся в „Ура!". Они движутся снова вперед, на этот раз неудержимо... „Передки на батарею!"

„А ведь наврал, сукин сын, про кавалерию!" – смеется прапорщик Попов, ездовой Первого орудия. Но, как стало известно потом, большевистская конница все же была и прошла близко от нас, атаковав Третью батарею полковника Третьякова, отбившую все ее атаки картечью.

Пушки прошли лощину и начали подниматься в гору по вязкой пахоте. Вокруг лежали трупы. Сначала проехали мимо нашего, убитого в цепи наповал, зеленая фуражка пограничных войск валялась рядом на траве. Потом ехали мимо убитых красногвардейцев „Железной дивизии". На гребне вырисовывалась длинная фигура нашего полковника, тщетно машущего руками, призывая орудия. Кони еле тянули по пахоте в гору и, хотя все налегали на колеса, ускорить движения не могли.

С гребня полковнику открывался вид на всю окрестность. На его глазах, внизу, у станции, торопливо отходили эшелоны красных, маневрируя на запасных путях. Немудрено, что на головы ездовых он

посылал все проклятия и ругань, ему известные. Потом он затих, с отчаянием глядя на уходящие красные эшелоны и на свои еле ползущие в гору пушки... Наконец дотащились. Миончинский ринулся к первой пушке. Номера заметались у орудия, поворачивая его на цель. Через минуту наши гранаты взметнулись в самой гуще вагонов. Слышались тревожные паровозные гудки. Паровозы с вагонами и платформами и без них быстрым ходом уходили на юг. Много вагонов застряло на станции, где бой уже затих.

„Армия" Сорокина, понеся большие потери, спешно отступала на юг на станицу Платнировскую. И у нас были немалые потери, обременившие еще более походный лазарет. А главное, в этом бою были расстреляны все наши гранаты и шрапнели, – в парке оставалось шесть гранат. Но можно было еще раз сказать: „С нами Бог!" Одна из наших последних гранат перебила вагонное сцепление. Паровоз удрал на Платнировку, бросив эшелон с грузом драгоценных для нас снарядов. Армия была еще раз спасена. Стрельба затихла. Войска втягивались в станицу.

Небольшая речка и мостик через нее. Около моста, под водой, видны трупы красных, здесь их скосил пулемет юнкеров из отряда генерала Боровского.

На другой день объявлена дневка. Это была первая дневка со дня выхода в Кубанский поход. Однако Сорокин не был разбит, он был лишь выбит из станицы и отброшен, и в день дневки батарею несколько раз по тревоге вызывали к станции. Цепи противника пытались, при поддержке бронепоезда, несколько раз наступать со стороны Платнировской,

но огнем застав и выстрелами орудий противник был отброшен.

В Кореновской нас застали плохие вести: армия генерала Эрдели[19] ушла две недели тому назад из Екатеринодара, занятого красными. Таким образом наш план похода на Екатеринодар для соединения с армией генерала Эрдели и полковника Покровского рухнул. Впереди была неразбитая группа „главковерха" Сорокина с бронепоездами, позади, уже в одном переходе, надвигалась на нас оправившаяся после поражения под Выселками „армия" Автономова.

К вечеру стало известно, что наше командование решило обмануть Сорокина: бросить Екатеринодарское направление и ночью, повернув на восток, перейти Кубань, пробиться через район крестьянских хуторов в предгорные аулы и там, продвигаясь на юг, искать соединения с Кубанской армией Эрдели – Покровского.

К полуночи 19 марта все части стянулись бесшумно к станции. Привычный ночной марш. Направо, в стороне Платнировской, виднелись зарева далеких огней, вероятно, костров группы Сорокина. Не прошло и двух часов, как сзади послышались отдельные выстрелы, а потом частая ружейная стрельба.

Сорокин спохватился, его части ринулись за нами и столкнулись с нашим арьергардом, но было уже поздно: наши главные силы и все обозы вышли из-под флангового удара. Когда настало утро, позади раздалась пушечная стрельба. Сорокин энергично нажимал на наш арьергард. Впереди были еще переправы через Кубань и через Лабу... Надо было с налета брать станицу Усть-Лабинскую, куда уже спешно подходили красные эшелоны со стороны Тихорец-

кой. Армия Корнилова была снова в тисках. Шрапнель Сорокина рвалась не только над нашим лазаретным обозом, но достигала и авангарда, разворачивавшегося для атаки на Усть-Лабинскую.

Победы над Выселками и Кореневской внушили нам веру в свои силы. Со станичной площади орудия повели редкий, но меткий огонь по подходившим к станции эшелонам красных, не давая бойцам высаживаться.

К наступлению темноты бой затих: мост через Кубань был нами прочно занят. До глубокой ночи лазарет переправлялся через реку. Обоз увеличивался после каждого боя и дошел почти до тысячи повозок. Армия все более лишалась способности гибкого маневрирования, превращаясь в прикрытие для лазаретного и беженского обозов.

Трудно себе представить и описать то, что переживали наши раненые, – с пулями и осколками в груди и в животе, с переломленными и раздробленными костями. Езда на безрессорных подводах. Ночные переходы по изъезженным, тряским дорогам, через гати. Холод и сырость, проникающие под тонкое одеяло, жар, бред. А днем обоз не раз попадал под артиллерийский, а иногда и под пулеметный огонь, и повозки с тяжело раненными должны были вскачь переходить обстреливаемое пространство.

Вторая ночь без сна, переходы с непрерывным боем измотали юнкеров. Юнкер Попов заснул, стоя у своей запряжки и не слышал команды „Садись!”. Командир подъехал к нему и потряс его за плечи.

Стали на квартиры уже глубокой ночью. Повалились на солому и заснули мертвым сном. Пробуждение было не из приятных: в горнице голосила баба-казачка – „Ой убили! Ой убили!.. Такие все мо-

лоденькие!" За окном слышались совсем близкие выстрелы винтовок. „Стрельба!.. Вставать!" — крикнул наш командир капитан Шперлинг. Все выскочили из хаты. По улице свистели близкие пули. Воображение играло: большевики ночью пробрались в станицу и теперь избивают всех по хатам. Вопли хозяйки и пули по улицам — картина ясная. Побежали к орудиям в парк. Но там все было спокойно, часовой прохаживался у орудий. Оказалось все просто: по другому берегу большевики подошли небольшими группами к станице и беспорядочно начали стрелять по улицам. В то же время в станичной церкви отпевали наших вчерашних убитых. Нервы нашей хозяйки не выдержали тяжелого зрелища ряда гробов и она, прибежав домой, начала голосить над нами спящими.

В станице Некрасовской была дневка. Наш штаб считал, что за переправой будет спокойнее, что армия вышла из клещей. Но не тут-то было: воспользовавшись нашей дневкой, Сорокин и Автономов переправились вслед за нами и утром атаковали Некрасовскую станицу. В то же время агитаторы подняли против нас все окружные ставропольские села, деревни и хутора, где было немало фронтовиков, возвратившихся домой с оружием. Эти отряды фронтовиков отрезали нам все дороги вперед. Вместо спасения за Кубанью, армия Корнилова попала в полное окружение. Со всех четырех сторон клокотала ружейная стрельба. Тротиловые гранаты с грохотом рвались среди домов и сараев, на улицах и на площади около церкви, где стоял наш обоз-лазарет. Тут же, на площади, стояли и наши орудия, — в резерве.

Было тяжко стоять в бездействии среди разры-

вов гранат. Минуты шли томительно, тоскливо. Тут галопом прискакал генерал Марков: „Артиллеристы! Живо на окраину, к мельницам! Там никого нет! Красные почти вошли!"

Кони рванули с места. Пушки, с грохотом и звоном, в облаках пыли, понеслись за командиром. С передков орудий и зарядных ящиков летели плохо подвязанные винтовки, котелки и всякая утварь. „Успеем или нет? Успеем или нет?" Когда выскочили на окраину, то увидели совсем близко две цепи большевистской пехоты, идущей вперед без всякой помехи. У нас – никаких резервов, все брошено в огонь. Около мельниц нервно ходит генерал Марков, считая секунды. „Налево кругом! С передков!" Юнкера горохом посыпались с передков и повернули орудия. Подскакавшие пулеметчики спешно нацеливали „Кольт" и „Максим". Пеший взвод где-то безнадежно отстал от батареи.

„Сорок! Трубка! Сорок! Огонь!" Подпрыгнули пушки, выплюнув пламя. Два низких, белых клубка дыма проплыли перед идущей, как на прогулке, большевистской пехотой. Черные фигурки пригнулись, попадали, заметались... „Правее ноль двадцать! Огонь!" – „Первое!", „Второе!" – откликнулись фейерверкеры. Не больше десяти минут продолжалась стрельба шрапнелью. Цепи сначала остановились, попятились и, сбиваясь в кучки, покатились назад. „Молодцы, артиллеристы!" – крикнул генерал Марков, и всем было ясно, что генерал доволен лихим выездом и меткой стрельбой.

До темноты мы простояли у мельниц, а потом двинулись на переправу через Лабу. Предстоял ночной переход. Однако шли мы недолго: часам к двум ночи дошли до хутора, где сосредоточилось столько

войск, что нам отвели на всю батарею лишь один дом с клуней. Было передано, что большевики впереди, совсем близко, и что уже с рассвета мы снова попадем в бой. Немного поспали на соломе, не раздеваясь. Хлеба не было, утром поели холодного супового мяса, прямо из котла.

Бой завязался еще до рассвета, на широком фронте, в степи. Наши цепи пошли в наступление на сильные отряды дезертиров-фронтовиков, засевших на Филипповских хуторах. „Армия" Сорокина обходила в это время наши фланги и нажимала с тыла.

Был момент, когда орудие капитана Шперлинга прошло пространство, не занятое нашей цепью, и оказалось в трехстах шагах от хутора, занятого „товарищами". Красные сделали глупость: вместо того, чтобы подпустить орудие еще ближе к хутору и захватить его голыми руками, они открыли по нам ожесточенную ружейную стрельбу. Все покатились с коней, но успели повернуть пушку на хутор и угнать передки назад.

„Два патрона! Беглый огонь!"

Стрельба в упор... Сплошной свист пуль...

„Жарко же у вас тут!" – послышался спокойный и даже веселый голос, это был генерал Марков. Он присел на корточки за ящиком, укрываясь от пуль, и начал закуривать. „Сейчас пойдет в атаку ваш пеший взвод, – сказал он Шперлингу. – Дайте еще пару гранат!"

Через десять минут слева появились знакомые лица. Это были наши юнкера-артиллеристы „пешего взвода". Во главе с поручиком Боголюбским бывшие юнкера, теперь прапорщики, ринулись на хутор бегом. Поручик тряс раненной кистью руки.

Стрельба оборвалась, хутор был взят. Путь вперед был снова свободен. Мы двинулись к Филипповской. Жителей в домах не было. Все они бежали. В печах стояли еще горшки горячих щей.

Ночь в Филипповской была неспокойна. Сорокин успел занять высоту за селом, за рекой Белой. С самого утра завязался тяжелый бой. Корниловцы форсировали переправу и взобрались на гребень, но понесли при этом большие потери. Красные, бросив крупные силы в контратаки, несколько раз прорывали наш фронт. Генерал Корнилов остановил нашу батарею, направил ее в прорыв и, стоя во весь рост на стогу сена, наблюдал, как наши орудия метким огнем остановили густые цепи красных, потеснивших кубанцев генерала Богаевского почти до батареи. С этого же стога, стоя под градом пуль, он бросил свой конвой в конную атаку влево от батареи, где красная пехота прорвала нашу редкую цепь.

А позади, за мостом, где с тыла нажимала группа Автономова, пришлось снять с обоза всех могущих держать винтовку, всех легко раненных из лазарета. В этой цепи шли и донской писатель Родионов и журналист Борис Суворин[20]. Когда бой начал затихать на фронте, стрельба усилилась в тылу. Юнкера генерала Боровского еле удерживали пехотные массы Автономова, рвущиеся к мосту, где на рысях, повозка за повозкой, переправлялся наш огромный обоз и лазарет. Вдруг где-то далеко на фланге послышалось „Ура"... Крики „Ура" начали приближаться и скоро охватили весь фронт. Оказалось — наш разъезд, достигший черкесских предгорий, вернулся и сообщил, что связался с разъездом Кубанской армии генерала Эрдели, отошедшей от Екатеринодара. От всеобщего громового „Ура" прекра-

тилась стрельба: большевики в недоумении прекратили огонь. Они как бы почувствовали, что случилось что-то такое, после чего им все равно не сломить нашу пехоту и не пробиться к мосту. Их цепи начали отходить. Артиллерия красных все еще вела беспорядочный огонь, но потерь нам не наносила. Свернувшись в колонну, мы двигались в сторону предгорий.

Местность начала меняться: холмы, овраги, перелески. Взошла луна и осветила стены отдаленных хат и белую вышку — минарет аула. Сакли были пусты, обитателей в них не было. Мечеть была осквернена большевиками: Коран порван на мелкие куски и затоптан, на полу — испражнения.

Мы тут же узнали, что не успевшие убежать жители аула были отведены в овраг и там перебиты. Женщины и девушки перед этим изнасилованы.

Большевики отстали и лишь слабые их части тревожили наш арьергард. Они вымотались, понесли большие потери и, очевидно, отчаялись сломить Корниловскую армию. Дух их был подорван...

В ауле Шенджий, 27 марта, состоялась встреча с частями полковника Покровского[21]. Штаб Покровского прибыл с эскортом Черкесского конного полка. Впереди реяло зеленое знамя с белым полумесяцем. Мы смотрели на горячих кавказских коней, на смуглых горбоносых всадников в черных папахах и бурках. Соединение с армией генерала Эрдели должно было произойти в станице Новодимитриевской, где обе армии должны были переформироваться и идти на Екатеринодар, откуда и начать борьбу за освобождение Кубани.

Небо было серо, дул пронзительный холодный ветер. Крупные капли частого дождя проникали за

ворот шинели, в рукава и в сапоги. Колонна двигалась быстро. Люди и лошади согревались движением. Но скоро поля превратились в болота и в них стали вязнуть лошади и люди, повозки и, главное, пушки.

Становилось все холоднее. К полудню дождь перешел в сильную снежную метель. Колонна расстроилась. Кони падали и больше не вставали. Все чаще попадались брошенные повозки и конские трупы. Промокшие насквозь шинели теперь промерзли и превратились как бы в стальные панцири. Части разбились на нестройные кучки, движущиеся вперед, к заветному теплу. Внезапно впереди, за пеленой снежной вьюги, послышались ружейные выстрелы. Где-то ухнуло орудие.

Все задвигалось быстрее. Небольшой ручей, по ту сторону которого была станица Новодимитриевская, обратился в довольно широкую быстротечную речку, глубиной почти до пояса. Мост снесло, и речка эта стала препятствием для артиллерии и обоза. Все остановились.

Большевистская артиллерия начала бить по берегам. Если было уже тяжело идти против вьюги и ветра в степи, то еще тяжелее было стоять на месте и ждать, да еще под разрывами тротиловых гранат.

Разведчики наши были уже на той стороне. На берегу речки стояла рота Офицерского полка. Бывалые офицеры не теряли бодрого настроения и даже острили по поводу предстоящей холодной ванны. Генерал Марков был тут же. Потирая руки, он шутил с офицерами. Потом первый прыгнул в воду, погрузился по пояс и быстро двинулся к другому берегу. За ним, держа винтовки над головой,

переправилась вся офицерская рота. Было видно, как они рассыпались в цепь и исчезли в белой пурге.

Стрельба участилась.

Где-то левее переправлялись корниловцы.

Уже темнело, а мы все стояли на берегу, ожидая приказаний и не смея оставить орудия. Несколько юнкеров пытались развести из сломанного забора костер, но когда он разгорелся, граната угодила рядом. Юнкер Офендульев был тяжело ранен осколками в грудь.

Вскоре стало совсем темно. Артиллерия большевиков смолкла, доносились лишь отдельные выстрелы. Пулеметчики наши переправлялись и перетаскивали пулеметы уже в полной темноте. При этом шальной пулей в голову был убит начальник пулеметной команды, туркестанец поручик Гегеман.

Наконец пришло сообщение, что станица занята нашей пехотой и батарея может переправляться. Переправлялись мы на наших уносах, выпряженных из зарядных ящиков, и часть зарядных ящиков оставили до утра. Холодная вода доходила нам лишь до бедер, но и это было неприятно. Как потом было хорошо повалиться на солому в теплой, душной хате!

На следующий день было еще холодно, но солнце уже вышло из-за туч. На улицах, в глубоких лужах таявшего снега, лежали трупы большевиков.

Настала, наконец, настоящая весна. Обильный снег быстро расстаял, по всей степи блестели озера, отражавшие небесную лазурь. Вдали синели кавказские предгорья и весенний ветер подбадривал и вливал новые силы.

Наши части отдохнули и переформировались. Все мелкие отряды были слиты в две бригады, коими

командовали: Первой – генерал Марков, Второй – генерал Богаевский. В Первую бригаду вошли: Офицерский и Кубанский стрелковый полки. Во Вторую бригаду: Корниловский Ударный и Партизанский полки. Вся конница объединилась под командой генерала Эрдели и полковника Покровского. Наша бывшая „Юнкерская батарея" вошла в Первую бригаду.

Была темная ночь, когда наша бригада выступила в направлении на станицу Георгие-Афипскую и железнодорожную станцию того же названия. Это было началом похода на Екатеринодар. Труднопроходимая грязь, глубокие лужи и сплошное болото, – орудия и повозки постоянно застревали, а конные и пешие уходили вперед. Части отрывались друг от друга или наступали друг другу на хвост. Какие-нибудь шесть верст тащились всю ночь.

Небо розовеет на востоке, начинают вырисовываться дали. Полотно железной дороги и домики станицы верстах в двух. Видна высокая станичная колокольня. Колонна, растянувшаяся ночью по степи, стягивается. Впереди видны конвой генерала Корнилова с трехцветным флагом, группа конных – Штаб армии – и сам генерал.

Станица и станция уже недалеко, а между тем – все тихо... Внезапно, из-за водокачки повалили клубы дыма и освещенный солнцем, блистая сталью, выкатил из-за станционных построек большевистский бронепоезд. Несколько секунд царила тишина, но вот воздух как бы дрогнул и заныл. Несколько пулеметов бронепоезда разом забили по колонне. И что тут было... Все смешалось: кто ринулся в глубокую канаву у дороги, кто залег в кусты, кто побе-

жал в сторону. Лошади попадали, путаясь в постромках, вырвались, понеслись по степи. Все ринулись назад, кроме нашей батареи. Пушки снялись с передков и через минуту ударили по бронепоезду. Бронепоезд сразу же откатился назад за постройки. Роты Офицерского полка рассыпались в цепь и пошли к станции. Завязался тяжелый бой.

Далеко влево были видны цепи нашей Второй бригады, атаковавшей соседнюю станцию. Было даже слышно, как они кричат „Ура".

Вскоре подошли большевистские поезда со стороны Екатеринодара и наше Первое орудие капитана Шперлинга оттянули на крайний фланг, чтобы их задержать. Большевистские поезда остановились в густых посадках и перестали дымить. Пристреляться к ним было трудно, так как мы должны были беречь снаряды. Зато они били по нам, стоящим на ровной степи, как по мишени.

Почти два часа грохотали разрывы гранат: перелет, недолет... Били и шрапом. Это был форменный расстрел. Мы остались в живых только потому, что несколько гранат, попавших между нашими орудиями, заглохли в глубокой грязи. Был ранен шрапнелью в ступню Номер нашего орудия Прохоров, тот, который тащил меня, раненного под Кизитиринкой. Теперь я тащил его, стонущего, к оттянутым передкам. Кроме Прохорова, были ранены бывшие юнкера михайловцы Иссов и Владимиров, получившие пулеметные пули, – Иссов в плечо и Владимиров в глаз.

Бой этот был поистине страшный. Мы жались к щиту орудия, чтобы спастись от низких разрывов шрапнели и быстро ложились, если гранаты рвались на батарее. Во рту было сухо. Никогда еще мы так

не ждали спасительного покрова темноты, как в день этого боя!

С наступлением темноты бой затих. Станция и станица были взяты. Большевистские бронепоезда ушли на Екатеринодар. Лишь к полуночи мы выбрались из топкой грязи и добрались до отведенных нам квартир. Но уже на рассвете прискакал из штаба разведчик и сообщил, что наши орудия должны немедленно выехать за станицу и занять позицию против бронепоездов.

На этот раз мы стали на закрытую позицию, и большевистские бронепоезда не могли к нам пристреляться. Гранаты рвались беспрерывно по соседству, вздымая вверх глыбы мягкого чернозема, падающего потом на землю с шумом, подобным конскому топоту.

Екатеринодар был совсем близко, но мы повернули, обходя его с юга, чтобы атаковать его с той стороны, где он не прикрыт рекой Кубанью.

Наступление на Екатеринодар начала бригада генерала Богаевского, а мы прикрывали переправу через Кубань и тыл. Два дня мы слушали гул орудий и тревожно ждали вестей. Вести были оптимистические: „Город взят"..., „Бой уже за городом", „Город сегодня будет взят"... Но гул орудий не прекращался и даже усиливался. Наконец, нашу батарею потребовали к городу. Одновременно с нами пошли к Екатеринодару и части Офицерского полка с генералом Марковым во главе.

Мы шли переменным аллюром и уже через пару часов проехали рощу и ферму Кубанского Экономического Общества. Роща была усеяна трупами красных – рослыми черноморскими матросами. На-

кануне здесь была блестящая атака партизан генерала Богаевского.

Вся степь перед Екатеринодаром дымилась разрывами гранат. Десятки орудий разного калибра били со стороны города и громили наши позиции „по площадям”. Наша позиция была полузакрытая, и в первый раз за всю войну мы начали рыть себе ровики.

Впереди раздавалась ружейная трескотня и неумолчная строчка многочисленных пулеметов. Командир батареи вместе с капитаном Шперлингом прошли вперед выбрать наблюдательный пункт. Скоро провели телефон, и батарея сделала несколько выстрелов. Неприятельские пули свистели беспрерывно.

Передавали, что генерал Марков будет атаковать кожевенные заводы и батарея должна поддержать его атаку огнем. Томительно шли часы. Огонь противника усиливался, переходя в ураганный. Наконец, справа началась ожесточенная пулеметная и ружейная стрельба, – это генерал Марков пошел в атаку с Офицерским батальоном. Наша батарея не могла, из-за недостатка снарядов, ее достаточно поддержать. Сообщили, что генерал Марков заводы взял и дошел до артиллерийских казарм, но дальше продвинуться не может: уличный бой был тяжел, потери большие. Стало ясно, что атака не имеет решительного успеха.

Армия наша наступала на Екатеринодар частями, сначала только Второй бригадой, и не использовала первого успеха при взятии фермы, дав красным отступить к городу и получить там большие подкрепления. На следующий день атакующие нарвались на густой артиллерийский и пулеметный огонь больше-

виков, успевших стянуть к месту атаки бригады генерала Маркова значительные силы, прибывшие из Новороссийска. Цвет командного состава добровольцев, идущий, по традиции, впереди атакующих, понес тяжелые потери: пал командир Корниловского Ударного полка и его создатель – полковник Неженцев, пал известный партизан-чернецовец Курочкин, тяжело был ранен генерал Казанович.

Из кубанских станиц подкрепления подходили слабые – группки молодых необстрелянных кубанских казаков, терявшихся под убийственным артиллерийским огнем. На вечерней заре этих кубанцев рассыпали на гребне в цепь так, чтобы они были видны в Екатеринодаре и чтобы красные подумали, что к нам идут подкрепления...

Артиллерия красных, затихшая к вечеру, открыла ураганный огонь по кубанской цепи. Около нашей батареи командир кубанской сотни был подброшен разорвавшейся гранатой высоко вверх.

В эту ночь плохо спалось в наскоро вырытом окопчике. Было холодно, особенно на рассвете. Как только посветлело, началась артиллерийская стрельба по всему фронту со стороны красных. Били они больше по площадям. Мы лежали, прижимаясь к земле, не имея возможности, из-за недостатка снарядов, отвечать на огонь. Осколки гранат свистели вокруг, бороздя подсохший чернозем. Тут же рядом лежал молодой хорунжий Кубанской армии, убитый осколком в висок. Молоденькая сестра гладила его русые волосы. Было тоскливо и как-то безнадежно на душе...

Позади, в станице Елизаветинской, где мы перед маршем на Екатеринодар отстояли вечерню, сосредоточился наш огромный обоз-лазарет.

Носились тревожные слухи, что большевистская конница обходит нас с левого фланга. На ферме Кубанского Общества, где был наш Штаб армии, не расходился черный дым разрывов. Вечером 12 апреля передали: завтра будет общий, последний штурм Екатеринодара, причем все артиллеристы пойдут в цепях, так как снарядов больше нет.

Ночью стрельба вспыхивала то здесь, то там. Какие-то крики не давали сомкнуть глаз. Еще до рассвета разрывы большевистской артиллерии загрохотали по нашим затихшим позициям и по Штабу армии. Приказа идти в атаку не было, вместо этого прошел слух: „Генерал Корнилов... убит..."

Слух этот скоро подтвердился: на рассвете большевистская граната попала в ту комнату фермы, где спал генерал Корнилов. Его вынесли из дома на берег Кубани, – там он и умер, не приходя в сознание.

В командование Армией вступил генерал Деникин[22]. Он отменил штурм Екатеринодара и приказал с наступлением темноты всем частям отходить от города. Конница генерала Эрдели, для прикрытия отхода, атаковала правый фланг красных в загородных садах. В этой конной атаке погибла храбрая прапорщица – баронесса Де-Боде.

Уже в полной темноте начался отход с поля боя. Потери были велики. В передке нашего орудия лежали последние четыре гранаты... Отход начался на немецкую колонию – Гначбау, где к полуночи, на тесном пространстве, собралась вся Армия с обозами. Уже утром красные начали наступать на Гначбау. Несколько их орудий открыли огонь по улице колонии и по немногим ее домам. Тут действительно ни одна граната не пропадала даром. Повсюду рубили

колеса ненужных повозок и пустых зарядных ящиков. Было известно, что ночью будет прорыв из красного окружения, от коего зависит судьба остатков Армии. Можно было слышать разговоры: „Не пора ли „распыляться”...”

Генерал Марков в эти жуткие минуты был, как и всегда, невозмутимо спокоен. Было особенно тяжело, когда он приказал подтянуть бывшую „юнкерскую” батарею к Штабу армии. Он верил мальчикам – бывшим юнкерам, свято помнившим его слова: „Нам самим ничего не надо... Да здравствует Россия!”

В эти черные безнадежные ночи отступления от Екатеринодара мы не знали ни отдыха, ни сна. Четыре дня и четыре ночи мы шли безостановочно. Люди спали на ходу. Юнкер Березовский заснул в седле, упал на землю и при этом не проснулся. Он очнулся глубокой ночью один в степи. Лошадь, после падения всадника, ушла за колонной. Не было и дороги. Березовский не знал, куда ему идти, где искать колонну. Все вокруг было тихо. Вдруг на горизонте появились вспышки, как зарницы, донесся гул пушечной стрельбы. Там, верстах в восьми, начинался бой под станицей Медведовская, – Березовский пошел на выстрелы.

Трудно себе представить, как не погибла в те дни наша маленькая „Армия”. По приказу нового Главнокомандующего, несколько сот тяжелораненых были оставлены в станичных больницах. Несколько врачей и самоотверженных сестер остались с ними. И хотя тут же были отпущены на свободу несколько пленных большевиков, почти все раненые и оставшиеся с ними сестры и врачи были перебиты. Только в одной станице оставленные там тяжело ранен-

ные добровольцы каким-то непонятным образом уцелели. Среди них были два наших юнкера: Прохоров, раненный в ступню под Георгие-Афипской, и грузин, бывший михайловец, Захарашвили, с выбитым пулей глазом. Потом, уже летом 1918 года, он мне рассказал, что он пережил. Некоторое время он был совсем слеп и слышал разговоры в станичном лазарете над своей кроватью: „Расстрелять кадетскую сволочь"... и как кто-то за него заступился. Как лежал он долго в полной тьме, и, когда пришла Пасха и в открытые окна станичной больницы, вместе со всеми ароматами южной степной весны, ворвались торжественные звуки церковного колокола, зарыдал и вдруг прозрел на один глаз. Его таскали потом в Екатеринодар в Ревтрибунал, но и там его не убили, признав мобилизованным. Вернее всего, что в те дни у комиссаров была паника в связи с подходом германских войск к Дону, и им было уже не до расстрелов.

Итак, после „дневки" в колонии Гначбау, в ночь 16 апреля, Армия пошла на прорыв. Впереди – остатки Офицерского полка на повозках, наша батарея из двух орудий и генерал Марков. Темная теплая ночь. На отдаленных степных хуторах мерцают огоньки. Заунывным хором лают собаки, чуя движение войск. Все идут молча. Ни шуток, ни разговоров, лишь топот коней, шум колес, позвякивание орудийных щитов. Положение страшное: четыре снаряда на всю бригаду. Роты по десять штыков и многотысячный транспорт, – лазарет раненых и беженцев. Ноги стерты в кровь, усталость физическая и моральная беспредельна. Слухи о „распылении" все чаще, все настойчивее. Железное кольцо врага

сжимается все у́же. Советские бронепоезда стерегут все железнодорожные переходы. Кажется, что выхода из создавшегося положения нет и что „Синяя птица” нашего похода со смертью генерала Корнилова покинула несчастную Армию. Даже наши юнкера редко поют свои любимые песни. Оборванные, грязные, небритые – как мало напоминают они теперь томных „михайлонов” и лихих „констапупов”.

Генерал Марков – нахмуренный, злой, похудевший – свирепствует в обозах и работает плетью на всех переправах и железнодорожных переездах. Он один из немногих, не погрузившихся в апатию и уныние. Его задача – спасти Армию от уничтожения.

Прорыв через большевистское кольцо происходит около станицы Медведовской глубокой ночью. Генерал Марков, с конными разведчиками, захватывает железнодорожную будку на переезде, допрашивает перепуганного стрелочника и узнает от него, что на ближайшей станции стоит советский бронепоезд. Генерал решается на смелый шаг: он телефонирует на станцию Медведка и кричит в трубку: „Товарищи! Высылайте немедленно бронепоезд... Кадеты идут!” Первое орудие юнкерской батареи снимается с передка в нескольких шагах от железнодорожной насыпи, недалеко от будки стрелочника, тут же окапывается и батарейный пулемет. Генерал у переезда перегоняет нескончаемый обоз. Обоз не успевает перейти... Вдали ясно показывается светящаяся точка, – фары быстро идущего бронепоезда, уже слышен его шум. Редкая цепь стрелков Офицерского полка отходит от насыпи. Генерал Марков уже на будке. Поезд тормозит с лязгом буферов, слышно шипение паровозного пара... „Стой поезд!” – кричит генерал Марков. „То-

варищи! А где же кадеты!" – кричат с паровоза. В эту минуту орудие Юнкерской батареи, нацеленное капитаном Шперлингом, в упор бьет в паровоз. Грохот взрыва, облако пара, закрывшее лунный свет. Не прошло и нескольких секунд, как грянула картечь с бронепоезда. Первый ее сноп просвистел над орудием, но второй сноп пуль выбил всю команду нашего батарейного пулемета: трое юношей-кадет полегли, разорванные пулями. Генерал Марков скомандовал: „Вперед! В атаку!" и сам кинулся, с гранатой в руке, к броневой площадке.

Картечь и пулеметы бронепоезда брали высоко. Офицерская рота, залегшая у полотна, оказалась в мертвом пространстве.

Генерал Марков, его разведчики и наш начальник Первого орудия, капитан Шперлинг, сбивший первой же гранатой паровоз бронепоезда, были героями этого боя.

Капитан Шперлинг, – михайловец выпуска 1914 года, – начал выдвигаться еще до Кубанского похода и скоро его имя, как лучшего артиллериста Добровольческой армии, покрылось славой. Замечательный стрелок, выдержанный и спокойный, он был действительно храбр в бою, никогда не ложился под пулями, никогда не „кланялся" низко пролетавшим снарядам. Незаметный, скромный, молчаливый, он преображался в бою, влияя своим спокойствием и бесстрашием на подчиненных.

Растерявшиеся большевики выскакивали из вагонов и платформ длинного поезда на рельсы, и тут же были сражены в упор. Через четверть часа все было кончено. Бронепоезд с разбитым гранатой паровозом был наш... Разведчики генерала Маркова и наши

юнкера быстро разгружали снаряды из вагонов и грузили их на наши подводы. В этом коротком бою было спасено боевое дыхание Армии.

После взятия красного бронепоезда на станции Медведка настроение сразу же улучшилось. Как будто не было кровавого екатеринодарского боя, усталости, сознания безнадежности. Окрыленная, пополненная снарядами и патронами Армия быстро двигалась на север. С Дона шли радостные вести о восстании казаков, пришел казачий разъезд – казаки звали нас на помощь. Это была „благая весть"...

Весна была в полном разгаре, когда мы решительно повернули к Дону и перешли границу Ставропольской губернии в Лежанке.

Тут Армия разделилась: Вторая бригада генерала Богаевского вместе со штабом и обозом раненых пошла на Дон в станицу Егорлыцкую. Первая бригада генерала Маркова осталась в Лежанке с целью прикрыть Дон с юга. Тут нагнали нас красные и навалились на Лежанку с двух сторон. Тяжелые бои продолжались три дня, 2-4 мая, от рассвета до заката, – ночью красные отходили. Артиллерия красных громила Лежанку и расположение перед ней. Цепи красных, одна за другой, под прикрытием нескольких батарей, шли в атаку, но залегали или бежали назад, встреченные редким, но выдержанным огнем Кубанских пластунов и Офицерской роты.

Наши орудия стреляли мало, экономя снаряды, и лишь по интересным целям: бронеавтомобилю, приблизившейся пулеметной тачанке, группе всадников... Вокруг наших пушек вся земля была вспахана гранатами, и если бы не распоряжение поручика Боголюбского: „Отойти всем от орудий!" – за исключением дежурных, засевших в глубоких окопчи-

ках, – многие из юнкеров, несомненно, остались бы спать вечным сном на сельском кладбище Лежанки.

Красные окружили нас со всех сторон, но сломить в те дни бригаду генерала Маркова было трудно. К вечеру Черкесский конный полк, укрываемый весь день в резерве, подобрался с фланга и совершенно неожиданно атаковал советские цепи. Реяли зеленые флаги с полумесяцем, блестели клинки в лучах заходящего солнца. Какие красные части того времени могли выдержать конную атаку черкесов генерала Келеч-Гирея?[23] Атаку в столбах степной пыли, сопровождаемую победным гортанным кликом, подобным клекоту горных орлов! Этой ночью мы смогли отдохнуть от грохота гранат, от напряжения непрерывного боя. Наутро, с подходом новых большевистских частей, снова загрохотала большевистская артиллерия по Лежанке...

Бригада генерала Маркова устояла. Большевики ушли на четвертый день боя, потеряв сотни сраженных пулями и порубленных черкесами. Много было и раненых. Их дух был сломлен.

Выполнив задачу, бригада генерала Маркова двинулась к Дону в станицу Егорлыцкую, где ее ждал отдых после трудных дней и ночей „Ледяного", Кубанского похода...

Когда не стало генерала Корнилова, генерал Марков стал особенно близок нашему командиру полковнику Миончинскому[24], так как чувствовал в нем родственную душу: героя, рыцаря и солдата. Генерал Марков был подлинный вождь и не только солдат, но и пламенный, блестящий оратор.

Вот подлетает он на параде в Лежанке к строю нашей батареи и, осадив свою кобылу, начинает речь: „...Под грохот ваших пушек мы шли вперед"...

Реет его черный ротный значок и под высокой белой папахой, всем знакомой по походу, горят его глаза: „..Мы пойдем на Москву"... Да, конечно, мы – юнкера, константиновцы и михайловцы, первыми пойдем на Москву, мы – офицеры Корниловского производства, мы – участники Кубанского похода, закаленные в боях Дона и Кубани, мы пойдем на север и нас ничто не остановит...

Глава 4

ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД И БОРЬБА НА ДОНУ

По распоряжению генерала Алексеева, после нашего прихода на Дон был издан Приказ по Армии. В частности, в нем стояло, что каждый может оставить ряды Армии, ибо Армия – добровольческая.

Многие, у кого были семьи в оккупированных немцами областях, или по иным соображениям, подали рапорта о выходе из Армии.

Тогда генерал Марков собрал всех офицеров в станичном правлении и над грудой лежащих на столе рапортов о выходе из Армии произнес речь. Когда он кончил, почти все офицеры, подавшие рапорта, поднялись с мест, подошли к столу и взяли свои рапорта обратно.

Победа и весть об осовбождении Дона от красных подняли общее настроение. Снова послышались песни и шутки. Мишенью большинства шуток были тыловые юнкера и офицеры, коих прозвали „обозниками". Генерал Марков особенно не жаловал тыловых господ, выезжавших вперед во время переходов, на сытых лошадях. Эти люди, одетые, бывало, в черкески, обвешанные особо эффектным оружи-

ем, порою и в сопровождении дам, гарцевали рядом с колонной, пока впереди, или с фланга, не раздавался пушечный выстрел, строчка далекого пулемета, или „та-ку" передового дозора... Тут, в один миг, эти всадники исчезали, словно проваливались сквозь землю, к своим лазаретам, кухням и гражданским управлениям, кои уже тогда быстро разрастались. Генерал Марков особенно не любил таких всадников из числа членов Кубанской Рады, эвакуированных отрядом полковника Покровского из Екатеринодара.

Словно предчувствуя, что настанут дни, когда добровольческий тыл так разрастется, что погубит фронт, генерал Марков даже проектировал в конце Кубанского похода надеть на всех нестроевых офицеров желтые погоны. К сожалению, проект этот не был проведен в жизнь. Все ограничилось шутками и веселыми песенками:

Смело мы в бой пойдем,
А я останусь...
С частью хозяйственной
Я не расстанусь...

Или на мотив „Журавля":*

А за боевою частью
Прет обоз – бойцов несчастье...

Даже наша батарейная хозяйственная часть за все время войны жила собственной жизнью, почти ни-

---

* Шуточные куплеты, придумываемые всеми по очереди, нечто вроде частушек. – Ред.

чем не связанная с жизнью батареи, где-то далеко в тылу. Это было совершенно ненормальное явление, породившее рост тыла, развал, соблазны и спекуляцию. Нестойких офицеров этот соблазн привольной, веселой тыловой жизни в больших южных городах тянул, как магнит, с фронта. Ведь на лбу не написано, что я „обозник". А именно эти „обозники" и носили наиболее боевые шашки, самые звонкие шпоры и лихо заломленные набекрень папахи. Главное было – иметь успех у женщин своим боевым видом.

У нас в артиллерийской бригаде, где бывшие юнкера близко знали друг друга, тесная товарищеская спайка не допускала переселения в тыл, в „хозяйственное управление", без падения личного престижа в глазах товарищей. Кличку „обозник" носили лишь три-четыре офицера из бывших наших юнкеров, болезненно не выносивших стрельбы. Все остальные офицеры нашей хозяйственной части были пришлые, „со стороны". Но во многих других частях Армии бегство в тыл, особенно в дни неудач на фронте, было массовым и неудержимым. А командование генерала Деникина не проводило никаких серьезных мер для борьбы с этим явлением, погубившим в конце концов и Армию и дело освобождения России от большевизма.

Во второй период похода начальником хозяйственной части нашей батареи стал упитанный подполковник Машин, перешедший к нам из отряда полковника Покровского. Он тоже часто с карабином за плечами гарцевал на коне впереди батареи и исчезал при первых выстрелах. Гарцевал он обычно рядом с конной разведчицей, присоединившейся

к нам после Екатеринодара, красивой девушкой, кубанской казачкой-гимназисткой Авой.

Все мы любили эту девушку за ее милое, приветливое лицо, за ее цветущую красоту и неприступность, и поэтому ухаживание за ней пожилого подполковника Машина, да еще „обозника", вдохновляло наших куплетистов на новые версии батарейного „Журавля". Этот „Журавель" рождался в дни хорошего настроения, в дни побед и движения вперед. Высмеивалось все, что только попадало на зубок недавнему школьнику-кадету.

Колонна батареи раскинулась далеко по степи. Отдохнувшие кони рвутся вперед. Весеннее небо над степью без облачка. Впереди, за далекими гребнями, видны сиреневые очертания предгорий, за коими грезится волшебный мир Востока. Настроение у всех хорошее: квартирьеры ускакали вперед, а это значит, что боя не предвидится. Впереди батареи высокий полковник Миончинский. Его вороной конь кажется маленьким под длинным всадником. За Миончинским – группа всадников: безусый, писклявый прапорщик Гернгросс, большой подхалим, нелюбимый всеми юнкерами; маленький донец капитан Князев блестит своими круглыми очками, этот маленький казачий артиллерист не признает стрельбы дальше, чем: „Двадцать, трубка двадцать" (это полдистанции выстрела из винтовки, но он считает более далекий прицел „напрасной тратой снарядов"); любимый всеми нами капитан Шперлинг выделяется своей солдатской папахой с наушниками, из-под папахи виден овал лица и курносый нос, придающий ему некоторое сходство с императором Павлом I; красивый трубач, юнкер Бурсо, сыгравший однажды на пари перед окнами

командира батареи „Чижика” вместо „Сбора” и попавший за это в наряд на кухню; несколько конных разведчиков и среди них – красавица Ава.

На повозке с номерами Первого орудия образовался хор. Поют „Журавля”:

...Впереди нас, словно пава,
Выступает наша Ава.

Жура, жура, журавель,
Журавушка молодой.

Сколько Машин наш ни брился,
Все ж он Аве не годился...

Полковник Машин, полный и неповоротливый, лихо подбоченясь в седле, делает вид, что песню не слышит, а глаза Авы так и мечут искорки веселого задора.

Достается и самому командиру – полковнику Миончинскому:

Митю можно полюбить
Только ножки подрубить.

Жура, жура, журавель...

Митю нужно причесать,
Хоть немного воспитать...

Насчет „воспитания” вопрос деликатный. Полковник всегда сильно горячится в бою и „кроет” всех, кто, по его мнению, недостаточно расторопен: наводчиков, ящичных вожатых, не успевающих подводить передки карьером по жиже чернозема, разведчиков и, конечно, телефонистов, не бегущих с тя-

желой катушкой „марафонским бегом". Кроет всех крепко, не избегая и „трехэтажных" выражений.

Правда, на следующий день перед строем он всегда извинялся перед „господами прапорщиками" за свою ругань.

Кто из бывших юнкеров не прощал полковнику этой брани: ведь это и была для нас всех настоящая школа, а не та, что мы проходили в классах Училища или на Дудергофских полях...

„Журавель" переходил и на своего же брата – юнкера:

Всем известно, что разведка
Вперед ходит очень редко...

Этот „Журáвель" был посвящен начальнику батарейной разведки портупей-юнкеру Березовскому. Березовского послали однажды поздно вечером вперед, искать для батареи квартиры. Однако по дороге вперед он крепко заснул и лошадь привезла его в самый хвост колонны. Так и родилась песня про разведку.

Особые куплеты были посвящены складной деревянной башне, созданной по идее полковника Миончинского. В боях в степи известную роль она бы играла, если бы не продолжительная и сложная ее установка. Сделанная из легких балок и досок, без всяких механизмов, башня доставляла немалые неприятности заведующему ею капитану Масленникову. Из-за медленной установки башни – „холобуды", как ее прозвали юнкера, – бедный капитан Масленников должен был принимать от полковника Миончинского потоки ругани в начале каждого боя; но так как бои в степях были часто по-

движны и орудия, сделав два-три выстрела, уходили вперед, то „холобуду" надо было тотчас же разбирать, грузить на повозку и гнаться за батареей, а там, впереди, Миончинский уже налетал на капитана Масленникова и кричал: „Где же трам-та-ра-рам башня!" Песня про „холобуду" заканчивалась словами:

Скоро ль эту „холобуду"
На дрова рубить я буду...

Доставалось у нас и молодому капитану Гренадерской артиллерии Михно, взятому в нашу батарею уже после Первого похода.

Капитана прозвали „Старый гренадер" и подсмеивались над его долговязостью, рыжей бородкой-клинушком и всегдашним аппетитом. Привыкнув к артиллерийским боям Великой войны, с блиндажами и телефонами, „Старый гренадер" первое время под близким пулеметным огнем бледнел и даже несколько раз „драпал". Но вскоре он стал настоящим „марковцем", не кичился своим гренадерским „происхождением", часто шел вперед, пренебрегая опасностью.

Среди юнкеров были юноши, увлекающиеся самыми разными вещами: юнкер Баянов, например, изучал в походе французский язык и таскал с собой французскую книжку о царице Клеопатре. Эта книжка, лежавшая иногда на зарядном ящике, разлеталась на рыси отдельными листочками по степи, и Баянов бегал, собирая листки драгоценной книжки... Я потом уже понял, что в этой французской книжке Баянов находил какую-то внутреннюю силу легче переносить тяжелую обстановку переходов и боев в степях Кубани. Древний Египет... красавица

царица Клеопатра... дворцы, пальмы и Нил... наконец французский язык... Все это — спасительный контраст к окружающему. Среди юнкеров, огрубевших, оборванных, небритых походников, забывших интеллигентное общество, родных и семьи, живущих уже совсем иными, иногда звериными, понятиями, — „угробить", „дать дуба" стали понятиями привычными, почти ежедневными; „пожрать" — было для некоторых выше многих идеалов.

Когда граната валила с ног какого-нибудь юнкера и не разрывалась в мягком черноземе, а юнкер поднимался, отделавшись лишь испугом и контузией, ему иные бодро кричали: „Первый звонок!"

Бывшие юнкера Михайловского и Константиновского Училищ и в Армии оставались различными по характеру и по своему прошлому. Например, юнкер Рага из балтийских баронов: средних лет, бросил в Ревеле свою семью, спокойную, материально обеспеченную жизнь и делил с нами боевую страду. Идейная сила, выдержка и хладнокровие этого человека были изумительны. Он с некоторым акцентом говорил по-русски и часто применял слова „что ли". Про него говорили, что если его когда-нибудь опрокинет граната, то он поднимется и спокойно скажет: „Это тротиловая, Обуховского завода, что ли?" Как сильный человек, он всегда работал у орудия „правильным", но весьма мало понимал в стрельбе. Он был юнкером Константиновского Училища последнего, 12-го, курса и не успел пройти стрельбу. Когда батарея развернулась в Артиллерийскую генерала Маркова бригаду и бывшие юнкера стали офицерами, почти все на командных должностях, то поручику Рага не могли дать никакой должности из-за его полной неспособности к воен-

ному делу. Он числился во взводе вновь сформированной в Курске 6-ой батареи ящичным вожатым, но никогда не садился на лошадь, а шел пешком, как какой-то турист, рядом с орудиями. Ящик вел солдат-фейерверкер из мобилизованных „махновцев".

Рага и погиб из-за своего пренебрежения лошадью: при отступлении перед селом Алексеево-Леоново Марковская дивизия была заведена полковником Генштаба Биттенбиндером, временно командовавшим ею, в большое село, лежащее в лощине, и была там, как в мышеловке, атакована со всех сторон и почти вся уничтожена конной армией Буденного. Лошадь же поручика Рага была привязана к какому-то зарядному ящику, и он не смог ее найти и ускакать от сабель буденновцев.

Поручик Жилин, из кадет Первого корпуса в Петербурге, всегда шалил и смеялся. Как молодой чертенок, он иногда убегал от батареи вперед в пехотную цепь, чтобы участвовать в атаке. Он никогда не терял оптимизма и юмора.

Другим любителем пехотных атак был бывший ташкентский кадет Плотников, по прозвищу „Факир" (он любил лежать на солнце, стал бронзовым и поэтому получил кличку „Факир"). „Факир" был начальником Второго орудия в моем взводе. Во время тяжелого боя в направлении на Елец мы были окружены в лесах и прижаты к реке Сосне. „Факир" скакал по отступавшей цепи и принял командование над ротой, потерявшей командира. Он сумел повернуть роту и повел ее в контратаку в штыки. В этой отчаянной геройской атаке он и был убит.

Большинство бывших юнкеров были молодые идеалисты, преданные идее верности и защиты

Родины, отдавшие свое личное благополучие во имя борьбы с большевизмом.

Юнкера не из кадет: Фишер, веселый маленький Кузьмин, по кличке „Козерог", Андрей Соломон – сын миллионера из Баку, москвич – Хартулари, Мартыненко и Малков, в совершенстве владевший английским языком, похожий на англичанина, с трубкой в зубах, хладнокровный и спокойно-храбрый. Он несколько раз убегал на фронт в батарею из ставки генерала Деникина, где его пытались задержать и использовать как переводчика при английской военной миссии. Все они были хорошие товарищи, хоть и не столь блестящие строевики, как кадеты. Лихой, красивый портупей-юнкер Слонимский не снимал своих „Савельевских шпор" и синего башлыка ни при каких обстоятельствах, находил время танцевать мазурку от Ростова до Курска и Орла и был всегда вовремя на линии огня батареи. В каждом городе был у него мимолетный роман, правда всегда ограничивавшийся поцелуями при луне. Уже на другой день он не вспоминал ни прекрасных глаз, ни поцелуев, а скакал впереди своего орудия, – издалека был виден его синий развевающийся башлык.

После возвращения на Дон мы отдохнули в станице Егорлыцкой и некоторые юнкера „словчили" в отпуск в Новочеркасск. Мне также удалось „словчить", и после того, как станичный парикмахер полчаса снимал с меня совершенно тупой бритвой юношеский пух, я начал собираться в дорогу: у одного товарища одолжил гимнастерку, у другого – штаны.

Трудно передать впечатление, произведенное на нас, отпускников, Новочеркасском. Город изменил-

ся до неузнаваемости: не было и следа революции, – расхлястанных шинелей, наглых лиц, лузги на улицах. Казаки были подтянуты, улицы чистые, магазины полны продуктов. Красивые смугловатые девушки-казачки гуляли по городу, часто в сопровождении юнкеров Атаманского училища, одетых как в мирное время, а то и в сопровождении наших добровольческих офицеров. Генерал Марков и часть Офицерского полка отдыхали в Новочеркасске. Генерал ходил по улицам все в той же походной папахе и с той же нагайкой в руке. Он часто останавливал на улице офицеров, не принадлежащих ни к новой Донской, ни к Добровольческой армиям, и тут же, на улице, учинял им суровый допрос.

В городском саду по вечерам гремела музыка... Была открыта оперетка. По темным аллеям городского парка бродила веселая молодежь.

Над городом возвышался памятник атаману Платову, а под ним стояло орудие, приспособленное для стрельбы по самолетам. Казачий фронт был сравнительно недалеко от города и, когда ветер дул с севера, иногда со стороны Александра-Грушевска доносилась глухая канонада, но на это никто не обращал внимания. Дон упивался своей победой и свободой, мы, добровольцы, радовались концу тяжелого „Ледяного похода" и победному возвращению на Дон.

Казалось, что все трудности уже позади, и впереди будут лишь легкие победы и поход на Москву... Впрочем, в станице Егорлыцкой ходили неясные слухи о том, что добровольцы пойдут не на север, а обратно на Кубань освобождать Екатеринодар и всю Кубань от красных. Стало известно, что Новочеркасск был освобожден от большевиков восставши-

ми казаками Кривянской станицы, которые были вовремя поддержаны вернувшимися из Сальских степей частями походного атамана Попова. Однако большевики сосредоточили такие крупные силы, что генерал Попов уже снова начинал отступление от города, обрекая тем жителей на большевистскую месть и кровавую расправу. А в это время совершенно неожиданно пришедшие из Румынии добровольческие части полковника Дроздовского[25], подошедшие со стороны Таганрога и Ростова, победно ударили в тыл большевикам.

Дроздовцев чествовали в Новочеркасске, как спасителей и освободителей, жители старались им угодить, чем только могли. Дроздовские части, однако, ушли довольно скоро на юг на соединение с армией генерала Деникина. Уехал в Егорлыцкую и генерал Марков, отдыхавший в Новочеркасске. Не прошло и нескольких дней, как армия генерала Деникина, усиленная частями дроздовцев, двинулась снова на юг, на Кубань. Начался Второй кубанский поход. Бывшие в отпуску в Новочеркасске Мартыненко, Мино и я бросились догонять свою батарею. Уже по дороге мы узнали тяжелую новость: генерал Марков был убит в первом же бою около станции Шаблиевка, в направлении на Торговую. Последняя граната, выпущенная с красного бронепоезда, уже отходившего с отступающими красными цепями, сразила генерала-героя. Трудно передать горе, охватившее всю его бригаду, нас юнкеров и кубанских стрелков. Наша победа под Торговой этой утраты не искупала.

На Торговой мы догнали батарею, узнали о ранении нескольких наших товарищей и сразу же окунулись в горячую боевую страду. После смерти генера-

ла Маркова наша батарея получила имя „Марковской" и Офицерский полк название „Марковский".

Развернулась борьба за освобождение Кубани. Добровольческая армия отдохнула, пополнилась, и упорные бои под Тихорецкой, Армавиром, Сосыкой неизменно оканчивались отступлением, а зачастую и просто бегством красных. Мы неудержимо шли вперед. Нашу Первую бригаду вел заменивший генерала Маркова молодой полковник Преображенского полка Кутепов[26], командовавший в Первом кубанском походе гвардейской ротой Офицерского полка.

Но хотя наши части усилились и численно и материально (полк полковника Дроздовского имел, например, не только несколько батарей, но и броневую машину), красные усилились за это время еще больше. Помимо всех бывших на Кубани войск, от Ейска двигалась на юго-восток целая, почти регулярная, армия Сорокина, избегавшая столкновений с немецкими частями, двигавшимися от Таганрога также на юго-восток. От Царицына красные войска вновь начали наступление на Дон. Повсюду появлялись красные бронепоезда, вооруженные подчас орудиями крупного калибра.

Красная пехота уже не была прежним красногвардейским сбродом, — все чаще встречались обученные, устойчивые части, умевшие переходить в контратаки.

После боев в районе Торговой дроздовцы и наша бригада 6 июля заняли село Белая Глина, бывшее сильным опорным пунктом красных, прикрывавшим дорогу на узловую станцию Тихорецкая. Дроздовцы, при подходе к селу, ночью нарвались на сильную пулеметную заставу красных и понесли боль-

шие потери. Оставленные на короткое время раненые, в том числе и дроздовский герой-полковник Жебрак, были зверски изувечены и добиты. Дроздовцы утром ворвались в село и, так как красные части были в этом районе окружены, взяли много пленных. В память полковника Жебрака и других замученных дроздовцев, все пленные были расстреляны.

Корниловцы и мы также захватили в Белой Глине пленных. Комиссаров, матросов и добровольцев из сельских мещан расстреляли, а крестьянских парней решили взять на пробу в свои ряды. Эти парни, в большинстве молодые солдаты-фронтовики, попали частью и в нашу батарею. Бригадное начальство создало из них полк, названный сначала „Солдатским", а после того, как полк себя хорошо проявил, переименовали в „Самурский". Самурцы получили потом старое полковое знамя Самурского полка. Наши новые солдаты из „пленных" оправдали себя полностью и впоследствии перемешались с солдатами-добровольцами из хуторян, примкнувшими к нам при наступлении на Харьков и Курск. Этих первых пленных называли в бригаде „Белоглинские добровольцы".

Главным опорным пунктом красных в этом районе была станция Тихорецкая, и большой маневренный бой вокруг нее продолжался почти три дня (с 13-15 июля). К вечеру третьего дня концентрическое наступление Добровольческой армии заканчивалось... Солнце садилось за полями высокой пшеницы. Наша батарея выходила на окраину хутора, откуда видны были фабричная труба, водокачка станции и сельская колокольня. Казачки гурьбой тащили нам белые пироги с вишнями, мед в кувши-

нах, густые желтые сливки. Звали нас – „освободители”. Тут же вытащили хуторского портного, кричали, что это комиссар, коммунист и „иногородний”. Загорелые пластуны, запыленные, покрытые потом, с крестиками за Карс и Ардаган лишь крикнули: „Ах ты, сукин сын! А ну беги, сволочь!” Бледный, трясущийся человек, почему-то в одних носках, сделал прыжок, метнулся в сторону и вдруг, пригнувшись, побежал в сторону пшеничного поля. Вслед ему затрещали выстрелы. Взмахнув руками, он рухнул навзничь.

Кубанцы двинулись цепями к Тихорецкой. Наши орудия стали на открытой позиции перед пшеничным полем, под обстрелом какой-то мелкокалиберной пушки. Началась стрельба. Пластуны не дошли до станции и бежали назад. Их гнал советский броневтомобиль, осыпая из пулеметов. Наводчик Третьего орудия Михайлов подпустил бронеавтомобиль на полкилометра и, взяв его в перекрестие панорамы, подбил гранатой. Пластуны тотчас же повернули и пошли в штыки на советские окопы. Уже через полчаса наши пушки втягивались в Тихорецкую.

Окопы, рельсы, станционные платформы, городской сад – все было усеяно трупами красных. Кубанские пластуны и дроздовцы, атаковавшие Тихорецкую с другой стороны, не давали красным пощады.

После боя под Тихорецкой встретившиеся при концентрическом наступлении части Белой армии разделились на три группы: дроздовцы пошли на юг – на Выселки–Кореновку–Екатеринодар; корниловцы и партизаны – на станцию Кавказскую и на Армавир; кубанские стрелки вместе с конной

группой генерала Покровского, – навстречу армии Сорокина через станицу Тимашевскую на Сосыку и Кущевку.

Наша батарея шла с кубанцами. Отряд вел полковник Кутепов. Скоро нас нагнал Марковский полк, очищавший в это время западную часть Задонья тяжелыми боями, без артиллерии. Авангард „главковерха" Сорокина был разбит у станицы Тимашевской.

Наша батарея ночевала в станице в доме богатого грека. Грек устроил нам царский ужин: красавица-дочь его, восемнадцатилетняя блондинка, принесла нам целое блюдо жареных цыплят. Капитан Шперлинг пришел в хорошее настроение, был весел и разговорчив. Хозяин-грек предавался дореволюционным воспоминаниям и горько жаловался на советских комиссаров. Не успели мы взяться за цыплят, как раздался свист, переходящий в вой. Мы невольно пригнулись. Где-то рядом послышался грохот разрыва и задрожали стены. – „Дальнобойная шестидюймовка, а может быть, и восьми", – спокойно сказал капитан Шперлинг, принимаясь за цыпленка. Грек успел нырнуть под стол, а когда вылез обратно, то схватил свою красавицу-дочку и, не глядя уже на нас, быстро спустился с ней в подвал.

Ровно через пять минут снова послышался вой тяжелой бомбы. И так было почти всю ночь...

На рассвете части Кубанского стрелкового и Офицерского марковского полков в сопровождении четырехорудийной батареи собрались на окраине станицы Тимашевской.

Было чудное утро. Около железнодорожной будки веселый командир Марковского полка, полковник Тимановский[27], кричал проходившей мимо ба-

тарее: „Капитан Шперлинг, заткните проклятую гаубицу! Всю ночь спать не давала!"

В это время со стороны Тихорецкой подошел бронепоезд. Наш первый бронепоезд! До сего времени мы имели дело только с бронепоездами советскими, и недаром наш юнкер Орловский, из тифлисских кадет, умел грустно и заунывно петь с грузинским акцентом:

...А комиссары бедные,
С броневиками медными,
Гуляют и гуляют по горам...
И пришли большевики, а потом
меньшевики...
Áнархисты... кáмунисты – вá!
И началась тут:
Критика, политика, милитика...
Бедный мой кавказский галава...

Наш „бронепоезд" был построен, очевидно, любителями: он состоял из обычной платформы, на которую взгромоздили обычную трехдюймовку и защитили „батарею" от пуль и мелких осколков деревянными шпалами. На следующей платформе установили два „Максима", направленных по сторонам. Небольшой паровоз, пыхтя, медленно толкал эту „крепость" вперед.

Несколько офицеров, „словчивших" на этот самодельный „бронепоезд", в гордых позах стояли у орудия и пулеметов.

Не успели мы полюбоваться на наш „бронепоезд", как где-то, почти за горизонтом, послышался глухой выстрел и, через минуту, знакомый еще с ночи свист крупнокалиберного снаряда. Тяжелая

бомба неслась прямо на нас – таково было впечатление. Но оно примерно так и было. Поклонился этой бомбе даже бесстрашный полковник Тимановский, герой боев под Творильной, всегда ходивший в цепях во весь рост. Бомба оглушила всех и ударила прямо перед „бронепоездом" в самое полотно, вздыбив рельсы и разбросав шпалы. Образовалась такая воронка, что весь „бронепоезд" мог бы в ней спрятаться. Когда дым рассеялся, у команды „бронепоезда" уже не было гордых поз – смущенные лица смотрели из-за шпал. Паровоз уже потянул поезд обратно на Тихорецкую. Только один шутник стоял у орудия, снимал шапку и раскланивался в ту сторону, откуда стреляла гаубица. Когда „бронепоезд" скрылся за поворотом, гаубица выплюнула свои тяжелые бомбы еще несколько раз, но в это время мы уже отходили от полотна.

На рассвете 18 июля полковник Кутепов с частью Офицерского и с Кубанским стрелковым полками, а также с тремя орудиями нашей батареи, под командой полковника Миончинского, двинулся прямо в лоб армии товарища Сорокина в направлении станции Сосыка. Группа Сорокина шла от Кущевки прямо на Екатеринодар и насчитывала тысяч 30 штыков, подкрепленных сильной артиллерией и двумя бронепоездами. Тимановский повел несколько рот Офицерского полка с орудием капитана Шперлинга и с Кирасирским эскадроном в обход станции Сосыка справа. Уже в двух километрах от станицы Тимашевской наши цепи вступили в бой с пехотой Сорокина. Цепи красных медленно и в полном порядке отходили на север под давлением рот Офицерского полка. Артиллерия красных действовала непривычно близко и вела точную пристрелку, на-

ноcя потери офицерским ротам. Наше одно орудие с трудом боролось против четырех красных. Левая колонна, двигавшаяся по полотну, вела тяжелый бой. Грохот орудий, главным образом красных, не умолкал. Из Тихорецкой подошел наш легкий автоброневик с пулеметами.

Около трех часов дня красные залегли и окопались, оказывая жестокое сопротивление. Офицерские роты тоже залегли и дальше не продвигались. Полковник Тимановский хмурился, ругал почему-то сопровождавший нас Кирасирский эскадрон и недоумевал, почему нет связи справа от конницы генерала Покровского.

Наш автоброневик пытался продвинуться по дороге вперед, но тут же получил прямое попадание шрапнелью. Его командир был ранен в живот, а один из пулеметов – разбит. Однако броневик не вышел из боя и продолжал поддерживать цепи, стреляя из одного пулемета. Капитан Шперлинг пристрелялся к красным цепям и начал подготовку атаки. После короткой, но удачной пристрелки офицерские роты, сопровождаемые бронеавтомобилем и немногочисленными кирасирскими всадниками с правого фланга, пошли в атаку. Впереди закипела стрельба, и цепь наша вскоре скрылась за гребнем.

Первое наше орудие взялось в передки и понеслось галопом за пехотой. Капитан Шперлинг скакал впереди, явно увлекшись преследованием красных, и не заметил бегущих назад, справа и слева, кубанских пластунов. Когда мы поднялись на гребень, Шперлинг осадил на галопе, буквально свалился с лошади и крикнул непривычно громко: „С передков!”

В нескольких сотнях шагов двигалась в нашу сторону красная пехотная цепь, пулеметная тачанка выскочила вперед прямо перед нашим орудием. Пластунов наших нигде не было видно, видны были лишь два кирасира, офицер и молодая девушка в кирасирской форме, но без фуражки. Она вытирала на лице офицера струившуюся обильно кровь. „Десять! Гранатой огонь!" Перелет... „Уровень меньше"... „Заклинилось!" – крикнул наводчик. Проклятая граната Обуховского завода заклинилась и не шла ни туда, ни сюда. Экстрактор не выбрасывал патрон назад. Шперлинг, стоявший на зарядном ящике, спрыгнул вниз. Пулемет красных застрочил в упор по орудию. Красная цепь поднялась и пошла в контратаку, стреляя на ходу. А мы, привыкшие к железной дисциплине Кубанского похода, не могли оставить орудие и уходить назад.

Через минуту послышались крики: „Ранен... ранен..." Хартулари тряс раненной рукой, Рейтеру пуля царапнула спину, я почувствовал сильный удар по правой щиколотке и сырость в сапоге. „Ранен!" – крикнул и я и начал, приволакивая ногу, отходить от орудия. Все поле пылилось от града пуль красных. Я видел, как в тумане, что отбегавший от орудия капитан Михно, лег на живот и кричал нашим стоящим вдали передкам, чтобы они спасали орудие. Слева от меня наша батарейная пулеметная повозка отъезжала назад. Испуганные мальчики-пулеметчики, бывшие новочеркасские кадеты, садили из „Максима" куда-то вверх. Еще дальше было видно, как наш автоброневик, подбитый и, видимо, не способный двигаться, строчит по красным из уцелевшего пулемета. Красные товарищи с победными криками бежали к орудию. Я понял,

что мое спасение зависит лишь от того, смогу ли я, с перебитой костью, догнать уходившую тачанку, или нет... Меня увидел сидевший в повозке Андрей Соломон, портупей-юнкер нашего Константиновского училища. Андрей приказал тачанке остановиться и подождать меня. Ждать под таким убийственным пулеметным и ружейным огнем – было подвигом. Я перевалился в повозку, и мы понеслись рысью.

Мы проскочили расположение последней резервной роты Офицерского полка. Рота уже дрогнула под убийственным огнем. Полковник Тимановский, потерявший свое невозмутимое спокойствие, размахивая плетью, организовал контратаку, и командир роты, полковник Булаткин, – один из легендарных героев Марковских полков, повел роту в контратаку. Широкоплечий, высокий и невозмутимый, он пошел, ускоряя шаг и не оглядываясь, навстречу огненному смерчу. Офицеры двинулись за ним в направлении замолчавшего нашего Первого орудия. У орудия лежали окровавленные трупы всех двенадцати лошадей, скошенных вражескими пулеметами при попытке ездовых взять орудие „на задки": ездовые, во главе с бывшим портупей-юнкером Березовским, услышав зов капитана Михно, галопом бросились спасать орудие. Они хоть и доскакали до орудия, но, когда делали заезд, попали под смертельный обстрел из пулеметов. Наши верные кони степного похода все пали. Каким-то чудом никто из батареи не был убит, были только раненые.

Капитан Шперлинг с уцелевшими номерами отошел от орудия и дожидался контратаки 9-ой роты Офицерского полка. Славная 9-ая рота, несмотря на заградительный пулеметный огонь черноморских

матросов, опрокинула красных, уже близко подошедших к нашему орудию.

Рота полковника Булаткина потеряла нескольких человек убитыми и больше десяти ранеными, но бой был решен: красные отходили, не останавливаясь, и очистили станицу Елизаветинскую. Обходная колонна полковника Тимановского, как оказалось, наскочила на более значительные силы красных, нежели отряд полковника Кутепова, наступавший на станцию Сосыку.

„Проклятая тяжелая гаубица", мешавшая ночью спать, была подбита на станции Сосыка огнем нашего Второго орудия поручика Боголюбского. Как оказалось, эта восьмидюймовая гаубица стреляла с площадки бронепоезда. Граната орудия Боголюбского попала прямо в вагон со снарядами и была причиной сильного взрыва, разнесшего советский бронепоезд. Взрыв этот вызвал панику, и красные отступили на Кущевку.

Под Кущевкой Сорокин не дал боя и, отойдя на запад, оторвался от группы Кутепова. Конная группа генерала Эрдели прозевала маневры советского стратега, сумевшего, скрытыми ночными маршами, провести свою тридцатитысячную армию, со всей артиллерией и обозами, вдоль фланга расположения добровольцев и неожиданно бросить ее в тылы белых частей, наступавших на Екатеринодар. В районе станции Выселки два кубанских батальона, только что сформированных из молодых кубанцев, были целиком уничтожены появившимися невесть откуда сорокинцами.

Это было началом серии тяжелых боев в районе Выселки–Кореневка, разыгравшихся на широком фронте 28 июля – 2 августа. Генералу Деникину

пришлось не только бросить сюда группу Кутепова из Кущевки, но и все резервы Добровольческой армии. В этих тяжелых боях, в коих сорокинцы показали большое упорство, потери белых были велики. Лег весь цвет Марковского офицерского полка. Наша батарея тоже понесла потери. Второе орудие наскочило так же, как и Первое под Выселками, на советский пулемет. Его начальник, поручик Казанли, стрелял по пулемету, стоя на зарядном ящике. Пуля сразила его прямо в голову. Тогда бывший юнкер Мино, фейерверкер орудия, вскочил на место убитого и сбил несколькими гранатами пулемет.

Мы, раненные под Елизаветинской, ехали обратно в Тимашевку. Хартулари жаловался, что моя кровь так окрасила его штаны, что они стали похожи на гусарские рейтузы. Бой уже затих за горизонтом, а в ушах все еще трещали пулеметы. На полдороге мы встретили наш полевой лазарет. Сестра перетянула мне ногу повязкой. Несмотря на жару, мне было холодно и тянуло в сон. Потеря крови была велика, все на свете стало безразлично, хотелось только тишины и покоя. Оказывается, не страшно умирать от потери крови.

В Тимашевке нас покормили и погрузили в санитарный поезд. Меня положили на верхнюю полку. Внизу, всю долгую ночь, стонал и кричал раненный в живот офицер 9-ой роты, не то от боли, не то от безумного страха за жизнь. Крики его уже не походили на голос человека. А меня назойливо сверлила противная мысль: „Как хорошо, что ты ранен не в живот, а в ногу".

После короткого пребывания в армейском лазарете на Тихорецкой, нас, тяжелораненых, отправили подводами в Новочеркасск. Печально было столь

скорое возвращение. На последней подводе колонны раненых везли запасной гроб, а на первой, головной подводе, ехал офицер – начальник лазаретного транспорта и с ним молодая сестра. Они всю дорогу целовались. Жизнь – смерть – любовь...

В лазарете я застал нашего бывшего училищного фельдфебеля, портупей-юнкера Канищева, раненного шрапнельной пулей в плечо, во время того же боя, но на участке под станцией Сосыка. В том же лазарете оказались и мои товарищи, юнкера Первого орудия, легко раненные: Хартулари, Баянов, Улановский, Березовский, Рейтер. Я был ранен тяжелее всех и оставался в лазарете до осени 1918 года.

В это время на Кавказе разыгрывались тяжелые бои. Наши заняли Екатеринодар, Новороссийск, Ставрополь. На восточных участках фронта бои были особенно жестокими: под Армавиром был разбит вновь сформированный Сводно-гвардейский полк. Много офицеров старой Гвардии пали в полях под Армавиром. Наше Второе орудие, бывшее под командой капитана Князева, было оставлено большевикам. Это была первая потеря орудия нашей „юнкерской батареей" за все время гражданской войны.

Все номера орудия были ранены, а батарейная сестра, не захотевшая оставить раненного солдата около орудия, была убита. После кровавого Армавира начались не менее кровавые для нас, но и для красных, бои под Майкопом, Белореченской, Ставрополем и под горой Недреманной. Таманская дивизия Сорокина не хотела уходить с Кубани, – вся группа, оставившая Екатеринодар, была усилена „иногородними" крестьянами-солдатами-фронтови-

ками, выросла почти до 80.000 штыков и медленно осаживалась на северо-восток, активно сопротивляясь. Генерал Казанович, принявший 2-ую дивизию, вел фронтальные бои, выбивавшие цвет офицерства Добровольческой армии.

Во время этих страшных боев под Ставрополем, когда в рядах рот Офицерского полка оставалось по 7–8 штыков, генерал Деникин был занят грузинской политикой... Он воевал с Грузией во имя своего идеала: „Великой–Единой–Неделимой России". Командир Кубанского стрелкового полка, первопоходник полковник Тунненберг, открыто критиковал генерала Деникина: „Сухуми берем, а Ставрополь отдаем". А про симпатичного, доброго, но вялого генерала Эрдели можно было сказать словами французского автора, восхвалявшего когда-то маршала кавалерии Мюрата:

„Если у тебя нет глаза орла и отваги льва –
Прочь!.. Ты не достоин командовать конницей..."

Нет сомнения, что еще тогда, зимой 1918 года, Добровольческая армия растаяла бы в этих тяжелых боях, если бы генерал Эрдели не был заменен генералом Врангелем, ставшим во главе Кубанской конницы. Генерал Врангель прекратил тактику ведения конными частями растянутых фронтовых боев и спешенных порядков. Он смело обнажал фронт, собирал конницу в кулак и бросал ее в прорыв, а затем снимал красный фронт вправо и влево от места прорыва. Безнадежность и ожидавшаяся всеми катастрофа были обращены генералом Врангелем в победу.

В дни боев на равнинах Ставрополя, зимой 1918–1919 годов, и у большевиков появилась кон-

ная группа из казаков и лезгин под командой некоего Кочубея. В это же время, по приказу из Москвы, был расстрелян Сорокин, по обвинению в „бонапартизме", и главнокомандующим был назначен коммунист Федько. Другой „командарм" – Жлоба – двигался на северо-восток к Царицыну[28]. Конница Кочубея набросилась на наш второй Марковский батальон, сопровождаемый орудием Шперлинга. Это было в районе Спицевка-Грушевка. Атаковав батальон с фланга, красные бросились к орудию, но Шперлинг успел заметить атакующих всадников и смог галопом увести по проулкам деревни орудие, спасши и всех номеров. Телефонисты Степанов и Кислицын, сматывавшие провод, не успели бежать, были схвачены красной конницей и тут же убиты.

Атаки конницы генерала Врангеля решили участь войны на Кубани. Красная армия на Кубани перестала существовать, лишь дивизия товарища Жлобы, да конная группа Кочубея успели уйти к Царицыну.

Генерал Деникин смог использовать победы генерала Врангеля прежде всего политически. Положение на Дону, внутреннее и внешнее, было катастрофично: после революции в Германии генерал Краснов, атаман Дона, которому немцы помогали, потерял всякую политическую и материальную поддержку. Большевики начали теснить Донские войска на всех фронтах Войска Донского. Особенно тяжелое положение создалось в районе Дебальцево–Таганрог, где донцы вообще не имели фронта, и красные войска, после разгрома гетмановской Украины, начали надвигаться на незащищенный с запада Дон. Генерал Деникин мог оказать освободившимися на Кубани частями Добровольческой армии реальную

помощь на Дону. Однако эта помощь „утопающему” была обусловлена переменой власти на Дону. Войсковой Круг должен был отстранить от власти атамана Краснова и передать пост Атамана Всевеликого Войска Донского участнику Кубанского похода (командиру 2-ой бригады) генералу Богаевскому, тесно связанному с Добровольческой армией. Самостоятельная политика Атамана Всевеликого Войска Донского генерала Краснова, особенно его германофильство, не нравились генералу Деникину и окружающему его „Особому Совещанию”. В эти дни появилась нашумевшая тогда песенка Мятлева:

Из хохлов создав чудом нацию,
Пан Павло (Скоропадский. – В. Л.)
кроит федерацию.
А ему Краснов подпевает в тон,
Будет Тихий Дон – наш казачий Дон.
И журчит Кубань водам Терека:
Я ж республика – як Америка...

Первая Марковская батарея и Офицерский полк, погрузившись в теплушки при 18-градусном морозе, в середине января 1919 года, проезжали станции Донецкого бассейна, миновав Таганрог и Дебальцево. Для зимнего похода все мы были слишком легко одеты, но почти у всех было кавказское оружие, у многих были белые папахи, с коими гармонировал черный бархатный погон, с нашитыми на нем буквами „Г. М.” – Генерал Марков. Все еще мы были юнкерами-поручиками на солдатских должностях. Продолжали существовать те же тесные товарищеские отношения, создавшиеся у орудий. Капитан Шперлинг оставался для нас любимым старшим товарищем и боевым авторитетом. Он все так же лю-

бил покушать и бывал в злом настроении, если был голоден: он мог тогда изругать не только каждого из нас, но и неудачно подвернувшегося начальника. Вскоре капитан Шперлинг был назначен командиром Первого взвода, а наше Первое орудие получил капитан Михно – „Старый гренадер". Командир Юнкерской батареи и потом Дивизиона, полковник Миончинский, еще в районе Ставрополя был смертельно ранен большим осколком гранаты в живот и умер в течение нескольких минут. На его должность был назначен не очень любимый юнкерами, бывший заведующий хозяйством батареи, полковник Машин.

Марковская батарея недолго простояла в городах Донбасса на отдыхе: враг надвигался с запада и с севера. Шахтеры Донбасса были первым авангардом частей Красной армии. Осиротевшие дроздовцы (их вождь – полковник Дроздовский, раненный в бою на Кубани, скончался в ростовском госпитале), были брошены западнее нас, а корниловцы пополнялись еще на Кубани.

Жутко было в те дни на Донбассе: переплет железных дорог давал широкий простор многочисленным советским бронепоездам... Шахтерское население держалось по отношению к нам недоверчиво и даже враждебно. Мы должны были бегать с пушками за отдельными ротами марковцев и за вскоре прибывшими корниловцами, передвигавшимися в разных направлениях по железным дорогам Донбасса в теплушках. Боясь окончательно загнать наших лошадей, мы решили также стать на рельсы: лошадей сдали в обоз, нашли в Дебальцеве пульмановскую платформу, втащили на нее орудие и выехали таким самодель-

ным „бронепоездом" на позицию к северу от Дебальцева.

В это время красные начали наступление на Донбасс уже регулярными частями.

Бои на Донбассе были тяжелые. Бывших с нами корниловцев красные бронепоезда засыпáли гранатами. Когда наши орудия вышли им на поддержку на линию огня, то советский бронепоезд „Черноморец", вооруженный морскими 75 мм скорострельными пушками на неподвижных установках, с наводчиками – морскими артиллеристами, открыл по нашему „бронепоезду" такой точный огонь, что мы, выстрелив два раза, вынуждены были отойти на Дебальцево, с повреждением паровоза. Наши попытки помочь корниловцам успеха не имели. Ночью мы сняли нашу пушку с платформы и, получив запряжки, рано утром заняли закрытую позицию, влево от полотна дороги, за гребнем. Ждали „Черноморца"...

Еще не было и шести часов утра, как озаренный первыми лучами февральского солнца, выпуская клубы белого пара, блистая сталью, „Черноморец" осторожно стал продвигаться к нашей вчерашней позиции. Пушка наша подпрыгнула, выпустив первую гранату. Клуб серого дыма от разрыва встал перед бронепоездом. „Черноморец" сразу же остановился, перестав дымить. Через несколько секунд три его скорострелки заблистами вспышками. То место, где вчера стояла наша платформа, сплошь покрылось дымом разрывов. Летели лишь щепки от шпал, телеграфных столбов, деревьев и будки стрелочника. Но тут наша пушка, скрытая покатым гребнем, тявкнула снова и теперь уже перед самым паровозом „Черноморца" вырос бурый дым. „Черноморец" снова заблистал выстрелами, но быстро

пошел назад. Отойдя на пару километров, его зоркие комендоры-моряки, конечно, быстро рассмотрели, что у будки никого нет, и вот „Черноморец" вновь заблистал выстрелами своих скорострелок, посылая тучу снарядов за наш гребень. Сотни гранат и поставленной на удар шрапнели вспахали все поле вокруг, но цели из бронепоезда не видели и у нас никто не пострадал. Зато стрельба нашего орудия, редкая, но точная, окончательно отогнала в тот день назойливого „Черноморца".

Три долгих месяца мы дрались в Донбассе против значительно превосходящих нас сил противника, наступавшего ежедневно на всех участках „фронтов". Чтобы не позволить красным развернуться и маневрировать, наши части уже с рассвета переходили в наступление и тем сковывали инициативу красного командования.

Это было нелегко, – идти в бой на рассвете, зная заранее, что к вечеру придется все равно вернуться в свои хаты... усталыми, голодными и злыми. Чернухино, Ольховатка, Никишины хутора, Немецкая колония, надалеко от Дебальцева, были обычным театром наших боевых действий. Мы танцевали ежедневно взад и вперед, и ругали командование, не понимая цели и смысла этих упорных, утомительных и ничего не решающих боев.

Вскоре приехал новый начальник группы Генерального штаба, полковник Сальников, назначенный командиром Марковского полка еще в декабре. Он начал заводить в полку порядки, привезенные из Екатеринодара, где Сальников работал при Главной квартире. С собой он привез двух краси-

вых сестер и не собирался менять свои екатеринодарские привычки.

Утром 26 марта разведка сообщила о наступлении значительных сил большевиков на Ольховатку, где стоял в это время Марковский батальон полковника Булаткина, два орудия капитана Шперлинга и штаб полковника Сальникова.

Полковник Сальников в это время был „занят" своим гаремом и сказал офицеру связи, что „с этого направления наступления быть не может". Полковник Булаткин все же приказал батарее выехать на позицию. К сожалению, на окраине Ольховатки „позиции" не было. Надо было: или подниматься на высокую гору за Ольховаткой (не менее двух километров), но этот подъем в гору был бы смешон, если наступления красных не последовало бы, или оставаться на окраине села, откуда в сторону противника не было никакой видимости, ибо в этом месте был легкий подъем, не дававший вести наблюдение дальше, чем на четверть километра.

Капитан Шперлинг все же выбрал эту позицию. Впереди была лишь слабая пехотная застава, вскоре начавшая стрелять по невидимому нам противнику и затем начавшая бегом отходить к селу. Пехота все еще не выходила из хат, а красные шли к селу, — они шли без выстрела и почти бегом. Когда густые красные цепи широким фронтом побежали в атаку и оказались у первых хат Ольховатки, пришлось быстро сниматься с позиции. Мимо отходивших орудий, около церковной площади, проскакал полковник Булаткин навстречу отходившей заставе, тяжело, по-пехотному облегчаясь. Пехотинцы выскакивали из хат, собираясь по взводам и отделениям, и спешили к окраине села. Но было поздно:

большевики уже были на окраине села и открыли сильный огонь. Пули защелкали по заборам и по стенам домов, поднимая пыль по улицам. Наши пушки поскакали в гору и, поднявшись на ее склон, стали хорошей мишенью для вошедшей уже в Ольховатку красной пехоты. Все ринулись к вершине горы. Лошади понесли орудия и ящики галопом, с передков сыпались притороченные лопаты, винтовки, вещи ездовых... Пули щелкали вокруг. Мы все же благополучно выскочили из-под жаркого обстрела и собрались уже за горой на окраине хутора. Туда же подходили и успевшие бежать из села марковцы-пехотинцы. Провожаемый нашими злобными взглядами проехал франтоватый, испитой полковник Сальников во главе своих конных разведчиков. Среди пехотинцев поднялся ропот: „Булаткина оставили раненного на площади около церкви!" „Это — он бросил!" Требовали контратаки, чтобы вынести полковника Булаткина, но Сальников приказал отходить.

Полковник Булаткин, герой Марковского полка, погиб в Ольховатке: оставленный на площади, он был добит красными. Когда Ольховатка была вновь занята марковцами, там был найден его труп. Не стало еще одного героя Белого движения. Мы продолжали пляску взад и вперед от Ольховатки до Никишиных хуторов, оттуда на станцию Чернухино или на Днепрорадовку, затем опять в Ольховатку или в немецкую колонию. Так проходили дни. Дебальцево защищали корниловцы. Издалека было видно, как там кипят напряженные бои, но при более сильном артиллерийском огне. Теперь там действовали несколько советских бронепоездов, из коих некоторые имели тяжелые дальнобойные орудия.

Холода сменились оттепелью и грязью на дорогах. Лошади выдыхались. Юнкера сохраняли еще бодрое настроение, хотя одичали и огрубели, но почти никто не хотел ехать в Таганрог в хозяйственную часть, чтобы не заработать кличку „обозника”, несмотря на то, что одежда на многих уже висела клочьями.

Наконец на фронт Донбасса начали прибывать долгожданные эшелоны Кубанской конницы генерала Шкуро[29]. Полные ряды в сотнях, многочисленные пулеметы на тачанках, бодрые кони, – все это не походило на поредевшие ряды рот Офицерского Марковского полка и утомленных бойцов. Первое наступление Кубанской конницы на район Дебальцево было отбито жестоким огнем советских бронепоездов, и конница Шкуро понесла большие потери, но через несколько суток конница обошла группу красных бронепоездов и полностью разгромила тыл советского фронта. На фронте стало после этого тихо... Наступал перелом. Снова начались разговоры о походе на Москву.

Приезжающие из тыла говорили о предстоящем прибытии новых формирований, об английских танках, присланных в Новороссийск*, об успехах на Царицынском фронте, где гремело имя Врангеля[30].

Настал день общего наступления на растянутом фронте[31]. Полковник Кутепов объезжал части и говорил о предстоящем походе. От него веяло уве-

---

* Эти слухи о прибытии танков проникли и к большевикам, и на одном участке был случай, что пехота их обратилась в паническое бегство, приняв подъезжающую к цепям кухню за английский танк.

ренностью в победе. „Не надейтесь на танки, – говорил он, – дело не в технике, а в силе духа"...

И действительно, уже на следующий день и без помощи заморских танков, корниловцы, марковцы и дроздовцы отбили красных. Конница генерала Шкуро гнала красных повсюду, и корпус Кутепова быстро продвигался на Харьков.

Глава 5

НА МОСКВУ

После взятия Харькова 25 июня Марковские батареи развернулись в „Артиллерийскую генерала Маркова бригаду” и получили новые английские пушки. Победа нам улыбалась.

Марш вперед... Труба зовет,
Марковцы лихие!
Впереди победа ждет,
Да здравствует Россия!

Первый батальон идет впереди: белые „марковские” фуражки видны далеко, черные ротные значки не колышатся. Загорелые лица офицеров и солдат дышат отвагой и мужеством. Враг – не страшен.

Ты не плачь, не горюй,
Моя дорогая,
Коль убьют, так не жалей,
Знать – судьба такая...

Вокруг вся степь в красных маках. Голубые леса на горизонте, вдали кое-где маковки белых церк-

вей. Как хорошо идти туда, вперед, где за голубым далеким горизонтом грезится Москва... Отряд ведет капитан Большаков, командир Первого батальона. Он – из бывших студентов; в батальоне у него много бывших пленных красноармейцев, но он умеет их перевоспитывать. Его любят и батальон его считается лучшим в полку. Бывший московский студент, социалист-революционер, стал идеологом Добровольчества и Белой борьбы. Он поэт и писатель, и наброски его появлялись в ростовских газетах. Обратили на себя внимание его короткие строчки о войне, посвященные добровольцам и марковцам:

Смерть не страшна, смерть не безобразна.
Она – прекрасная дама, которой посвящено
служение,
Которой должен быть достоин рыцарь,
И марковцы достойны своей дамы...
Они умирают красиво...
Будет время, когда под звон
Кремлевских колоколов,
Перед знаменами: Корниловским,
Марковским и Дроздовским –
Склонят свои венчанные головы –
Двуглавые орлы старинных знамен...
(„Рыцари смерти")

Но до Москвы еще далеко, а близко впереди лишь Томаровка, красивое село на берегу речки с крутыми берегами, за коими, окруженная садами, блестит златоглавыми куполами женская обитель. Томаровка, занятая красными, наша сегодняшняя цель.

„Стой! ..Первое орудие, с передков – направо!"

– командует капитан Шперлинг. Рота Первого батальона уже впереди, рассыпанная в цепь.

Стрелять нам почти не пришлось. Томаровка занята 13 июля. Но недолго мы стояли там спокойно. Положение наше оказалось сильно выдвинутым вперед, и красные могли нас атаковать с трех сторон. Началась упорная защита Томаровки и обители. К монастырю вплотную подступали густые дубовые леса, по коим, со стороны станции Готня, подходили свежие советские войска. Атаки их начинались обычно с рассвета, поэтому наша батарея должна была уже к четырем часам утра вставать и занимать позицию перед монастырем. Стреляли мы по лесам, лишь по предполагаемым целям, но патронов не жалели. Стреляли до темноты и лишь к полуночи ложились спать. И так ежедневно. Монахини часто приносили нам густые монастырские сливки и другие вкусные вещи. Давали отдыхать в их чистеньких, пахнущих кипарисом кельях, закрывая ставни от назойливых мух. Некоторые юнкера хотели посмотреть на молодых послушниц, но старые монахини тщательно охраняли их от взоров юнкеров. Защита монастыря придавала особую силу нашей обороне. Мы чувствовали выполнение какого-то долга.

Вскоре случилось неприятное происшествие, о коем было много разговоров: три наших офицера из бывших юнкеров – Попов, Кузьмин и Орловский – поехали на хутор, находившийся в нашем тылу, купить у крестьян яиц. Когда они вошли в первую хату, на дороге послышался конский топот. Это был большевистский конный патруль из черноморцев. Заметив повозку, конные остановились. Комвзвода закричал: „Кадеты проклятые!" и выхватил на-

ган. Наши, услышав конский топот, выскочили из хаты и, увидя конных, бросились бегом, через огороды к реке. Попов и Кузьмин успели добежать и перешли довольно глубокую речку, а Орловский (у него был порок сердца) остановился, сорвал погоны и бросил их далеко в огород. Подскакавшие матросы схватили его... На следующий день на одной заставе был найден труп офицера, убитого и до неузнаваемости изувеченного красными. На батарее решили, что этот убитый и есть Орловский. Похоронили его как Орловского и отслужили по нем панихиды.

Появление в тылу красных конных разъездов было признаком сосредоточения ударной группы против нашего малого отряда, выдвинувшегося вперед. Пушки гремели с двух сторон, а пулеметные очереди на заставах слышались даже ночью и мешали спать. На третий день этого боя, командир отряда, полковник Слоновский, объявился больным и уехал в тыл, через село, еще незанятое заходившими в тыл красными. На следующий день и это село было занято. Молодой капитан Большаков, вступивший в командование отрядом, ясным отказом ответил на предложение Кутепова отступить. Он лишь попросил подкрепления. Вокруг шли тяжелые бои, и командующий корпусом прислал последний резерв корпуса – Инженерную роту. В это время к большевикам подошла интернациональная часть, состоящая из китайцев и латышей, с сильной артиллерией. Инженерные офицеры в свежих шинелях – „очкастые интеллигенты" – шагали довольно бодро в ногу и пели свою песню:

Марш вперед, Россия ждет,
Инженеров роты...
Звук лихой зовет нас в бой,
Забывай заботы...

Китайцы же и латыши через дубовые леса прорывались к стенам обители. Наша батарея настреляла кучи гильз, удерживая интернационалистов, но, пользуясь лесами, они подступили уже близко. Капитан Большаков сам повел тогда „очкастых" в штыковую атаку. Когда впереди послышалось „Ура!", мы двинулись вперед. Штыковой удар инженеров погнал китайцев и коммунистов-латышей. В лесу стало странно тихо и прохладно.

Около большого дуба в луже крови лежал китаец и проколотый штыком широкоплечий латыш. Рядом стоял невысокий, худощавый, довольно тщедушный интеллигент и носовым платком протирал запотевшее пенсне. Его винтовка была прислонена к дереву. Новый поручичьий погон был украшен скрещенными молоточками. Поручик тяжело дышал и говорил растерянно: „Я вообще еще никогда не воевал, а тут вдруг – сразу – в штыки! Просто не понимаю, как это я так мог..."

Китайцы и латыши бежали неудержимо.

Когда мы возвращались в село Томаровку, жители приветствовали нас криками „Ура", а капитан Шперлинг приказал бригадному оркестру играть нам встречный марш.

Благодаря этой победе капитана Большакова, стало возможным наступление на станицу Готня, на Курском направлении.

Через полгода после этого памятного победного дня нашелся поручик Орловский, где-то под Вороне-

жем перебежавший опять к нам. Вот его рассказ: „Когда я начал задыхаться и не мог больше бежать, я понял, что пропал. Первое, что я сделал, – сорвал офицерские погоны. Но матросы видели, как я их бросил в пшеницу и, подойдя ко мне, начали их искать. Тут их артиллерия открыла огонь по этому хутору и гранаты стали близко ложиться от места поисков. Матросы с руганью прекратили поиски и пошли к лошадям. Меня избили и надели мне на голову ведро с яйцами. Желтки потекли мне по лицу и за воротник, и в таком виде я предстал перед командующим советской группой войск Сиверсом. Сиверс нацелился на меня из карабина и спросил: „Ты офицер? – мать твою так!” Но я отрицал и сказал, что я мобилизованный, что мой отец – рабочий, а мать – сельская учительница. Сиверс не поверил и приказал кого-то привести. Каков был мой ужас, когда пришел солдат нашей Первой батареи, Второго орудия, бежавший недели две тому назад к красным. Солдат был с красной лентой на папахе и с пулеметной лентой через плечо. „Вот эта сволочь, – обратился к пришедшему Сиверс, – утверждает, что он не офицер, а мобилизованный, правда ли это?” Солдат внимательно смотрел на меня и долго раздумывал. Он, конечно, с первого взгляда, несмотря на яичные желтки, залившие мне лицо, узнал меня. Долго думал... Трудно сказать, что он думал, но вдруг уверенно сказал Сиверсу: 'Нет, это не офицер, я там всех офицеров знаю'. ”.

Вспомнил ли он хорошее отношение бывших юнкеров к батарейным солдатам, или просто почувствовал жалость к несчастному, сказать трудно. Дело кончилось тем, что Орловского избили еще раз и затем отправили в тыл. Он долго сидел по

тюрьмам, потом ему удалось смешаться с группой дезертиров, отправляемых из тюрьмы снова на фронт. Во время осенних боев Орловскому удалось перебежать к казакам.

Мы, марковцы, стали популярны в Томаровке и в смежной Борисовке, известной в России своим кустарным сапожным мастерством. Жители, обрадованные отступлением большевиков, старались угодить нам, как могли. Однажды они устроили даже концерт в нашу честь. Командир батальона, капитан Большаков, сидел в первом ряду с хорошенькой сестрой Марковского полка.

Концерт Борисовки был сугубо провинциальным и доставил нам немало удовольствия. Хорошенькая гимназисточка, выйдя на сцену, долго стояла молча и с ужасом смотрела на публику, потом заплакала и убежала, – она забыла начало стихотворения. Гром аплодисментов раздался ей вслед.

Потом вышел здоровый детина-семинарист и спел оглушительным басом, но без тени малейшего выражения – „Ревела буря, дождь шумел...”

Вскоре мы передали наши позиции перед обителью у Томаровки только что сформированному Четвертому батальону Марковского полка. Поглядели еще раз на золотые купола, блестевшие под лучами уходящего за горизонт солнца, на густые дубовые леса, на белые домики, на монастырские кельи, кои защищали мы столько дней своей грудью, и двинулись вперед.

Предстоял ночной переход. Мы были в составе обходной колонны. Утром мы прошли мимо группы штаба. Произведенный в генералы артиллерийский полковник Третьяков, командир батареи в Кубанском походе, был начальником группы. За

бодрым бородатым и загорелым Третьяковым мы увидели нашего бывшего портупей-юнкера Канищева, обвешанного картами, с полевой сумкой. „Адъютант", – с некоторой завистью подумали некоторые из нас. Показались рельсы. На опушке леса стояла серая стальная масса нашего бронепоезда „Иван Калита". Высоко поднятая к небу шестидюймовка время от времени куда-то далеко кидала тяжелые снаряды. Мы шли через лес, потом снова через поле. Пехота наша, после минутной перестрелки, выбила красных из какой-то деревушки и батарея прошла дальше... К вечеру, на окраине другой деревни, колонна попала под сильный оружейный и пулеметный огонь из подходившего к самой деревне леса. Оказалось, там засела советская пехота, пропустившая наш головной дозор. Колонна попала в засаду. Буквально в три секунды все соскочили с коней, повернули пушки к лесу и тотчас же открыли беглый огонь по опушке английскими гранатами мгновенного действия. От града пуль номера укрывались за щитами, как могли. Наша пехота во главе с капитаном Большаковым двинулась вперед. Впереди, на пулеметной тачанке, молодой командир команды, поручик Ершов, начал бить из „Максима" по лесу. Через минуту он упал, сраженный пулеметом красных.

На батарее было жарко... Но 8-ая гаубичная была еще впереди нас, тотчас же за пулеметной командой. Ее командир не растерялся. Четыре гаубицы и четыре трехдюймовки начали гвоздить по опушке леса беглым огнем, бомбами и гранатами. Лес дымился от разрывов. В какие-нибудь четверть часа на опушку легла сотня бомб и гранат. Слышались лишь нестройные крики и беспорядочная стрельба.

Марковцы ворвались в лес. Повсюду лежали трупы красных, некоторые были заброшены на деревья; оставшиеся в живых, — частью сдались, частью бежали.

Как выяснилось, этот бой был завершением разгрома советской ударной группы, прорывавшейся на Томаровку.

Мы стали двигаться в северном направлении на Курск. Около станции Ржава мы разделились: капитан Шперлинг со вторым взводом пошел налево от дороги на Курск, а наш первый взвод, с капитаном Михно, занял село Колбасовку, прикрывающее важный пункт станции справа от направления на Курск.

Теперь большевистские части из Сибири, прорвав наш фронт, двигались уже к Белгороду. Против этой советской ударной группы было брошено все, что только было в армейском и корпусном резерве, но основой сопротивления красным был Марковский полк, снятый с нашего „Курского" участка и переброшенный к югу под Белгород. Положение создалось грозное, когда группы отборной советской пехоты рвались к нашему Штабу армии, намереваясь перерезать все коммуникации. Под селом Короча, 26 августа, разыгралась драматическая контратака Первого Марковского батальона под командой капитана Большакова. Силы были, однако, неравные. Марковцы были обойдены красными с обоих флангов и сбиты с позиции. Капитан Большаков был тяжело ранен в ногу и остался лежать среди убитых и раненных марковцев. При подходе красных он застрелился. Так не стало борца за свободу России, гордости Марковского полка, бесстрашного воина и поэта.

Смерть не страшна, смерть не безобразна...

В дни боев под Белгородом и Корочей другая группа большевиков, под высшим командованием бывшего царского генерала Гутора, поддерживаемая несколькими бронепоездами с тяжелой артиллерией, наступала на Корниловский полк в районе Ржавы.

Село Колбасовку, которое находится в нескольких километрах от станции Ржава, пришлось оборонять почти месяц в ожидании общего наступления на Курск. Большевики наступали на Колбасовку через день, а иногда и каждый день, но эти бои носили однообразный характер. Еще на рассвете все колбасовские собаки убегали куда-то в степь. Как они чуяли предстоящую стрельбу, сказать трудно. Обстрел красными Колбасовки начинался из соседнего села трехдюймовками, гранатами и шрапнелью.

Гранаты рвутся по дворам. Дым поднимается среди крыш. По улице цокают подковы: „Господин капитан, – связь от батальона: большевики наступают от Пристенного... Просят выехать на позицию...” Запряжки скачут галопом в парк, гремя амуницией. Капитан Михно, все такой же худой и длинный, с той же рыжей бородкой и в той же грязной белой папахе Второго кубанского похода, появляется в парке с биноклем. Офицеры спешно выбегают из хат, застегивая на ходу гимнастерки. С визгом проносятся гранаты, в небе тают облачка шрапнели... За селом, на речке уже такает пулемет заставы, а под станцией Ржава – в это время ад: советские бронепоезда забрасывают шестидюймовыми снарядами посадку и полустанок перед Ржавой, где временами укрывался наш легкий бронепоезд „Слава Офицеру”. Со стороны Ржавы доносится гул тяжелых разрывов.

В панораму орудия ясно видны большевистские цепи, вышедшие из Пристенного и надвигающиеся на заставы корниловцев. Наши пушки ежеминутно подпрыгивают, окутываясь пылью, выплевывая осколочные гранаты мгновенного действия. Расстояние и все местные предметы уже давно пристреляны, и цепи „товарищей" попадают почти сразу в полосу заградительного огня, сбиваются, расстраиваются, прекращают стрельбу и к восторгу корниловцев толпами бегут назад, подгоняемые нашими гранатами. Потом в Колбасовке снова все спокойно, мычат коровы, бабы идут за водой, собаки возвращаются к своим хатам.

У нас все благополучно: нет ни убитых, ни раненых. А у первого взвода, за Ржавой, дела хуже: есть несколько раненых и убит юнкер Штубендорф, совсем юноша, участник Второго кубанского похода.

Артиллерийский взвод попал в пристрелянную большевистской артиллерией полосу. Подать передки было нельзя, так как наша наступающая в это время пехота колебалась и ее надо было поддержать. Гранаты рвались между орудиями. Капитан Шперлинг отослал всех юнкеров назад и, оставшись с юнкером Иегуловым вдвоем, продолжал вести огонь, укрываясь от ежеминутных „накрытий" в окопчике, пока не стемнело. В темноте благополучно подали передки и орудия вернулись на Ржаву.

Капитана Шперлинга произвели в полковники, и мы все, участники Кубанских походов, были довольны. Капитан Михно же, товарищ Шперлинга по Училищу, был не очень доволен этим производством. Он начал днем и ночью мечтать о заветных полковничьих погонах и решил выкинуть смелый трюк. Од-

нажды вечером капитан Михно собрал у себя всех офицеров взвода на совещание. Капитан предложил подъехать ночью с орудием к железнодорожному переезду, верстах в трех от Колбасовки, и ожидать там советский бронепоезд, подходящий обычно на рассвете. Спрятать орудие в кустарнике, а потом разбить бронепоезд гранатами в упор. Мы все возразили ему на это, что пехоты с нами не будет и, если нам не удастся с первых же выстрелов разбить паровоз, то три орудия и десяток пулеметов бронепоезда уничтожат всех нас и орудие в две минуты. Тогда капитан вызвал добровольцев, но встретил молчание, ибо никто из нас не верил в серьезность этой затеи. Капитан Михно обиделся, но когда распустил собрание, стал обращаться к каждому из нас лично. Андрей Соломон спокойно отказался, но команда Первого орудия – Слонимский, Жилин, Кузьмин и я – не смогли отказаться.

Ночью мы двинулись с орудием через поля к железной дороге... Было темно, холодно и неуютно на душе. Казалось безумием ехать с орудийной запряжкой в сторону врага, далеко за свои пехотные заставы. Колеса орудия и передка мы обмотали соломой, но они все же грохотали по спящей степи.

В темноте едва различалось полотно. Вокруг все было тихо. Сняли орудие с передка, сняли чехлы и вынули гранаты мгновенного действия, потом начали рыть себе ямки. В этих ямках, быть может, удастся уцелеть от пулеметов. Михно выломал где-то куст и прикрыл им орудие. Затем мы ждали рассвета. Утром дрожали от холода и прислушивались...

Еще не поднялось солнце, как со стороны станции Солнцево послышался далекий стук колес. Это шел „Третий Интернационал" для своего обычного

утреннего поединка с „Офицером". Наше положение было глупым, – видимые со всех сторон, мы сидели в ста шагах от полотна, на местности, ровной, как стол, укрываясь за воткнутой перед орудием веткой! Но тут случилось чудо: „Третий Интернационал" именно в это утро почему-то не дошел до своего обычного места на переезде, а остановился в двух километрах от Солнцева и выстрелил из своего переднего орудия. Неразорвавшийся снаряд ковырнул поле недалеко от нас, затем послышался шум колес. Бронепоезд уходил назад на Солнцево. Над Колбасовкой подымались уже дымки, бабы затопили печи.

Взошло солнце и стало тепло. Михно лег на сложенные гранаты и через минуту захрапел. Постепенно заснули и мы все и спали, пока солнце не взошло высоко. „Передки на батарею!" – скомандовал капитан. Лицо его было обиженным. Мы ехали назад в Колбасовку, посмеиваясь над ночными страхами. Когда подъезжали к мельницам, Кузьмин громко запел переделанную казачью песню:

...Пыль клубится по дороге...
Слышны выстрелы порой...
То с набега удалого
Едет наш Михно младо-о-о-ой...

Михно повернулся в седле: „Кузьмин! Прекратить безобразие!"

Все же через несколько дней пришлось нам всем серьезно схватиться с „Третьим Интернационалом" и другим бронепоездом. Для борьбы с красными бронепоездами, нажимавшими на Ржаву, командование установило около Ржавы в поле батарею анг-

лийских длинноствольных тракторных пушек – „Лонг Том". Эти дальнобойные пушки время от времени кидали шестидюймовые гранаты на Солнцево. Состав этой батареи был из тыловых кадровых артиллеристов, мало приспособленных к условиям гражданской войны.

Однажды мы в Колбасовке проснулись на рассвете от близкого пушечного грохота и разрывов. Выскочили на двор и увидели: над станцией Ржава поднимается густой черный и бурый дым. Грохот разрывов и выстрелов тяжелых пушек и скорострелок сливается в адскую какофонию. Поднялись на крыши и клуни, – оказалось, что колонна советских бронепоездов прорвалась в предрассветных сумерках к станции Ржава и долбит ее из всех орудий. В Ржаве наш передовой штаб, управления, обозы, склады... Батарея „Лонг Том" молчит, очевидно, ее состав разбежался. Бронепоезд „Слава Офицеру", отходивший на ночь в свою базу, не появился к рассвету, вероятно, его команда проспала.

Настал час капитана Михно. Через пять минут артиллерийский взвод несся карьером по ровному полю прямо во фланг советским бронепоездам.

Колбасовка почти не видна позади в овраге, а стальные чудовища, как на ладони. Их тяжелые и легкие пушки ежесекундно выблескивают огонь по уже горящей Ржаве.

Красные командиры и наводчики, увлеченные стрельбой по станции Ржава, не заметили лихого выезда артиллерийского взвода. Мы снялись с передков на полузакрытой позиции, угнали передки далеко назад и тотчас же начали огонь гранатой, прямой наводкой, „прицел двадцать" до команды „стой!".

Первые наши гранаты сразу же разорвались у блиндированных вагонов. На дистанции двух километров пушки бронепоезда могли бы нас уничтожить в течение нескольких минут, но воистину „смелость города берет”... Пушки бронепоезда начали нас громить беглым огнем, но нам повезло, – впереди нас был небольшой, едва заметный гребень, а морские скорострелки, с их большой начальной скоростью и настильностью, не могли нас поразить на близкой дистанции. Снаряды шестидюймовок или попадали в гребень впереди и рвались со страшным грохотом, или перелетали через наши головы и рвались далеко позади. Мы оказались, благодаря невероятному счастью, под самым носом броневиков в мертвом пространстве и методично всаживали гранаты в блиндированные вагоны. После удачного попадания гранатой в командную платформу противником овладела паника. Паровозы задымили, пушки смолкли и бронепоезда, один за другим, ушли на Солнцево. Мы спасли Ржаву от полного разгрома и довольные возвратились домой в Колбасовку.

На другой день пришел приказ идти на железнодорожный переезд и занять там позицию против советских бронепоездов, так как наш бронепоезд „Слава Офицеру” почему-то не придет.

Погода была в тот день переменчивая – то солнце, то дождь, все было мокро вокруг, серб и скучно. Советский бронепоезд подошел от Солнцева и обстрелял нас из морского орудия: выстрел и разрыв – один звук. Пришлось передки, ящики и всех лошадей отвести назад. Бронепоезд отогнали. И снова выглянуло солнце.

Можно было себе представить наше удивление,

когда у орудий появилась молоденькая блондинка в белой косынке, с узелочком и свертком в руках. Выяснилось, что это Лиза Байер, москвичка, бывшая невеста нашего юнкера Хартулари. Она – работница нашей армейской разведки, по секретному заданию должна пробраться в Москву, и решила переходить фронт через нашу батарею, чтобы повидать Сережу Хартулари. Прожила она у нас два дня и на рассвете, с узелочком в руке, пошла на железную дорогу на Солнцево.

Мы встретили ее через три недели, когда входили в Курск. Лиза стояла на тротуаре, протягивая букет белых цветов Первому орудию... В тот же день она рассказала нам свои приключения. Добравшись до станции Солнцево, она была остановлена командой бронепоезда „Третий Интернационал". Красные поверили ей, что она учительница и пробирается к матери в Москву. Команда красного бронепоезда ругала нашу батарею в Колбасовке, оказывается, наша граната попала в командирскую рубку „Третьего Интернационала" и уничтожила там весь штаб группы бронепоездов. „Поймаем кого-нибудь из этих сволочей, – говорили матросы с бронепоезда, – живьем шкуру спустим"... Вероятно, это было не пустым обещанием.

В Москве Лиза чуть не попала в тюрьму и еле успела бежать. В Курске она нас ожидала.

Бои под Белгородом закончились. Советская ударная группа была разбита конницей генерала Шкуро, и фронт нашей Армии был выправлен. 14 сентября Армия перешла по всему фронту в наступление на Курск. Первое столкновение было для нас удачным: не успела батарея занять позицию, как полковник Шперлинг, с конными разведчиками ба-

тареи и дивизиона, пошел в конную атаку на советскую батарею и на ее ротное прикрытие. Рота прикрытия сразу же сдалась, а батарея в четыре орудия была взята с фланга. Только красные ездовые успели ускакать на обрубленных уносах, через овраг. Через полчаса со стороны Ржавы подошли четыре танка и выскочившие из них хорошо одетые офицеры из Екатеринодара начали приписывать захват красной батареи себе. Это было первый и последний раз, когда, при наступлении на Москву и при отступлении, мы видели наши танки. В оперативной сводке Верховного Командования было сообщено, что советская четырехорудийная батарея была захвачена частями корниловской дивизии. Когда герой этой лихой конной атаки артиллеристов, полковник Шперлинг, узнал об этой оперативной сводке, он только спокойно сказал: „Ну и черт с ними!”

Мы быстро двигались на Курск, оставленный Красной армией почти без боя. В Курске был большой парад Марковской дивизии. Батальоны увеличились притоком добровольцев, прибывающих отпускников и поправившихся раненых. Проходило много и пулеметных тачанок. Подъем был всеобщий. Все рвались вперед... на Москву.

Корниловцы уже подходили к Орлу. В Курске была сформирована Шестая Марковская батарея, командиром которой был назначен капитан Михно, а я получил Первое орудие. Полковник Шперлинг не хотел нас отпускать из Первой батареи и всю ночь сидел мрачный, подперев голову руками. Он привык к нам, юнкерам Первого кубанского похода, как к своим младшим братьям и не хотел с нами расставаться.

Был ясный полдень. Я поднимался по улице Курска. В Первой батарее, уже не „моей", шли спешные сборы к походу. Я шел попрощаться со старыми друзьями, но запоздал, – бывшая Юнкерская, теперь Первая Генерала Маркова батарея уже двигалась в походной колонне. Впереди реял черный значок с золотой буквой „М" и золотыми скрещенными пушками. Шперлинг, Иегулов, Налетов и несколько конных черкесов были впереди. Отдохнувшие кони рвали поводья. Гремел марш провожающего бригадного оркестра. Это была бравурная мазурка, под звуки которой кони перешли в рысь. Пушки загрохотали по булыжной мостовой. Котик Слонимский увидел меня и подскакал попрощаться, тряхнул кудрями, закинул башлык и тронул коня шпорами. Он был на высоте: молодые горожанки стояли на тротуаре и махали белыми платочками, провожая батарею. Поднялась пыль, последнее орудие исчезло за поворотом и лишь мазурка бригадного оркестра продолжала греметь. Мне стало жаль своей родной батареи, жаль самого себя, жаль прошлого, связанного с Юнкерской батареей. Закрылся красочный этап жизни и открывался другой.

Для формирования новой – Шестой батареи Марковской бригады мы, выделенные из Первой батареи офицеры, получили пушки образца 1902 года и солдат, бывших „махновцев", с Днепра, мобилизованных. Начались спешные занятия у орудий. Всеми орудиями новой батареи командовали первопоходники: Первым орудием – я; Вторым орудием – Плотников; Третьим – Златковский, из бывших кадет-аракчеевцев; Четвертым – Анкирский. Андрей Соломон командовал Первым взво-

дом, Березовский – Вторым. Сергеев и Малков – пулеметными командами и Орловский – конными разведчиками.

Курск не походил на Ростов и Новочеркасск, в городе ощущался микроб „советчины" и морального разложения. Страшной заразой были занесены в добровольческие ряды пьянство и кокаин, распространенные среди советских комиссаров. Устраивались вечера с употреблением кокаина при участии курских девушек. В большом зале бывшего „Дворянского собрания", с погруженными в темноту гостиными, часто бывали балы. Офицеры, находившиеся в Курске, уже не дали боевого элемента в ряды добровольческих полков. У них не было ни наших традиций, ни нашего боевого духа, родившегося в эпоху боев и походов Кубани и Дона. Того чудесного „корниловского" боевого духа, позволявшего гнать превосходящие силы противника и освобождать от большевиков, один за другим, русские города...

Большевистский микроб и большая оставленная добыча быстро разлагали добровольческие тылы: хозяйственные части, оставшиеся далеко в тылу, занялись кражами и спекулятивной вакханалией.

На фронте становилось тяжело: надвигалась поздняя осень 1919 года. Холодный дождь часто хлестал днем и ночью, ветер гнул оголенные деревья и гнал по опустевшим равнинам перекатиполе. И люди и лошади продрогли. Впереди было серо и туманно. На севере, за горизонтом, все усиливался враг, а позади, на юге, были города, ярко освещенные, уютные. Там горели камины, сияли огнями рестораны и кафе, смеялись оголенные красавицы.

Шестая Марковская батарея, после двухнедельного формирования, грузилась на станции Курск-Товарная. Орудийные кони, полученные от Управления бригады, еле дотащили орудия до станции. На улице была толпа, гремел тот же бригадный оркестр. Я ехал впереди Первого орудия на худосочной, высокой кобыле. Мои номера и ездовые „махновцы" были довольно хмурые, они совсем не хотели больше воевать.

Гремя буферами, наш эшелон тронулся, и безрадостные поля потянулись вдоль полотна. Поезд из нескольких вагонов шел на северо-восток, куда-то к лесным районам, к Щиграм, где когда-то охотился Тургенев.

Выгружались на маленькой станции у какой-то деревушки, где нас должна была ожидать пехота, незнакомый нам Сводно-Стрелковый полк под командой полковника Гравицкого. К моменту выгрузки пошел сильный дождь, не перестававший лить почти трое суток. Поля и дороги превратились в болота и озера. В деревушке, где стоял штаб полковника Гравицкого, ходили тревожные слухи о близости советской конной группы. Накануне, выдвинутый вперед, батальон этого полка был изрублен советской конницей. Полковник Гравицкий отошел поэтому к железной дороге и потребовал подкрепления.

Прислали недоформированную Шестую Марковскую батарею (1-ый взвод), с никуда не годным конским составом и сообщили, что, находящийся по соседству, западнее, Марковский батальон будет завтра наступать. Предписывалось наступать и полковнику Гравицкому.

Крестьяне в этом селе страшно боялись возвращения красных, и поэтому, когда хитрый Андрей

Соломон предложил крестьянам обменять наших худосочных и заморенных батарейных коней на здоровых крестьянских, угрожая, в случае отказа, возвращением красных, крестьяне согласились. Образовалась целая конская ярмарка, в результате которой Шестая батарея обзавелась хорошим конским составом и смогла к ночи выступить с полком Грацкого в северо-восточном направлении.

Люди и лошади скользили по разжиженной глине и падали. Моя кобыла рухнула в канаву, я перелетел через ее голову руками вперед и зачерпнул в оба рукава холодную жидкую грязь.

Наступил рассвет, дождь не прекращался, по небу неслись серые, разорванные тучи. На душе было очень уныло. На опустевших полях вдали виднелись деревушки, казавшиеся вымершими. Дорога вилась по косогорам и походила больше на глубокую канаву, по коей тяжело хлюпали копыта уставших за ночь коней. Противника не было видно, но он ощущался повсюду вокруг: то впереди, то слева и справа раздавались то далекие, то близкие выстрелы. Это были разъезды противника, охватывающие нашу колонну. Мы не видели, но нутром чуяли присутствие сильных конных групп противника. Так прошел весь день марша, без боя. Промокшие и продрогшие до костей, мы остановились в какой-то деревушке на ночлег. На полатях было тепло и уютно. Отдохнули и выспались, как следует.

На следующий день, как только мы выступили, завязалась стрельба. Мое Первое орудие, поднявшись на бугор, попало под оружейный и артиллерийский огонь. Разорвавшаяся шрапнель ранила моего наводчика в плечо. С близкой дистанции мы открыли огонь гранатами по перелеску, где засела совет-

ская пехота. Стрелки полковника Гравицкого довольно бодро пошли вперед. Вскоре слева, западнее, также послышалась сильная оружейная и пулеметная стрельба. Сквозь моросивший дождь были видны цепи наступающего параллельно Марковского батальона и группы отступающих красных. Весь день мы продвигались вперед с боем. Очередь наших гранат, разорвавшаяся в лесной балке, выгнала оттуда значительную группу красной конницы, начавшую в беспорядке уходить назад. Мы преследовали ее огнем до самого горизонта. После этой недолгой схватки наша пехота уже не встречала сопротивления и в коротком бою захватила переправу через реку Сосну. Наш батарейный пулеметный взвод, под командой поручика Сергеева, работал все время в передовой цепи, хотя это и не входило в его обязанности. Вскоре и орудия переправились через реку.

Замелькали знакомые с молодости названия тургеневских мест: Льгов, Мармыжи, Ливны... Мы вошли в чудные края северо-востока Курской губернии, – густые леса, равнины и поля.

Поручик Орловский со своими конными разведчиками взял в плен двух советских кавалеристов. Это были солдаты Алатырского полка 11-ой советской кавалерийской дивизии; усатые наездники были хорошо одеты и вооружены. В их седлах находилось все, что было у кадрового кавалериста довоенного времени. Стало как-то неуютно на душе: против наших жидких пехотных рот действовала не только превосходящая нас по численности советская пехота и артиллерия, но и целая кавалерийская дивизия, отлично вооруженная и снабженная. Казалось, что своим отступлением советское

командование лишь заманивает нас вперед, на север. Серьезных боев не было, и мы делали ежедневно переходы около двадцати верст на север.

Корниловская дивизия шла на Орел[32], а мы должны были двигаться на Елец. Наш отряд был крайним правым флангом Первого корпуса генерала Кутепова. Правее нас, где-то за лесами, должна была быть конная группа генерала Шкуро, с которым у нас не было никакой связи, и еще восточнее – Донской корпус генерала Мамонтова, наступающий на Воронеж. Дождь прекратился, и настроение стало лучше. Хотя мы побеждали и шли вперед, на душе было неспокойно: все сильнее ощущалась наша затерянность в этих бескрайних полях, долинах и лесах. Изредка попадались по дороге разоренные имения, полуобгоревшие усадьбы, белые камни полурухнувших палаццо, успевших уже заррости бурьяном. Сады и парки бурно разрослись.

Наконец мы пришли в „заштатный городок" – скорее село – Чернаву, где остановились в хорошем доме сельского батюшки. Была объявлена дневка, которая затянулась на несколько дней. Молодой батюшка оказался „передовым" и о большевизме говорил с ноткой сочувствия. Он рассказал, что стоявшие до нас в его доме советские кавалеристы были „настоящие гусары", настоящие офицеры! (Можно было понять: не то что вы, „грубые солдафоны".) Но матушка – молоденькая, пышная брюнетка – была, видимо, другого мнения и охотно принимала ухаживания нашего пулеметчика – поручика Сергеева – черноглазого, смуглого, веселого юнца.

Вишневая наливка не сходила со стола, а ординарец взводного командира, поручика Андрея Соломона, принес с пруда большого налима, выловленного путем брошенной в пруд ручной гранаты. За окном снова зашумел дождь, гулял осенний ветер, а у батюшки в доме было хорошо. Поручик Соломон спорил с батюшкой о социализме. Батюшка, явный „живоцерковник", был, возможно, и коммунист.

Сергеев почему-то слишком часто помогал матушке на кухне. Поручик Плотников рассказывал мне о полковнике Тимановском, начальнике Марковской дивизии, перед коим он благоговел: быть таким, как Тимановский, было пределом мечтаний бывшего „михайлона" – туркестанского кадетика Плотникова. Начальник конных разведчиков Орловский налегал на наливку и пел свои заунывные кавказские мелодии. Нас было пять молодых офицеров Первого взвода Шестой Марковской батареи, бывших юнкеров-первопоходников. Капитан Михно, командир батареи, уехал уже несколько дней тому назад в Курск, торопить формирование Второго взвода, и мы чувствовали себя более независимыми и самостоятельными. Наконец мы почти все получили командные должности, перестали быть „рядовыми юнкерами", гордились своей ответственностью, возможностью командовать и „приказывать" подчиненным. Между собой мы оставались товарищами и, не сговариваясь, образовали общий фронт против командира Первого взвода, Андрея Соломона, игравшего в „начальство" и пробовавшего даже „цукать" нас, офицеров Первого взвода. Андрей, несомненно, мечтал о карьере и, когда в Чернаву прибыло Управление дивизиона, он тотчас же отправился с визитом к командиру Дивизиона,

тучному полковнику Воробьеву и пригласил его к нам на налимью уху. Обласканный приемом в Управлении дивизиона, Андрей Соломон, вернувшись, ходил по комнате, напевая:

Как весна, жизнь красна,
Еще краше – слава.
В бой пойдем, нам нипочем...
Храбрым бой – забава...

Поручик Орловский улыбался, хорошо зная переживания Андрея в боях, а были они весьма далекими от „нипочем”. Орловский часто носился со своими конными разведчиками-черкесами между фронтами, приводил пленных и плевал на батарейное начальство – Андрея Соломона.

Итак, Андрей Соломон вернулся от начальства в хорошем настроении и предвкушал обед с полковником! Потом послал своего ординарца-хохла на озеро, бросить вторую гранату и принести второго налима, первый был уже нами съеден. Минут через десять ординарец вернулся смущенный и доложил, что граната не разорвалась и налима – нэма: он бросил гранату, не сдвинув предохранителя. Тогда Андрей послал ординарца к командиру Сводно-Стрелкового батальона, но тот прислал холодный ответ, что ему нужны ручные гранаты для боя, а не для ловли рыбы. Андрей забегал, не зная, что делать. Баран или курица были в то время не угощением для высокого начальства, а ежедневной их пищей, и кроме того, полковник был приглашен именно на налимью уху, а не на куриный суп. Время тянулось томительно медленно, час обеда неуклонно приближался, а выхода никто не видел.

Однако провидение было на стороне Андрея: неожиданно над крышами уютной Чернавы прожужжала очередь советских гранат и с грохотом разорвалась на огородах и в поле. На аванпостах четко застучал „Кольт". За первой очередью гранат вторая разорвалась между домами и сараями. Кони заметались на коновязях, ездовые побежали с седлами в парк, по проулкам прискакали конные – связь от командира полка. Андрей отдавал сбивчивые распоряжения. Мы с Плотниковым побежали к орудиям. Было видно, как по косогору на юг, в направлении Ливны, ускоренной рысью уходила группа всадников с черным флажком. Это было Управление дивизиона, не дождавшееся налимьей ухи. Мы с Плотниковым запрягли орудия и ждали дальнейших распоряжений. В Чернухино было явно неблагополучно, веяло паникой. Вскоре мимо проехал командир „партизанского" Алексеевского[33] полка. Он держал в руке выхваченный из кобуры пистолет и крикнул нам: „Выходите скорее на Ливенскую дорогу – нас обходит конница!"

Мы двинулись дальше. Окраина Чернавы оказалась не занятой: они боялись нас, а мы их... Большевистская пехота заняла лишь половину Чернавы, по тому берегу речки. Партизаны-алекссевцы осторожно пошли вперед и залегли между домами по этому берегу речки. Началась по Чернаве частая, беспорядочная ружейная стрельба. А наши пушки били по окраине, занятой красными, и по опушке леса. Я корректировал стрельбу с чердака здания школы, но нигде не обнаруживал ясной цели. Откуда-то из леса, на далеком прицеле, большевистская батарея вела беспорядочный огонь по занятой нами окраине и по полю, где были наши зарядные ящики. Там же

стоял обоз алексеевцев и пулеметная команда поручика Сергеева.

Я наблюдал, как Сергеев „воспитывает" свою молодую пулеметную команду из курских гимназистов: он не увозил пулеметы из зоны гранатного обстрела и ругался, когда замечал, что кто-либо из команды „кланяется" гранатам.

Так продолжалось целый день. Я надеялся, что к ночи мы пойдем на какой-нибудь хутор, но ошибся; появился исчезавший куда-то поручик Соломон и объявил, что ночевать мы будем тут же, на краю Чернавы, а завтра, на рассвете, со стороны Ливен подойдут марковцы и мы перейдем в наступление. На рассвете я был снова на чердаке школы и оттуда начал вести стрельбу, подготовляющую предстоящую атаку. Гранаты глухо рвались на окраине Чернавы и на опушке леса; в бинокль можно было рассмотреть какие-то повозки. С волнением я увидел, как по балке, слева от Чернавы, движется колонна марковцев и, рассыпаясь в цепи, обходит Чернаву. Вспыхнула торопливая и беспорядочная оружейная и пулеметная стрельба. Марковцы ворвались в город. Было ясно видно, как от речки и с окраины Чернавы к лесу бегут группы красных и несутся их повозки. Наши пушки прямой наводкой начали беглый огонь, подбадривая бегущих в лес.

Победа была за марковцами. Широкоплечий марковский полковник подъехал к штабу Сводно-Стрелкового полка. Он, очевидно, с утра хватил „спиртяги", ибо, как вепрь, налетел на командира Сводных стрелков, обрушив на него потоки ругани: „Почему вы, мать вашу, не атаковали одновременно с фронта?.. Мы бы их всех взяли голыми руками!.. Из-за вас я взял лишь триста пленных!"

Мы пошли вперед через город, а позади все еще слышались крики и ругань полковника. Разгром красных был все же ощутимый. Улицы и дворы были покрыты порванными документами, из коих следовало, что против нас дрался какой-то полк „Имени Ленина”, своего рода гвардия. Навстречу шли группы пленных. Мы вошли в лес за пехотой, и, так как большевики бежали быстро, свернулись в походную колонну. Шли почти два часа и лишь верстах в десяти от Чернавы, перед селом Афанасьевка, красные, очевидно, получив подкрепление, пробовали оказывать сопротивление. Наша пехота, поддерживаемая нашим огнем, тротиловыми гранатами и конной атакой десятка черкесов Орловского, с фланга ворвалась в Афанасьевку (13 октября). Шапка Орловского оказалась пробитой пулей, чему он был доволен.

Мы остановились в богатом доме, где было много книг, хорошая мебель, много спирта и наливки. Квартира носила следы спешного бегства: на диване валялась офицерская шинель мирного времени без погон. На столе был граммофон и куча пластинок. Мы, усталые от боя, марша и наливки, повалились спать. Не легли только Плотников и я. Я был озабочен тем, что мы расстреляли почти все снаряды и послал в Чернаву конного разведчика, чтобы этой же ночью привезти нам снаряды из дивизионного парка. Плотников нашел граммофонную пластинку „Преображенский марш” и постоянно ее заводил. Временами он наливал себе наливки и снова заводил марш: „Знают турки нас и шведы...”. Трудно сказать, какие мысли будил в нем старый петровский марш, после грохота боя, лесного марша и глуши русских деревень...

Наутро нас, с тем же партизанским батальоном, повернули почему-то обратно на юг к реке Сосне. Мы снова шли через лес по мало проезжей дороге. После часового марша колонна неожиданно была обстреляна с близкой дистанции из лесной балки и на „ура" атакована красными. Но памятны были уроки Корниловского Кубанского похода! В минуту обе пушки были сброшены с передков, повернуты на балку и... выплюнули картечь и гранаты. Ободренные вчерашней победой стрелки сразу же пошли в контратаку, а поручик Орловский тут же, у орудий, рассыпал своих черкесов в лаву. Черкесы через лес пошли в конную атаку, а с ними поскакали Сергеев и Плотников. У Плотникова орудие заклинилось, и он рвался в бой. Через минуту все утихло, лишь далеко за лесом слышались еще вспышки оружейной стрельбы. Вели пленных...

Сергеев, поручик-пулеметчик, не вернулся из этой конной атаки. Орловский рассказал, что Сергеев заскочил слишком далеко вперед, увлекшись преследованием бегущих красных, и не заметил сильного конного разъезда. – „Его зарубили, и мы не могли ему помочь".

Плотников тоже носился на своей маленькой лохматой лошаденке, врываясь в группы бегущих красных, и взял в этот день больше тридцати пленных.

Удрученные смертью нашего товарища, мы в этот вечер печальные сидели на хуторе, почти на самом берегу Сосны. Появился всезнающий поручик Соломон и сообщил, что завтра мы будем наступать на город Елец, находящийся уже недалеко. В Афанасьевке сосредоточилась вся группа генерала Третьякова и даже прибыло наше Управление бригады. Где-то

поблизости с первым Марковским батальоном находится и наша родная Первая батарея полковника Шперлинга. Снаряды были нам доставлены в эту ночь нашим юнкером Преображенским, который с несколькими повозками, нагруженными снарядами, преодолел густой лес — почти тридцать верст по незнакомым дорогам, без конвоя.

Черкесы Орловского привели советского конника, видимо, заблудившегося в утреннем тумане. Поручик Соломон решил, что этот пленный — советский комиссар. В карманах пленного были списки какой-то команды и три тысячи рублей. Андрей допрашивал его с искусством заправского чекиста и хотел непременно подвести его под расстрел. Пленный держался с достоинством. — „Я не комиссар, а вахмистр Алатырского конного полка. Я из Харькова, где у меня жена и маленькие дети", — сказал он. Плотников и я вступились за него и заставили Андрея отложить решение до следующего дня.

Ночью в стороне Афанасьевки клокотала ожесточенная стрельба, продолжавшаяся довольно долго. Утром стрельба разгорелась снова. Нас вытребовали в Афанасьевку. Было нехорошее предчувствие, когда мы двигались через лес на выстрелы. Наше Второе орудие, с поломанным ударником, шло с обозом. С пехотой шло только мое Первое орудие, а Плотников ехал в стороне на своей „Мохнатке". Вскоре мы въехали в Афанасьевку: на улицах валялись поломанные повозки, мешки — была рассыпана мука.

Вокруг Афанасьевки кипел бой. Штаб группы генерала Третьякова уже куда-то выехал и на пустынной улице, на одном из домов, висели значок командира батальона полковника Агабекова и зна-

чок нашего дивизиона. Дивизионные разведчики спешно седлали коней. Из разговоров можно было понять, что главные силы группы – первый и второй батальоны Марковского полка – уже прошли на Елец и ведут там бой, и что в то же время наша группа атакована с фланга и тыла сильными пешими и конными частями Красной армии. Нас выдвинули на окраину села, откуда было ясно видно, как густые цепи красных беспрепятственно наступают на Афанасьевку с севера.

Видя, что Партизанский батальон медлит рассыпаться в цепи навстречу противнику, я понял, что общее положение неблагополучно. Действительно, скоро понеслись, обгоняя друг друга, повозки хозяйственных частей, разведчики Управления дивизиона и бригады... Вся масса повозок и конных густой колонной неслась прямо на Елец, в сторону противника. Оказалось, что в это время советская конная бригада вышла нам в тыл – это и было причиной паники.

Когда советские цепи значительно приблизились и выскочившая вперед пулеметная тачанка начала строчить по бегущей колонне, паника еще увеличилась. Дивизионный адъютант, поручик Бахмурин, наш константиновец, получил пулю в шею и упал с коня.

Традиция Корниловского похода и школа капитана Шперлинга не позволили скакать в общем бегстве.

„Стой! С передков налево! По пулемету... Прямой наводкой! Двадцать... Гранатой огонь!" Потом 19... 18... 17... Когда разошелся дым разрывов, стрелявшего пулемета не было больше видно... „Какой батареи? Как фамилия?" – услышал я позади себя

голос. Это был генерал, начальник группы. – „Шестая Марковская батарея, Ваше Превосходительство". Генералу понравилось, что мы спокойно стреляем, когда кругом бегут.

Отступление к Ельцу стало более планомерным, но продолжалось недолго. С ближайшего гребня мы увидели город Елец в дымке, купола церквей и фабричные трубы. Навстречу нам двигались повернувшие от Ельца нам на помощь Марковские батальоны. Как на параде разворачивались они из походных колонн в цепи. Я обрадовался, когда увидел знакомые английские пушки, коренную кобылу „Машку", синий башлык Котика Слонимского, полковника Шперлинга, смешливого худенького Кузьмина, вспоминавшего все прошлые бои батареи не по боевым эпизодам, а по тому, где и что он ел... У него так и осталась Училищная кличка „Козерог". „Козерога" все любили, но не пускали стрелять из орудий, и он был несменяемым „ящичным вожатым".

Я поскакал навстречу родной Первой батарее, снимавшейся с передков близ моего орудия. Долго говорить было некогда. Полковник Шперлинг бросил испытующий взгляд на меня и на мою запряжку. Улыбнулся... Нельзя было понять, одобряет ли он, или осуждает что-либо.

Красные подтянули новые резервы, подвезли батареи и начали энергичную контратаку. Огонь красных был силен, но что могло быть страшным, когда рядом стоял Первый взвод генерала Маркова батареи? Вокруг рвались гранаты, свистели осколки и шрапнельные стаканы, – было действительно „жарко". Но как хорошо было стоять на зарядном ящике, смотреть вперед в бинокль, спокойно подавать команды и не замечать „ада". Из уважения к быв-

шему командиру подавать те же команды, что и он, и сознавать, что он, быть может, смотрит сейчас на своего ученика, а ученик не должен ударить в грязь лицом ни за что...

К вечеру марковцы сбили красных по всему фронту и наши гранаты долго провожали сбившиеся, бегущие цепи большевиков, с далеким глухим гулом разрываясь темными букетами на косогорах и далеких гребнях.

К вечеру, когда бой уже затих, из штаба дивизиона приехал Андрей Соломон и сообщил печальную весть: „Плотникова – больше нет"... Сдав свое заклинившееся орудие обозу, он скакал по цепям, ища подвига. Во время общей атаки большевиков, когда дрогнул и начал быстро отходить батальон Партизанского полка, Плотников подскакал на своей „Мохнатке" к отступающей цепи и, осаживая свою кобылу, закричал офицерам и солдатам: „Слушать мою команду!" ... „За мной – вперед!" Очевидно, в его мальчишеском голосе зазвенело что-то сильное и непоколебимое, – что-то, что было сильнее страха смерти, что заставило бегущих, обезумевших от страха людей вдруг остановиться, повернуться, закричать „Ура!" и побежать в такую страшную контратаку, не слыша треска оружейной и пулеметной стрельбы...

Вероятно, Плотников пережил истинный духовный подъем: в один, такой короткий и в то же время вечный миг пронеслись перед ним, в лучах сияния славы, образы Суворова, Скобелева, Маркова, Корнилова... Вероятно, он увидел и своего любимого начальника Марковской дивизии – Тимановского... Вероятно, в это время

в его ушах гремел Преображенский марш и заглушал все – и пушечную стрельбу и грохот боя...

Потом, быть может, на какой-то короткий миг, он увидел серое небо и затем – вечный мрак. Атака была безумной. Одна рота, хоть и смелой, дерзкой атакой, не смогла бы опрокинуть наступающую широким фронтом советскую бригаду с артиллерией.

Не стало Плотникова, и мы не могли его похоронить, тело его не было найдено.

Елец в этот день не был взят, не был взят и в дни последующие. Мы получили приказ отступать на Чернаву. Потемневший ночью лес теснился к дороге, тянущейся еле видной лентой. Я шел пешком за орудием, прислушиваясь к монотонному шуму колес, и думал о Плотникове. В ушах все еще слышался треск оружейной стрельбы, визжали и свистели осколки. От леса веяло спокойствием, миром, пахло сырым прелым листом глубокой осени. Печальна была этой ночью вчерашняя победная дорога. Вскоре между деревьями замелькали огоньки Чернавы. Через полчаса мы уже сидели за чаем у того же батюшки-социалиста. В комнате было так же тепло и уютно, лишь два стула остались пустыми...

Мы делились впечатлениями пережитого и вдруг вспомнили пленного „комиссара". У обозного фейерверкера мы выяснили, что весь день тяжелого боя под Афанасьевкой „комиссар", без всякой охраны, находился при вышедшем из строя орудии Плотникова и не пытался сбежать. Не сбежал он и ночью, когда не было никакого труда нырнуть в придорожные кусты. Андрей Соломон позвал „комиссара" и, когда тот вошел и вытянулся, как вытягивался русский кадровый кавалерист, спросил его: „Хочешь к нам в батарею – разведчиком?"

„Комиссар" обрадовался: „Так точно, Ваше Высокоблагородие!" Дали ему погоны с фейерверкерскими нашивками, шашку и драгунскую винтовку, и он ушел довольный.

Но не прошло и часа, как из штаба группы пришел приказ: „Немедленно расстрелять взятого вами в плен советского комиссара"... Андрей подумал, позвал своего ординарца и приказал ему привести пленного. Я с тревогой ждал развязки. Пленный, уже в фейерверкерских погонах, вошел в комнату. Андрей Соломон прочел ему приказ о его расстреле. Лицо пленного побелело, он молчал. В комнате было тихо, слышалось лишь тиканье старых часов на стене. В тишине раздался голос Андрея: „Ты наш солдат и уже надел наши погоны. Оставь здесь шашку и винтовку. На мосту на южной окраине нет заставы. Ступай с Богом и, если к тебе когда-нибудь попадет белый, – поступи с ним так же". Пленный не бросился на колени, но лицо его выразило всю глубину его чувств. Дверь хлопнула. За окном послышались торопливые шаги... На сердце сделалось легко и тепло.

На другой день был получен приказ об отступлении на Ливны, – это был первый день „Великого отступления".

Глава 6

ОТСТУПЛЕНИЕ

Моросил холодный, осенний дождь. На полях каркали вороны. Лошади были мокрые и грязные, напряжение последних дней сказалось и на них. Телеграфные столбы уходили вдаль... к югу. Всем было грустно. Никто не знал причины нашего начавшегося отступления: говорили, что Шкуро слишком оторвался от нас и к востоку, правее, образовался прорыв, где гуляет конница Буденного[34]. Солдаты нашего Первого взвода, бывшие „махновцы", пели свою старую запорожскую песню:

Ой, на гори тай жнецы жнуть...

Где-то далеко впереди слышался грохот пушек. До Ливен мы не дошли и попали в новые бои. Эти бои в лесистой местности были трудны. Красная пехота была многочисленна и, чувствуя перевес, упорно наседала на наши поредевшие цепи.

— Понимаете, — говорил молодой командир одного из Марковских батальонов, — вот вчера выкупались в Сосне... Мы пошли в наступление. Красные — навстречу. Мы — „Ура! В штыки!" Раньше они бы

побежали, а теперь, не тут-то было. Кричат – „Ура" и тоже в штыки, а их-то в четыре раза больше. Ну, и выкупались... Бррр... Вода-то ледяная.

Молодец-командир батальона смеется, скалит ровные, белые зубы, поправляет башлык, – ему все нипочем!

Горячий бой... Я только что попал под разрыв шрапнели и удивляюсь, как остался жив. Вокруг пули взрыли землю, переранили лошадей, поломали шанцевый инструмент около орудий. Мое орудие заклинилось, и приехавший с участка Второго взвода капитан Михно приказал отвезти орудие в Управление дивизиона и выбить там, в технической части, заклинившуюся гранату.

Дорога лежала на Ливны. Но когда мы пришли в Ливны, хозяйственная часть Дивизиона и мастерская уже ушли на юг, и я решил вернуться к батарее.

Наступила зима. Дороги замело первым снегом. Метель слепила глаза. Фронт быстро покатился на юг, а я, не зная этого, продолжал двигаться на юго-запад, с орудием и семью номерами – „махновцами" – между своим и красным фронтами, в „ничьем" пространстве, ежеминутно рискуя встречей с советским разъездом. Сёла на нашем пути казались безлюдными. Крестьяне затаились, ожидая прихода красных. Мы бродили уже три дня, не встречая ни своих, ни чужих.

На третьи сутки, уже в темноте, мы пришли на какой-то „кулацкий" хутор, занесенный снегом. Крестьянин встретил нас очень хорошо, велел хозяйке приготовить курицу и долго разговаривал насчет „политики". Было видно, что курское крестьянство уже сыто большевиками: „Почему нам не

дадите винтовки? Мы бы все пошли против красных". Но что я мог ему на это ответить? Хозяин вытащил фотографию своего сына в форме Лейб-гвардии Преображенского полка и начал рассказывать, как и он сам когда-то служил в Российской гвардии. Нас было тогда трое: начальник Первого орудия – я, младший офицер нашей батареи Сальков, примкнувший ко мне в Ливнах, и какая-то неизвестная девушка, попросившая меня в Ливнах отвезти ее в Марковский полк, где у нее, якобы, брат. Мое, неискушенное тогда, сердце не выдержало, и я взял ее с собой. У крестьянина в хате было тепло. В соседней комнате жарилась курица, а соломенное ложе перед печкой манило к долгожданному отдыху, после двадцативерстного зимнего перехода.

Вдруг дверь в хату резко отворилась и вошел крестьянин, такой, каким изображают Ивана Сусанина: с большой русой бородой, в овчинном тулупе и меховой шапке, весь занесенный снегом. „Что вы здесь делаете? Ведь на другом конце хутора уже буденновцы!" – пришел предупредить нас, „белых", этот „потомок Сусанина". Но курица пахла так ароматно, так уютно было в хате, так жутко завывала во дворе метель, что я решил остаться и при первом свете идти на соединение с батареей. Подали курицу, но едва мы сели за стол, как услышали топот коней и голоса: „Где они тут? Попались белобандиты!" Началась суматоха. Девушка кинулась в окошко, ведущее в клеть, и застряла там, Сальков начал тушить светильню и не мог ее потушить. Я выхватил свой огромный „Смит и Вессон" полицейского образца, взвел курок и ринулся в сени: „Пробьюсь или погибну тут же", – было мое твердое решение. Дверь распахнулась и сквозь клубы холодного воз-

духа показались какие-то люди в тулупах и в серых шинелях. Я нацелился в живот первому входящему и уже нажимал на спуск, как вдруг увидел за ним знакомую бороду... Михно... В то же мгновение раздался довольный хохот Михно и Жилина... Но мне было не до смеха: бедный поручик Шигорин чуть было не получил в живот свинцовую пулю крупного калибра. Затеял эту „шутку", конечно, Жилин. Капитан Михно с Жилиным, Шигориным и несколькими разведчиками так же, как и я, пробирались к Первому взводу.

Ели курицу и долго смеялись моему испугу. Настроение было такое хорошее, что про советскую конницу на другом конце хутора не вспоминали и решили спокойно спать до рассвета. Легли на пол, на солому, а Сенька Жилин все время помогал ливенской девушке стелить постель на скамейке и мешал нам спать. Вдруг в темноте раздался недовольный голос капитана Михно: „Жилин, Вы мне на бороду наступили!" Надо сказать, что были у Жилина большие американские „танки" с гвоздями, и тут уж пришел мой черед посмеяться.

Еще до рассвета мы оседлали коней, двинулись в дорогу и к обеду, наконец, догнали батальон.

Стояли ясные, морозные дни, поля покрылись снегом, теперь сани заменили колесные подводы. К селу подступали красные, но марковцы как-то слабо атаковали их, – стали сказываться потери, батальон „терял сердце", – и вскоре атака перешла в оборону. Батарея красных вела огонь по нашему взводу газовыми снарядами. Облачка розоватого дыма, однако, быстро таяли в морозном воздухе и не причиняли нам вреда. Наш взвод не мог остановить своим огнем быстро наступающую широким

фронтом пехоту красных, а командир батальона, полковник Агабеков, бывший все время на батарее, старался нас успокоить: „Ничего... подождите... вот сейчас Одиннадцатая рота пойдет в контратаку”... Но вместо этого, за цепями противника появилась конница, начавшая рысью обтекать фронт, с явной целью атаковать нас с фланга и с тыла. Пехота наша стала отходить от села. Красные конные лавы, по времени, уже должны были выйти нам во фланг, хотя за перелесками и оврагами их еще не было видно. Начали мы отход только тогда, когда красные всадники выскочили к орудиям. Пехота отходила назад в панике, захватывая даже санитарные и патронные сани. Между советской конницей и батареей скоро не осталось ни одного пехотинца. Мы спаслись тем, что применили старую тактику Первого кубанского похода: первое орудие отходило галопом, затем останавливалось, снимаясь с передка, в это время Второе орудие било по коннице гранатами и шрапнелью. Когда Первое открывало огонь, то Второе быстро отходило назад... К счастью, советская конница выдохлась, пройдя в обход несколько километров рысью и галопом по глубокому снегу, – и к моменту решительного удара и атаки на батарею кони перешли на шаг. Тем временем, капитан Михно, ускакав в тыл, начал хлестать нагайкой отошедших пехотинцев, ссаживать их с подвод и строить. Старших пехотных офицеров уже не было видно – они ускакали назад. Капитану Михно удалось построить несколько десятков пехотинцев в шеренгу и начать залповый огонь по коннице. Мы тотчас же снялись с передков и начали бить по коннице в упор гранатами мгновенного действия, вздымавшими ежесекундно снежно-белые смешанные с

черноземом фонтаны. Всадники окончательно утратили пыл конной атаки и скоро осадили назад, а мы спокойно отступили на исходный пункт.

На другой же день советская конница атаковала занятое нами село. Два наших орудия не смогли ее удержать, и Третий Марковский батальон, не выдержав атаки, отошел, потеряв два пулемета. Мы отступали...

На рассвете третьего дня конница атаковала нас оружейным огнем с другого берега речки, обтекавшей с севера хутор, где мы ночевали. Спросонья произошла паника и даже бегство, но, выскочив за хутор, мы снялись с передков и быстро отогнали советскую конницу. В этом небольшом бою произошла трагикомическая сцена: наш старший офицер – поручик Андрей Соломон – недооценил обстановку, вскочил в повозку батарейного повара и, укрываясь от пуль за поварской спиной, погнал повозку в тыл. Пуля все же пробила повару щеку и царапнула голову Андрея. Андрей пришел тогда в такую панику, что проскакал с повозкой километров двадцать на юг и сообщил там штабу, что наш отряд „уничтожен".

Наше отступление принимало все более определенный характер. Все чаще доходили до нас слухи о неудачах нашей конницы, генералов Шкуро и Мамонтова, под Воронежем и Касторной. Потом пришла весть об оставлении корниловцами Курска (18 ноября), затем о гибели нашего бронепоезда „Слава Офицеру", между Курском и Мармыжами, о гибели двух батальонов Второго Марковского полка, брошенных на помощь коннице под Касторную.

Первый Марковский полк объединился под командой полковника Блейша, прозванного „Камен-

ный гость" за свое спокойствие. С Первым Марковским полком мы действительно отступали „победно". Первая батарея была рядом с нами и мы часто, в тумане и в метели, отбивали советскую конницу бешеной артиллерийской стрельбой. Полковник Блейш занял город Тим ударом с севера (20 ноября), пройдя перед этим по советским тылам. С советской стороны нас никто не ожидал, мы шли, совершая пехотой „конный рейд". В Тиме захватили советскую четырехорудийную батарею и батальон пехоты. Скоро пленных стало так много, что полковник Блейш приказал их отпускать по домам. Особо явных коммунистов при этом раздевали на околицах деревень: забирали у них штаны, шинели, гимнастерки и сапоги, и они потом, полуголые, по снегу бежали назад в теплые хаты.

Но, к сожалению, победы Марковской дивизии не могли ничего изменить в общем тяжелом положении на фронте. В то время как Кутеповский корпус отступал медленно, – огрызаясь ежедневно контратаками, одерживая успехи, захватывая пленных и снаряжение, – донская конница и терско-кубанские части почти без сопротивления бежали перед конной армией Буденного, и восточнее нас разрастался все более и более широкий разрыв. Уже по взятии нами Тима, восточнее марковцев, километров на пятьдесят, не было белых, и в этом прорыве была советская конница. Английские пушки Первой батареи одна за другой начали выходить из строя, когда вошли в холмистые и овражьи места Курской области. Когда они на скользких спусках или на переправах опрокидывались, дисковой прицел зачастую плющился или ломался. Скоро всю Первую батарею сня-

ли с фронта и отправили в глубокий тыл – чинить материальную часть.

Настроение у нас стало невеселое. Казалось, что утонули мы в занесенных снегом бескрайних равнинах, погребены в балках, что не выберемся мы из-под ударов советской конницы, наседающей на нас черным вороньем. Повсюду бухают орудия, клокочет далекая и близкая оружейная и пулеметная стрельба, но как бы ни заканчивался бой, к вечеру мы отступаем. Фронт неудержимо катится на юг...

Веселый „констапуп" Сережа Хартулари вернулся из отпуска и привез новые частушки, придуманные в связи с бродившими слухами, – то о „выгрузке новых танков", то о прибытии конницы генерала Врангеля с Волги, то об „эшелонах сербских добровольцев"... Все это было чепухой, и Сережа пел:

С юга двигаются танки,
На носу висят баранки.

А под станциями Овны,
Выгружают сербов толпы.

Орловский был более „пессимистичен": он подхватил где-то советское „яблочко" и, заламывая свою кавказскую папаху, напевал:

Орел и Курск забрали
К Москве уже стремились,
Буденновцы нажали,
За Доном очутились...

Пришлось однажды познакомиться с подлинной русской метелью. После боя под селом Красная

Яруга мы двинулись на юг уже в темноте. За околицей села нас захватила метель. Порядок движения был таков: две роты марковцев, затем – наш взвод, два орудия, и далее еще две роты. Капитан Михно ехал впереди отряда вместе с полковником Агабековым, а я шел пешком впереди взвода, так как сильно замерз во время отхода с позиции. Метель усиливалась, передо мной еле чернели спины идущей пехоты. Когда мы прошли маленький мостик, я обернулся и увидел, что взвода за мною нет. Оказалось, что он застрял на мостике. Я бросился назад, но тотчас же потерял направление. Тогда я кинулся за шедшими впереди ротами, но и они как бы утонули в снежном мраке. Мы остались одни: телефонная двуколка с двумя телефонистами, два разведчика черкеса и я. Дороги не было и следа. Черкесы хотели разъехаться и искать наших, но я их не пустил. Мы двинулись без всякой цели, сами не зная куда, только чтобы не стоять на месте.

Было уже одиннадцать часов ночи. Мы проваливались в снег по пояс, и здоровый заводской жеребец выбивался из сил, таща двуколку. Только около трех часов ночи, – а снег стал еще более глубоким, и мы уже проваливались в какие-то ямы, – показались стволы деревьев. Метель слегка утихла, и впереди мелькнул яркой звездочкой путеводный огонек. Какое счастье увидеть огонек в ночную метель... Очутились мы на кладбище. После долгих усилий мы выбрались из сугробов, пошли на огонек и через час были уже на улице села. Село казалось вымершим. В одной освещенной хате оказалось несколько отставших марковцев, они сказали нам, что село это – Красная Яруга, – то есть то самое, из коего мы вышли несколько часов назад. По словам

жителей, красные тоже уже были в селе и ночевали на другой окраине. Марковцев было четверо, они были с винтовками. Всем стало как-то веселее. Мы решили переночевать в самой крайней хате на южной окраине села и еще до рассвета двинуться на юг вдогонку за нашими. Это была маленькая, совсем бедная хата, освещенная тусклой керосиновой лампой. На полатях спала куча ребят. Хозяин, сумрачный, нахмуренный, враждебно смотрел на нас, когда мы объяснили ему свое положение. „Большевик, – решил я, – надо быть осторожным". Хозяину я не позволил выходить из хаты без сопровождения черкеса. Я не доверял ему и назначил дежурство по полчаса.

Ночью я проснулся, словно от толчка, и увидел следующее: часовой-черкес мирно спал около лампы, а хозяин хаты на четвереньках, ползком пробирался к двери. Я схватил свой „Смит и Вессон": „Ты куда это, сукин сын!" Тот вскочил: „До ветру, господин офицер!" – „Ах ты, мать твою так!" От крика моего проснулись черкесы и марковцы. Было уже пять с половиной часов утра, и я решил немедленно уходить из села. Крестьянину я приказал идти и указывать нам дорогу на южные хутора. Метель совсем утихла и при лунном свете было хорошо все видно. Дорога была занесена, так что без компаса идти было невозможно, а компаса у меня не было. Крестьянин ворчал, но я пригрозил ему револьвером, и он пошел впереди. Шли мы по снежной пустыне, гладкой, как стол, кое-где торчал редкий кустарник. Наконец, уже часам к восьми утра, показались деревья и дымки́ деревенских, рано затопленных печей. В то же время я заметил, что ровный ветер, дувший слева, теперь так же ровно дует справа.

Ветер не мог перемениться. Проводник оказался предателем: сделав большой крюк, он привел нас снова в Красную Ядугу.

Я вынул револьвер: „Застрелю тебя, как собаку, сволочь!” Тут негодяй стал клясться, что сам не знает, как потерял направление. Не смог я застрелить беззащитного человека и только крикнул ему: „Пошел отсюда, сукин сын!”

Затем повел доверившихся мне людей в обратном направлении. Через час навстречу показались крестьянские сани. Крестьяне сказали, что хутора, где стоят „белые”, недалеко и что если мы пойдем теперь по их следу, то через час дойдем.

Это было верно, но когда мы уже подошли к мельницам хуторов и увидели вытягивавшуюся дальше на юг колонну наших, снег повалил снова и такими густыми хлопьями, что мельницы сразу же скрылись из глаз. И опять мы оказались в белом тумане. Тут уж я не выдержал и скомандовал: „Бегом марш!” Мы побежали и удачно наткнулись на крайние дома хутора. Скоро мы были и среди своих...

Оказалось, что отставшее орудие и две роты тоже где-то блуждали всю ночь. Эта ночная прогулка не прошла для меня бесследно: отмороженный еще накануне палец правой ноги начал сильно болеть и образовавшаяся рана загноилась. Когда боль стала невыносимой, мне разрешили поехать на лечение и заодно поручили отвести в Штаб армии захваченную нами под Тимом советскую батарею. Безо всякой охраны или конвоя я вел в штаб целую батарею! Офицеры ее, большей частью прапорщики с фронта, частью еще царского производства, были довольны, что попали к „белым”; ездовые, в большинстве сво-

ем казанские татары, тоже не выказывали неудовольствия переменой положения.

После переходов я останавливался на ночлег в одной хате с пленными красными артиллеристами, и мы много говорили о политике и о войне.

На узловой станции, где стоял штаб корпуса, я сдал штабу советских военнопленных и сел в санитарный поезд на Ростов. В поезде было много легкораненых с фронта, но и „командировочных". Раненные корниловцы говорили об огромном числе красных и о невозможности дальше держаться против чуть ли не десятикратного их превосходства.

По дороге в Новочеркасск, кроме боли в отмороженной ноге, я чувствовал общее недомогание, оказавшееся по приезде в город сыпным тифом. Так я очутился в лазарете Новочеркасска, где пролежал больше десяти дней без сознания.

Новочеркасск был обречен: Донская армия отступала без сопротивления к Дону, добровольцы отходили с боями в направлении на Таганрог. Положение многочисленных раненых в донских лазаретах было безнадежным. Дороги были забиты беженцами, учреждениями и ранеными, так что эвакуация многочисленных лазаретов и больниц Дона была немыслимой. Красные части продвигались на Дон безостановочно.

Андрей Соломон, уже однажды спасший мне жизнь в бою в Кубанской степи, появился в лазарете Новочеркасска в два часа ночи и потребовал у сестер мое обмундирование. Сестры отказались его выдать, говоря, что кризис только что миновал. Соломон ругался, кричал, угрожал, а другие раненные и больные офицеры беспокойно наблюдали за перебранкой Соломона с больничным пер-

соналом. Наконец он все же вырвал меня из лазарета, посадил на извозчика и повез на новочеркасский вокзал. Как во сне промелькнули мимо стены собора, спуск по бульвару, скудно освещенный вокзал и набитый до отказа поезд Донской атаманши Богаевской.

Какие-то люди не хотели впустить меня в поезд, утверждая, что я могу всех заразить сыпняком, но Андрей ругался и уверял, что я ранен в живот и совсем не сыпной. Наконец меня впустили в вагон и уложили на верхней полке. В вагоне оказалась наша батарейная сестра Нина, молодая жена генерала Маркова, и семья богачей Парамоновых; все они окружали меня вниманием.

Лишь через неделю поезд добрался до Екатеринодара, где я был уложен в лазарете, устроенном в здании театра. Окон здесь не было, где-то под потолком день и ночь тускло горели лампочки. Больные и раненые лежали прямо на полу, на грязной соломе и умирали десятками. Массы вшей покидали трупы, начавшие остывать, и белыми сплошными дорожками переходили к живым. Доктор приходил раз в день, не снимал пальто и не приближался больше, чем на несколько шагов к больному, боялся заразиться. На третий день я бежал из этой покойницкой и нашел в городе знакомых, где мог прийти в себя.

Снег уже стаял, и на Кубани наступила ранняя весна. В Екатеринодаре я узнал о гибели почти всей Марковской дивизии, в том числе и моей шестой батареи.

Дело было так. Дивизия отходила тогда к Таганрогу в полном составе, ведя постоянные арьергардные и фланговые бои с наседавшими конными и пе-

шими частями противника. Утром 31 декабря Марковская дивизия получила приказ наступать на село Алексеево-Леоново, находящееся в глубокой балке. Начальник Марковской дивизии – генерал Тимановский – в это время умирал от тифа в теплушке товарного вагона и Дивизию вел наштадив Ген. штаба, полковник Биттенбиндер. Еще накануне, когда Дивизия проходила район Дебальцево, от разведки были получены сведения, что конные дивизии Буденного сосредотачиваются в ближайших балках. Артиллерия Дивизии, около сорока пушек и гаубиц, уже в сумерках обстреляла эти балки.

Марковская дивизия сильно запоздала с выступлением, и поэтому контакт с соседней Корниловской дивизией оказался нарушенным. Корниловская дивизия, не дождавшись Марковской, продолжала путь на Ростов. При подходе к селу Алексеево-Леоново выяснилось, что село занято конницей Буденного. Несколько батарей стали на позицию и открыли по селу огонь шрапнелью и гранатами. Пехота слезла с саней и тачанок. Не успела она еще и развернуться в цепи, как конница красных, не выдержав артиллерийского обстрела, быстро стала оставлять село, в беспорядке уходя вверх по откосам балок и скрываясь за гребнями.

Полковник Биттенбиндер приказал вновь свернуться в колонну и входить в Алексеево-Леоново. Начался спуск в балку, причем, как обычно, обозные повозки перегоняли пехоту, стремясь занять лучшие дома. Когда вся Марковская дивизия втянулась в село, конные лавы Буденного появились с трех сторон на гребнях возвышенности и пошли в конную атаку... Повозки всех бывших с полками Дивизии обозов 1-го и 2-го разрядов ринулись в раз-

ные стороны, кто вперед, кто назад, и сбивали пехоту, пытавшуюся собраться группами и построиться. Полковник Биттенбиндер вместе с командиром артиллерийской бригады, генералом Машиным, ускакал со своим конвоем назад. Красные всадники беспрепятственно ворвались в село и рубили метавшуюся пехоту и орудийную прислугу, не имевшую даже времени снять орудия с передков.

Капитан Михно скомандовал 6-ой батарее — „Картечь!" Но шрапнели не было в передках, а в это время буденновцы, махая шашками, были уже на батарее. Солдаты указывали красным на Михно и кричали: „Вот офицер! Рубите!" Рядом был овраг, и Михно скатился в него. Поручик Анкирский начал стрелять из нагана и был зарублен. Зарублены были и юнкера-походники: Владимир Рага и Шигорин. Сенька Жилин прорвался на своей серой кобыле и ушел благополучно. На дне оврага капитан Михно собрал человек тридцать пехотинцев, крича и махая плетью построил их в каре и, давая залпы по группам буденновских всадников, вывел это каре из села на возвышенность.

Было в тот день много подлинного героизма, много и трусости. Марковские сестры умоляли спасти их или убить. Начальник пулеметной команды Первого полка, отбиваясь пулеметом, на тройке вывез сестру. Спасся и бывший наш юнкер Фишер, а славный наш „вечный юнкер" Рождественский, почему-то так и не произведенный в офицеры, погиб. Погиб и Виктор Канищев, адъютант командира бригады. Спасшиеся марковцы видели его коня, скакавшего без всадника. Из батарей Марковской бригады вышла только Третья, благодаря тому, что была позади всех, не успела еще втянуться в село, и

командир ее, капитан Шемберг, не растерялся и отступал попеременно орудиями, отбиваясь картечью. Из двухтысячного состава Марковской дивизии осталось в живых около пятисот конных и пеших, а из 40 пушек и гаубиц уцелело только четыре орудия и всего несколько пулеметов – из 200.

Корниловская дивизия, под командой генерала Скоблина, находилась лишь в нескольких километрах от места драмы. И не решилась повернуть на поддержку[35].

Уже за Доном Марковская дивизия сформировалась снова и участвовала в боях под Ростовом и станицей Ольгинской, где вновь отличилась Первая Шефская батарея полковника Шперлинга. Наша же Шестая Марковская батарея так и не получила новых пушек, вместо потерянных в селе Алексеево-Леоново, и мы просидели в станице Тимашевке до общего отступления к Новороссийску.

В конце февраля – начале марта 1920 года на Дону произошел бой конницы Буденного и Думенко с нашими донцами, кубанцами, конницей генерала Барбовича и Кутеповским корпусом – здесь поистине решалась судьба Белого движения и России.

Все было против нас. Генерал Павлов, с Донской армией и конницей, одержал победу над советскими конными группами Буденного и Думенко, пытавшимися переправиться через Дон. Но, преследуя красных, он не учел наступивших морозов и заморозил конницу у Белой Глины и Зимовников Королькова, лишив ее боеспособности. В это же время многие кубанские части, попав под влияние советской пропаганды, разлагались и оставляли фронт: „Большевики нас не тронут, они только против помещиков и офицеров..."

Генерал Барбович с Добровольческой конницей численно был слабее советских конармий и не мог их остановить. Корпус генерала Кутепова удерживал широкий фронт от Азова до Ольгинской и успешно отбивал все попытки советских переправ через Дон. После неудач конной группы генерала Павлова он спешно должен был, однако, отойти на Екатеринодар, опасаясь, что советская конница обойдет его группы с востока и отрежет с тыла. Общим потоком мы катились к Новороссийску, где царил хаос эвакуации[36].

В новороссийском порту мы прямо с мола сбрасывали в глубокую воду батарейные пушки, которые не могли поместиться на пароходе, и тесаками рубили колеса зарядных ящиков и передков. Красно-зеленые бандиты спустились с гор и вечером обстреливали порт и город. Ночью 26 марта наш пароход „Маргарита", провожаемый стрельбой, отошел от причала. Тысячи раненых и больных оставались в санитарных поездах, но никто об этом не говорил. В районе новороссийского вокзала слышны были взрывы, ярким пламенем горели пакгаузы и вагоны.

„Маргарита" вышла в море. Через три часа, на рассвете, показались волнистые берега Крыма. Открывалась новая страница борьбы.

Глава 7

КРЫМ И ТАВРИЯ

В Крыму положение к весне 1920 года было довольно устойчивым: части генерала Слащева[37], численностью в несколько тысяч, с артиллерией, успешно отбивали атаки красных на Перекопский вал и тем самым дали возможность отдохнуть и переформироваться высадившимся в Крыму частям отступающей армии генерала Деникина. Уход генерала Деникина и принятие командования над отошедшей в Крым Армией генералом Врангелем способствовали поднятию общего настроения и возвращению утраченной веры в успех дальнейшей борьбы.

В Крыму уцелевшие части артиллерии Марковской дивизии сосредоточились в Симферополе. Мы, офицеры Шестой батареи во главе с капитаном Михно, были причислены к Первой генерала Маркова батарее, но вне штата и без должностей. Это было печально и скучно. Ни орудий, ни лошадей для нас не было. Из состава Шестой Марковской батареи, вышедшей из Курска на Елецкое направление, скольких уже мы не досчитывались, – Плотников, Сергеев, Анкирский, Рага, Шигорин и многие другие – пали смертью храбрых. В Симферополе встретились

капитан Михно и поручики Соломон, Березовский, Златковский, Жилин, Орловский и я. Капитан Михно был временно переведен в Первую генерала Маркова батарею, а нас, оставшихся офицеров „Шестой", зачислили как бы в бригадный резерв.

Отдыхали мы в Симферополе недолго: нас расквартировали в еврейском квартале города, и в то время как поручик Котик Слонимский ухаживал за красавицей-еврейкой, похожей на финикийскую богиню Астарту, поручики Бурсо и маленький Михайлов в пьяном виде разгромили соседнюю квартиру, разбив стрельбой из револьверов люстры и повредив портреты предков. Владелец квартиры выскочил из окна и побежал в комендатуру. Из комендатуры пришла почти целая рота арестовывать виновных, и полковнику Шперлингу стоило немало труда спрятать „головорезов", – отправить их к Перекопу и потом, отвечая на запросы Штаба корпуса, зачислить их умершими от ран.

При командовании генерала Врангеля были введены строгие законы военного времени, и такие дела могли иметь для виновных весьма неприятные последствия, вплоть до суда и расстрела.

На следующий вечер командующий корпусом, генерал Кутепов, согнал с фонаря одного из бывших наших юнкеров, полезшего, не без ловкости, там закуривать. Все эти события переполнили чашу терпения командующего корпусом, и он уже на следующий день отдал приказ Первой генерала Маркова батарее немедленно идти на север Крыма ближе к Перекопу.

Пошли в направлении Перекопа. Страшно торопились и держали все время переменный аллюр. В первый же день прошли до семидесяти километров.

Передавали, что красные сильно жмут новыми силами на корпус генерала Слащева, который еле удерживает еще Перекопский вал. Кроме нашей батареи, на север к Перекопу шел конный корпус генерала Барбовича и Марковский батальон на повозках.

Скоро с севера начал доноситься орудийный гул: это был сплошной грохот выстрелов и разрывов бомб и гранат различных калибров, как на западном фронте Великой войны. „Ну, тут не тот огонь", – говорили наши ездовые. Навстречу начали попадаться повозки с ранеными из Слащевского корпуса. Расспросы этих раненых, как всегда, не разъясняли положения на поле боя.

Долго тянулись неприветливые Джанкойские степи; наконец вдали показалась колокольня городка Армянский Базар, а дальше за городком поднимались дымки разрывов гранат и облачки рвущейся высоко шрапнели, – у Перекопского вала шел упорный бой, продолжавшийся уже третий день. К вечеру, когда наша колонна достигла Армянского Базара, бой у вала затихал [38]. Уже на рассвете нас подняли по тревоге: у Перекопа вновь закипел бой. Передавали, что ночью красные пробрались через Сивашский залив и на крайнем фланге внезапно напали на стоявшее там сторожевое охранение Кирасирского полка, прорвали его, застигли врасплох кирасирский эскадрон, перебили многих кирасир и окопались на берегу Сиваша на участке, выходившем во фланг и тыл Перекопскому валу. Одновременно части 13-й советской армии повели наступление на городок Перекоп и быстро овладели городом, за исключением тюремного здания, находившегося на южной окраине, у самого вала.

Сильная советская артиллерия вела ураганный огонь по всему валу и по тылу Слащевского корпуса, оборонявшего Перекопский вал. Нас, Марковскую батарею и батальон, быстро двинули в направлении Перекопского вала. Правее, в неглубокой балке, скоро стал виден конный корпус генерала Барбовича, стоявший там в резерве в сомкнутых колоннах. Конный корпус был ослаблен, так как многие кони не вынесли непривычного корма – крымской травы – и пали.

Чем ближе к Перекопскому валу, тем слышнее грохот советских пушек, разрывов гранат и бомб различных калибров. На всех участках вала строчат пулеметы – „Максимы" и „Кольты". Перекопский вал и стоящие за ним батареи Слащевского корпуса – в дыму гранатных разрывов советской артиллерии. Но как спокойно и методически работает наша артиллерия! Батареи гаубиц и трехдюймовок – как на параде: ни суеты, ни паники. Телефонная связь, спокойные команды, носилки для раненых наготове.

Нашу батарею маринуют, то здесь, то там, и наконец двигают поддержать Марковский батальон, идущий в контратаку на красных, захвативших часть вала около Сиваша. Мы на ровном поле перед валом, к которому двинулась цепь Марковского батальона.

Батарея снялась с передков, но в это время над нами появился самолет красных и бросил дымовой сигнал. Не прошло и пяти минут, как загудел воздух и несколько 42-линейных советских гранат „покрыли" батарею. Шестерка Первого орудия оказалась на земле. Убитые и раненные лошади заливали кровью траву. Солдат – ездовой Первого орудия –

лежал со снесенным черепом. Котику Слонимскому прямо в лицо попал кусок окровавленного лошадиного или человеческого мозга, он долго вытирался.

Когда загудел следующий залп советской 42-линейной батареи, многие побледнели и легли на землю. „Накрытие” было снова трагичным. Теперь попало по резервной части марковцев и по нашему обозу. Стонали раненные пехотинцы. Много лошадей лежало на земле или, сорвавшись, бегало по полю. Красная батарея, столь удачно нас покрывшая, к нашему счастью, перестала почему-то стрелять.

Атака 13-ой советской армии на Перекопский вал захлебнулась в огне нашей артиллерии и жестоком пулеметном огне с вала. Те отдельные части, коим все же удалось дойти до вала, были встречены контратакой Слащевской и Марковской пехоты и с потерями отброшены назад.

К вечеру 13-ая советская армия отошла на северную окраину Перекопа и окопалась далеко от вала за домами и в поле. На валу появился генерал Слащев во главе своего личного конвоя. Наряженный в довольно фантастическую форму, он явно демонстрировал перед войсками, занявшими вал, свою храбрость. Изучив положение, он что-то скомандовал, во главе своего конвоя с развернутым флагом спустился в сторону города Перекопа и рысью пошел „преследовать противника”... Генерал ничем не рисковал: все легкие батареи красных были за этот день разбиты и молчали, а пехота отошла от города и окопалась где-то далеко. Проскакав рысью через полуразрушенный Перекоп, „атакующие”, никого не догнав, вернулись в Армянский Базар к ужину.

На другой день 13-ая советская армия не возобновляла больше наступления на Перекопский вал; очевидно, ей все же сильно „набили морду". В степи за Перекопом царила полная тишина. Войска генерала Слащева снимались с вала и уходили куда-то в тыл, на отдых и на переформирование. Перекопский вал вместо них заняли части Кутеповского корпуса, корниловцы и марковцы.

Наша батарея заняла позицию в нескольких стах шагах от Перекопского вала, прямо в поле. Тут мы окопались и построили глубокую землянку, где спали ночью по очереди.

Батарея простояла за валом весь апрель. Мы разделились на две смены. Так как батарея все еще имела лишь два орудия, офицеров было слишком много, и мы могли по очереди дежурить, — одну ночь в окопе за валом на батарее, а другую ночь ночевать в реквизированной для нас квартире в городке Армянский Базар, приблизительно в трех километрах от Перекопского вала.

Погода весь апрель была прекрасная, теплая и солнечная, так что и в окопе у орудий было уютно, как на даче. Боев не было. 13-ая советская армия, очевидно, зализывала свои раны. Городок Армянский Базар был довольно сильно разрушен советской дальнобойной артиллерией, и многие жители его покинули, но все же кое-кто оставался, привыкнув к вою снарядов и к разрывам. В городке было так же скучно, как и в окопе у вала, а в смысле безопасности даже хуже: в то время как ни один снаряд не попадал в батарею, скрытую за валом, городок ежедневно обстреливался несколько часов 42-линейными снарядами со стороны Преображенки и с косы. Но все же мы все охотно отдыхали в го-

родской квартире, где можно было спать на кроватях, есть вилками и ножами с тарелок и видеть иногда чужие гражданские лица, даже женского пола, и, конечно, сестер милосердия из ближайшего тыла.

Город был переполнен штабными и кавалерийскими офицерами из штабов и управлений, так что мы, фронтовики-артиллеристы, в потрепанной в боях и походах фронтовой одежде, могли только издали смотреть на немногих женщин.

Но иногда у нас в квартире появлялась странная девочка Иза, своеобразный цветок гражданской войны. Ей было всего 15 лет и числилась она сестрой-санитаркой в Марковском полку, пристав к нему при отступлении. Под селом Алексеево-Леоново она попала в руки буденновцев и на Кубани перебежала снова к белым. Она была смугла и стройна, с ясными синими глазами. Охотно приходила она в нашу квартиру, очевидно, потому, что мы не относились к ней, как к женщине. Ее кормили и поили, и спала она у нас тут же на кровати крепким, детским сном. Самый молодой из нас, восемнадцатилетний Сенька Жилин, бывший кадет Первого корпуса и „констапуп", сам похожий на безусого младенца, возился с Изой, как с товарищем. Они вместе гуляли по Армянскому Базару, собирали акацию, бегали купаться на мелкий залив. Для того, чтобы дойти на глубину до колен и окунуться, надо было идти почти полкилометра по теплой воде. А советские наблюдатели на косе около Преображенки, когда обнаруживали купающихся, сообщали на свою батарею, посылавшую потом несколько гранат, на далеком прицеле, которые часто не рвались. По вечерам Иза и Сеня играли в карты в „дурачки" и ссорились совершенно по-детски. Когда пришел

приказ Главной квартиры удалить женщин из строевых частей, марковцам пришлось уволить Изу из состава батальона и снять ее с довольствия. Не могли мы и взять ее с собой, когда началось наступление на Перекоп и на Таврию, 25 мая. Исключений для женщин почти не было, так что Иза осталась одна в городе, пока ее не подобрал какой-то тыловой полковник.

На батарее, около вала, мы вырыли глубокую землянку и в ней спали по ночам. За то время, пока ее копали, мы нашли человеческие черепа и предметы домашнего обихода доисторических времен.

В развалинах старого города ползали серые гадюки с зигзагом на спине. Такие же змеи были замечены и около батареи. Пока не была вырыта землянка, я из города Перекопа принес большой шкаф и удобно в нем спал, закрываясь двумя одеялами.

По ночам надо было дежурить у орудий по очереди, и я хорошо запомнил одну ночь своего дежурства. Горел костер и дым стлался по земле. Дул легкий теплый ветер с Черного моря, изредка накрапывал мелкий дождик. Я лежал около костра и читал в журнале „Нива" рома „Разрыв трава". Содержание было довольно занимательным, и ночь проходила незаметно. В романе описывался тип опасной девушки, которая и сравнивалась с „Разрыв травой". „Бегите от нее... – писал автор, – иначе она испепелит ваше сердце, опустошит вашу душу..." Девушка была очень красива и умна, но высмеивала мужчин и без соблюдения какой-либо „буржуазной" морали отдавалась всем, кого хотела...

В два часа ночи послышался топот копыт. Это был связной от штаба полка, который сообщил, что

впереди у вала никого нет, вал занят лишь редкими слабыми дозорами, и что в степи, за валом, слышно какое-то шевеление. Я бросил „Разрыв траву”, вскочил и пошел будить командира батареи, спавшего в землянке, но он послал меня ко всем чертям... Я снова сел к костру, но читать уже не мог: впереди — в теплой черной дождливой мгле — мерещились подкрадывающиеся враги...

Вдруг позади, со стороны Армянского Базара, послышалась отдаленная военная песня, потом ближе и ближе:

Марш вперед, труба зовет...
Корниловцы лихие...

То шли Корниловские роты — занимать вал. Дочитал я тогда все же „Разрыв траву”...

Питание наше на Перекопе было очень плохим. Один раз в день привозили невкусную уху и хлеб. Среди людей и лошадей начались болезни. Многие лошади пали от какой-то местной перекопской травы. А местные лошади переносили ее хорошо. Полковник Шперлинг был в отчаянии, ибо достать новых лошадей в Крыму было почти невозможно.

В конце мая боевое однообразие на Перекопе было нарушено неожиданной свадьбой одного нашего „констапупа”, штабс-капитана Мино, в Армянском Базаре. Это была первая свадьба нашей батареи среди бывших юнкеров. Правда, первым женихом был еще в дни Белгорода бригадный адъютант, „констапуп”, штабс-капитан Канищев, погибший под селом Алексеево-Леоново. Невольно вспоминалось, как тот же Мино, проповедовавший среди юнкеров безбрачие, ходил за Канищевым, во время

погрузки батареи на железнодорожной станции где-то около Севска, и вместе с приятелями, Кондратовичем и Полубинским, неостроумно дразнил влюбленного в молодую казачку Нину. Они без конца напевали низким басом – „С законным бра-а-ком". А Канищев – франтоватый бригадный адъютант – не знал, куда ему деться от назойливых певцов.

И вот теперь такой „противник брака" женится сам. Невеста его, первопоходница, корниловская сестра Ольга, интересная брюнетка, уроженка Ростова, а посаженый отец – „сам" генерал Кутепов.

Свадьба была веселая и шумная. Молодые товарищи Мино по Училищу и по батарее перепились. Маленький Михайлов играл на рояле и пел так громко, что было слышно по всей улице:

Мы артиллеристы, мы артиллеристы,
Мы вам волнуем кровь...
Дайте нам серьги, кольца, аметисты –
Мы вам дадим любовь...

2 июня 1920 в 15 часов советская артиллерия по всему фронту обрушила залпы своих орудий на Перекопский вал и на город Армянский Базар. Однако большинство снарядов давали перелет через стоящие за валом батареи и рвались, главным образом, в степи перед городом или на его окраине. Приблизительно через час такой артиллерийской подготовки советская пехота пыталась атаковать вал, но была отброшена артиллерийским огнем и контратакой Корниловских и Марковских рот.

Это наступление было проведено по приказу советского Верховного командования, очевидно, не учитывавшего обстановки на Перекопе.

Теперь пришла очередь нашего наступления. И подготовка к нему ощущалась все явственнее: пришли тяжелые орудия, несколько броневых машин и танки, коих насчитывалось двенадцать. Затем батареи начали осторожную пристрелку по советским позициям за Перекопом, по окопам и батареям. Пора была отходить от Перекопа. В городе появилась холера, и наш константиновец, молодой инженер Баянов, заболел и умер. Умер от брюшного тифа и юнкер Бабкин. Ряды первопоходников продолжали редеть.

В конце мая, после отдыха и переформирования, из Симферополя в Армянский Базар пришли Дроздовские полки. От многочисленных рядов в ротах мы отвыкли уже давно и смотрели, как „дрозды" шли отдохнувшие, веселые. Во время переходов по Таврической степи они успели уже и загореть. Гордо несли дроздовцы свои знамена и первая рота Первого полка – свой традиционный Андреевский флаг.

При подходе к Армянскому Базару они еще более подравнялись и подтянулись. Их звонкие голоса далеко неслись по степи:

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк...

Пели и новую, уже сложенную в Крыму полковую песню:

Через вал Перекопский шагая,
Позабывши былые беды,
В день веселого, светлого мая,
Полетели на север „Дрозды"...

На окраине Армянского Базара черные, закоптелые дроздовские танкисты разбирали и чистили свои танки. Около автоброневиков возились шоферы, артиллеристы и пулеметчики.

Наконец настал долгожданный день нашего наступления на 13-ую советскую армию за Перекопом — общая атака всех наших частей от вала на север в направлении Чаплинки и Каховки. Наши легкие батареи выехали и заняли позиции в разбитом городке в ночной темноте. Номера окопались в ожидании тяжелого боя. В темноте подтягивались к валу и пехотные батальоны. К северу от Армянского Базара расположились конные полки Второй Донской дивизии генерала Морозова. Временами слышалось осторожное стрекотание моторов: это танки и автоброневики подкрадывались к валу и к Сивашу. Генерал Врангель прибыл в Армянский Базар к началу операции, к двум часам ночи, и вместе с генералом Кутеповым выехал на Перекопский вал.

На вражеской стороне все было тихо. Очевидно, противник не подозревал о готовящемся ударе.

Около полуночи с одной из советских батарей раздался орудийный выстрел, но потом снова наступила тишина.

Ночь была теплая и совершенно темная — без луны, без звезд... Ровно в два часа ночи 7 июня на нашей стороне взлетела ракета и по этому сигналу не менее ста полевых и два десятка тяжелых орудий открыли беглый огонь по заранее пристрелянным целям: окопам, батареям и опорным пунктам. Кроме того, несколько мелкосидящих судов нашего Черноморского флота подошли к берегам Таврии со стороны Черного моря и начали громить фланг и

тыл советского расположения. В грохоте наших орудий и разрывов снарядов еле слышалось стрекотание моторов, – это танки двинулись вперед – рвать колючую проволоку перед советскими окопами.

Артиллерия красных, застигнутая врасплох ураганным огнем белых батарей, после нескольких ответных выстрелов замолчала.

Не прошло и часа, как по всему фронту корниловцев, атаковавших правый фланг и отчасти центр 13-ой советской армии, взвились зеленые ракеты, обозначавшие – „Противник сбит, переносить огонь дальше". Скоро и марковцы сбили красных в центре. На левом же фланге красных и за Сивашом, где наступали дроздовцы, разгорелся серьезный бой: Латышская красная дивизия, занимавшая деревню, несколько отдаленную от фронта, и отчасти прикрытая илистым Сивашем, задержала наступление дроздовцев.

Утром, через проход в Татарском вале на Перекопе, донская конница ринулась преследовать противника по шоссе на Чаплинку. Сверкая в лучах восхода пиками, конные сотни галопом и рысью неслись мимо нас. Земля гудела и дрожала от мощного топота тысяч конских копыт. В промежутках, между сотнями, грохоча колесами и щитами, неслись конные и конно-горные батареи конного корпуса. Штандарты и сотенные значки развевались на скаку. Это была незабываемая картина...

Мы медленно шли по шоссе. Повсюду были следы беспорядочного бегства красных. Навстречу нам, без всякого конвоя, шло много пленных. На мотоцикле проскочил даже какой-то запыленный красный артиллерист, спешащий прямо к нашему штабу корпуса.

Мы дошли до хутора, где остановились передохнуть, но скоро были отозваны и спешно стали на позицию полуоборотом назад, к Сивашу. Оказалось, что красные удержались на своем левом фланге, благодаря упорству Латышской дивизии и перешли в контратаку на правый фланг нашего фронта у Сиваша, а конная бригада „Червонных казаков" двигалась в прорыв, образовавшийся между отступившими назад к валу дроздовцами и продвинувшимися уже на несколько километров к Чаплинке корниловцами и марковцами. Положение стало опасным. Нас прикрывала рота Марковской пехоты, но она была слишком малочисленна, чтобы спасти батарею от быстро приближающейся конной бригады. Рассчитывать мы могли только на себя и показали „класс". Полковник Шперлинг подавал совершенно новые, неизвестные дотоле команды, приноровленные к нашим английским пушкам с их удобным поворотным механизмом: „Восемь гранат с поворотом направо на один оборот – огонь!" Или: „До команды – стой! Огонь!" В то время как гаубичная батарея, стоявшая позади, едва успевала выплюнуть свои четыре бомбы, нам удавалось выпустить не менее 24 гранат – или мгновенного действия, или с замедлителем. Весь фронт атакующих „Червонных казаков" дымился от разрывов наших гранат... Тут в прорыве появился один из наших танков. Он направился навстречу коннице и скоро попал в „переплет" со стороны нескольких красных батарей, но не отступал, а ползал взад и вперед, стараясь заткнуть прорыв.

„Червонные казаки" не выдержали нашего огня. Недоскакав лишь километра до батареи и до Марковской роты прикрытия, они сбились, смешались

и повернули назад. Наши гранаты, как из пулемета, вылетали им вслед из накаленных до предела орудийных стволов.

Контратаки Дроздовской дивизии от Перекопа и Сиваша были, в свою очередь, отбиты красными — недаром на этом участке была Латышская красная дивизия. К ночи дроздовцы снова отошли на холмы к северу от вала, а мы оставались на хуторе между Перекопом и Чаплинкой, где и заночевали, как бы повиснув в воздухе.

Ночь была тревожная. Почти всю ночь за окнами слышалось движение войск — стук колес и топот коней. На рассвете нас двинули на вчерашнюю позицию, и мы ожидали продолжения вчерашнего боя. Однако события повернулись иначе: проходившие через хутор ночью войска оказались 2-ой конной Донской дивизией генерала Морозова, атаковавшей с тыла Латышскую дивизию и ту часть группы 13-ой советской армии, что устояла против дроздовцев. Донцы изрубили часть бойцов Латышской дивизии и захватили много пленных; другая часть латышей смогла пробиться на северо-восток.

После разгрома советской группы донцами наша батарея свернулась и двинулась дальше на Чаплинку и оттуда на Каховку. По дороге нас застигла страшная жара. В открытой таврической степи не было ни малейшей тени и негде было укрыться от сжигающих лучей. В пехоте несколько человек свалилось от солнечного удара. Около полудня появилась туча, она быстро приблизилась, и вскоре над нами разразилась редкая по силе гроза, с таким ливнем, что степь через несколько минут превратилась в озеро, глубиною в четверть метра. Люди и лошади приободрились и зашагали дальше к Днепру.

Впереди нас корниловцы опрокинули советскую конницу, и мы проходили место горячей схватки, на дороге лежало несколько трупов корниловцев с разрубленными черепами.

К вечеру мы вошли в Каховку и стали там на квартиры. Простояли мы несколько суток, отдыхали и купались в Днепре. Село Бериславль, на другом берегу, было занято красными, мы смотрели, как и они там купаются. Каждое движение на стороне противника и без бинокля было хорошо видно.

Красная артиллерия часто обстреливала Каховку и как-то раз, когда мы с полковником Шперлингом прыгали с пловучей купальни, советская батарея стала обстреливать ее... Щепки и доски крыши полетели в разные стороны. Схватив штаны и сапоги, мы, голые, пустились бежать подальше от купальни. Только чудом никто из нас не был ни убит, ни ранен. Самому командиру нашему пришлось бежать голым по набережной города. Рассердившись поэтому серьезно, он оделся и быстрым шагом пошел в гору на батарею: он решил разогнать купающихся красных на том берегу Днепра. Несколькими шрапнелями Шперлинг в две минуты очистил противоположный берег. Красные воины так же, как и мы, удирали без штанов, но, наверное, не так благополучно, ибо шрапнельный огонь, нацеленный Шперлингом, не мог быть безобидным фейерверком.

В Каховке мы ожидали серьезных боев и даже начали рыть у орудий блиндаж, но скоро пришли части корпуса генерала Слащева и сменили нас.

Первая батарея дошла до приднепровского села Васильевка, к северу от Каховки. Там мы, офицеры бывшей Шестой Марковской батареи, были выделены из Первой и нам от Управления ди-

визиона были обещаны пушки и быстрое формирование.

За это время боевые события шли без нашего участия. Дроздовцы, корниловцы и донцы окружили советский конный корпус Жлобы, проникший в наши тылы, и уничтожили его полностью. Бои в Таврии шли теперь по всем направлениям: от Каховки до Александровска и от Александровска до Токмака.

Генерал Слащев не удержал Каховку и не смог вернуть ее контратаками. Благодаря этому, большевики успели построить на нашем берегу прочный „Тет-де-пон"*, защищенный рядами колючей проволоки и огнем нескольких батарей с Бериславля. Генерал Слащев получил за защиту Крыма титул – Слащев-Крымский, но от командования корпусом был отставлен. На его место был назначен наш „цветной" генерал-дроздовец Витковский. Но и он не смог вновь занять Каховку.

Обещания генерала Машина восстановить Шестую батарею не осуществлялись, и мы томились от скуки. Начались ссоры и различные недоразумения.

Михно, Жилин и я записались в Кубанскую группу генерала Бабиева, подготовлявшего десант на Кубань. Михно и Жилин скоро уехали, а я заболел желтухой и должен был лежать в кровати.

Скоро пришло для нас еще предложение: формировать конно-артиллерийский взвод при конвое генерала Кутепова. Генерал Кутепов, назначенный уже командующим Армией, говорил, что у генерала Туркула, начальника Дроздовской дивизии, при конном конвое есть артиллерийский взвод. Есть артиллерий-

---

*Предмостное укрепление.

ский взвод и в Корниловской дивизии, при конвое генерала Скоблина, а у него самого, командующего Первой армией, при конвое есть лишь два пулемета. Мы с радостью согласились ехать к штабу армии в Мелитополь и приехали попрощаться с полковником Шперлингом.

Соломон, Березовский, Златковский и я вошли в хату Шперлинга. Александр Альфредович поднялся нам навстречу и всем нам пожелал счастья и удачи. Мы теперь уходили уже из Марковской бригады. Я никогда не забуду этого прощания с нашим воспитателем, командиром еще со времени тяжелого „Ледяного похода". В его прощальном взгляде я прочел печаль – печаль расставания навсегда...

На другой же день мы уехали в Мелитополь, вместе с назначенным командиром конной батареи, полковником Харьковцевым, в недавнем еще прошлом – командиром бронепоезда „Слава Офицеру". Харьковцев был известен своей храбростью и жестокостью в отношении пленных красноармейцев. Вместе с нами выехала и молодая жена Харьковцева, красивая рыжеватая блондинка с зелеными глазами, стройная и гибкая.

На ночь мы остановились в немецкой колонии. На рассвете пришло сообщение, что конный корпус товарища Думенко прорвал фронт корниловцев и держит направление на юг, прямо на нашу колонию, где, кроме какого-то обоза и нас, никого нет. Когда мы спешно стали собираться в дорогу, выяснилось, что у жены Харьковцева пропала кошка, и сам полковник ищет ее по огородам. Все мы понимали, что можем пропасть из-за кошки! Но кошка нашлась, и мы смогли двинуться дальше в Мелитополь к Штабу армии.

Приехали мы в Мелитополь 5 августа, а на другой день полковник Харьковцев получил приказание спешно вернуться в Васильевку и принять Первую генерала Маркова батарею: 6 августа 1920 года лучшего артиллериста Добровольческой армии, полковника Александра Альфредовича Шперлинга не стало.

Тяжелые бои шли в это время по всему фронту Северной Таврии и особенно на берегах Днепра под Васильевкой. Красные ежедневно наступали, бросая все новые резервы и ведя сильный артиллерийский огонь, даже по отдельным всадникам. Близкие к Шперлингу люди – Иегулов, Кривошея и Слонимский – потом рассказывали, что в эти дни полковник Шперлинг был неузнаваемо печален и нервен. Он даже как-то сказал об обреченности и безнадежности нашего положения. В роковой день Шперлинг руководил огнем батареи с холмика, бывшего его наблюдательным пунктом. Холмик был незаметен со стороны красных, и они по нему не стреляли. Когда наступающие красные цепи были рассеяны нашим артиллерийским огнем и бой приостановился, командир Артиллерийского дивизиона, полковник Лепилин, с группой конных разведчиков подскакал с флажком дивизиона к холмику, где лежал полковник Шперлинг и сопровождавший его штабс-капитан Иегулов, и начал, картинно рисуясь в седле, задавать довольно ненужные вопросы о боевой обстановке. Шперлинг отвечал коротко и отрывисто, – он мало уважал тех начальников, коим знал грошовую цену. В это время красные наблюдатели заметили группу конных с флажком и открыли шрапнельный огонь по холмику. Началась пристрелка. Шперлинг встал во весь рост и взял бинокль в руки. Лепилин побледнел, когда клевок шрапнели

гулко шлепнулся у самого холмика, и резко рванул бока своего коня. Группа всадников поскакала в тыл, а Шперлинг и Иегулов остались. Шперлинг не ложился и продолжал наблюдение в бинокль. Иегулов вдруг почувствовал удар, как бы кулаком по глазам, оглушительный звон и запах пороха. Низкий разрыв шрапнели покрыл холмик. Полковник Шперлинг был убит наповал, – в него попало не менее двадцати шрапнельных пуль, разбит был даже бинокль в его руках и пулей смят значок Кубанского похода. Славная смерть для первопоходника, для марковца-артиллериста!

Весть о гибели нашего полковника повергла нас в тяжелое душевное состояние. Трудно описать скорбь бывших юнкеров-первопоходников. Молодые черкесы, конные разведчики Первой батареи, плакали, как дети. Поручик Кузьмин, особенно любивший своего командира, вскоре застрелился. Его близкие друзья Попов и Кривошея повезли его гроб в Мелитополь, а затем дальше в Симферополь, чтобы похоронить его рядом с полковником Шперлингом, которого Боря Кузьмин, маленький „констапуп", любил больше всех на свете.

Убитых хоронили, раненых увозили в лазареты и они снова возвращались на фронт. Уцелевшие не знали отдыха...

В те дни по всей Таврии гремели орудия, трещала пулеметная и оружейная стрельба. По всем городам, селам и хуторам росла тревога... Конные лавы – красные, Жлобы и Буденного, и наши, казачьи, – ходили друг на друга в атаки без решающего успеха.

Корпус генерала Кутепова оборонял важнейший участок, упираясь левым флангом в Днепр и Хор-

тицы и правым флангом прикрывая Мелитополь и дороги в Крым.

Донская конница генералов Гусельщикова и Калинина часто рвала красный фронт, доходила до западного района Донбасса. Ударом во фланг красной группе, оборонявшей Орехов и Александровск, она помогла группе генерала Кутепова занять эти города и выйти к берегам Днепра у Хортицы.

Но в то время как наши отборные части громили красный фронт, захватывая тысячи пленных, сотни пулеметов и десятки орудий, на фронте под Каховкой не все было благополучно: красные прочно удерживали предмостное укрепление на нашем берегу Днепра и, стягивая там большие силы и части конницы, угрожали выйти на наши тылы к Перекопу, а в другом направлении перерезать через Асканию Нову нашу единственную железную дорогу на Чонгар.

Наш Второй корпус, бывший генерала Слащева, теперь под командой генерала Витковского, усиленный танками и конной группой генерала Барбовича, так и не смог отбить назад Каховку. Красным удалось расширить Каховский плацдарм, с которого они уже два раза двинули сильные конные группы в тылы Марковской дивизии на северо-восток. Эти группы были, однако, успешно отброшены назад к Каховке конными частями генерала Гусельщикова, снятыми с крайнего правого фланга.

Большое значение придавалось задуманному нашим главным командованием десанту из Керчи на Кубань, который должен был способствовать общему восстанию кубанских казаков. К сожалению, он не оправдал надежд. Кубанские части, усиленные добровольцами и военными училищами, под коман-

дой генералов Улагая и Бабиева, успешно высадились 14 августа и повели наступление на Ейск и на Екатеринодар. Красное командование, поняв угрожающую опасность всеобщего восстания на Кубани, успело сосредоточить крупные силы в районе десанта, где артиллерия была слабая, а конницы не было совсем.

Трудная операция отступления к месту высадки и, главное, погрузка на пароходы обратно в Керчь в конце августа, была проведена блестяще, благодаря действиям военных училищ. Об этих боях мы потом слушали рассказы Сеньки Жилина, участника десанта генерала Улагая. Жилин рассказал нам и о нашем бывшем командире Шестой батареи, капитане Михно, который все в той же грязной, когда-то белой папахе, командовал теперь кубанской сотней, ходил в конные атаки и считался у кубанцев одним из бесстрашных командиров. Части генералов Улагая и Бабиева значительно усилили нашу конницу в Таврии.

Все это время мы сидели в Мелитополе, при Штабе армии, ожидая обещанные пушки и конский состав для формирования конно-артиллерийского взвода при конвое генерала Кутепова. Пришлось познакомиться и с жизнью нашего тыла, далеко не всегда отвечавшей ожиданиям фронта. Например, когда генерал Кутепов посылал свой конвой, кстати, довольно сильный (60 всадников, частью – офицеров, с двумя пулеметами типа „Максим" на тачанках и усиленный еще нашим конно-артиллерийским взводом), командир конвоя – капитан Белевич, часто искал противника там, где его не было, но затем составлял победную реляцию. Мы томились, болтались по городу, дежурили вместе с офицерами конвоя на дому у командарма, по вечерам ходили

в городской сад, где в темных аллеях скользили фигуры городских барышень и слышался их мелодичный смех. С музыкальной площадки плыли томные звуки мелодий из оперетты „Сильва”... Заунывные, пьяные, волнующие кровь:

Помнишь ли ты –
Как улыбалось нам счастье...

Понемногу и мы, марковцы-артиллеристы, до того знавшие лишь бои и походы, начали привыкать к рыдающим скрипкам, терпкому болгарскому вину и запретному флирту с женами офицеров конвоя и штаба.

К тому времени кончилась польско-советская война, и колонны конной армии Буденного, воевавшие против польской армии в Галиции, спешно перебрасывались к Днепру против армии Врангеля. Генерал Врангель решил, еще до подхода советской конной армии, разделаться с Каховским плацдармом, для чего использовать сильную кубанскую конную группу генерала Бабиева. Около исторического острова Хортица, где когда-то была Запорожская сечь, корниловцы переправились через Днепр и построили понтонную переправу (8 октября). По понтонам переправилась Марковская дивизия и конная группа генерала Бабиева. Однако данные нашей разведки о движении красной конной армии были неправильны: наши войска, повернувшие в направлении Каховки по правому берегу Днепра, внезапно были атакованы сильными конными частями Первой и Второй советских армий Буденного и Думенко. В одном из первых же боев случайная советская граната сразила кубанского героя,

популярного генерала Бабиева. Кубанцы, составлявшие основной центр стратегического маневра Белой армии, потеряли, после этой внезапной смерти, сердце и не смогли успешно сопротивляться нажиму советской конной армии. Успешно начатая „Заднепровская операция” была сорвана. 14 октября кубанцы и Марковская дивизия переправлялись обратно у Хортицы.

В это время красные крупными силами обрушились на тыл нашего левого фланга со стороны Каховки и Серогоз.

Под сильным нажимом противника, генералу Кутепову пришлось проводить общую перегруппировку для отражения главного удара. Главные силы донской конницы, ликвидировавшие наступление красных на нашем правом фланге в районе Токмака, не могли подойти к району тыла и левого фланга ранее нескольких дней. В Крыму не было никаких резервов, за исключением военных училищ. В воздухе запахло катастрофой...

В Мелитополе опустели улицы. Немногие прохожие словно куда-то торопились. Через город непрерывно, днем и ночью, тянулись обозы тылов и каких-то учреждений.

Наступили внезапные холода. Ветер гнал разорванные тучи. В городском саду больше не было ни белых платьев, ни музыки, лишь звуки „Сильвы” доносились из еще не закрытого кафе на главной улице. Тылы уходили прямо в Крым.

В Штабе армии пока делали вид, что все обстоит благополучно. Генерал Кутепов уехал не в Крым, а в Дроздовскую дивизию к Серогозам. Конвой генерала Кутепова, с только что получившим пушки конно-артиллерийским взводом, был спеш-

но двинут на юг, с каким-то оперативным заданием.

Ночью началась метель, а мы шли дальше на юг вдоль железной дороги Мелитополь – Крым. Дорогу заметало, и мы ориентировались по телеграфным столбам. Холодный ветер валил с ног, снежинки хлестали по лицу и по глазам. Чтобы как-то согреться, мы все время пили болгарское крепкое красное вино, наполняя большую железную кружку из бочки с повозки в хвосте конвоя.

На рассвете метель прекратилась, и мы вышли на полустанок на железной дороге к Чонгару и к мосту в Крым. У полустанка горели костры, вокруг них грелись, переминаясь с ноги на ногу от холода, несколько сотен солдат. Солдаты были из Запасного Корниловского полка, в рваных штанах, дырявых опорках или валенках, но все, как один, в новеньких канадских кожаных безрукавках... Свет костров падал на блестевшие штыки собранных в козлы винтовок. Мы вошли в здание станции. Там, при тусклом свете керосиновой лампы, мы увидели командира полка, молодого корниловского офицера, сидевшего, обнявшись, с красивой сестрой милосердия. Тут же, оперши голову на руки, дремал другой высокий офицер, оказавшийся адъютантом командира полка. Командир полка, с орденом Св. Георгия и знаком Кубанского похода, поднял на нас глаза и, видимо, обрадовался: ...„А, артиллеристы... Ну, слава Богу, теперь мы не одни". Мы узнали, что командир полка только что женился на сестре полка и проводил теперь „свадебное путешествие" в виде похода против армии Буденного! Кто-то принес болгарского вина, и мы угостили корниловских офицеров и выпили за здоровье и за

счастье молодоженов. Вино немного подняло настроение, и так не хотелось выходить на холод...

Офицер конвоя, поручик Максимов, еще в Мелитополе получил поручение отвезти всех жен и подруг офицеров конвоя в Крым. На платформе станции остались: офицер конвоя – капитан Виденьев – командир пулеметного взвода, несколько офицеров из вновь сформированного Запасного Корниловского полка и мы – артиллеристы конного взвода. Командир конвоя – капитан Белевич, вскакивая в поезд, кричал, что он „тотчас же вышет нам подкрепление"... Было неудобно, даже стыдно: ведь все это бегство начальства происходило на глазах солдат конвоя и артиллерийского взвода.

Общее положение понемногу выяснялось: Конная армия Буденного дебуширует* с Каховского плацдарма на восток к Сивашу, к железной дороге на Чонгар и на северо-восток, в тылы Первой армии и всего нашего фронта в Северной Таврии. Наши главные силы уже оставили участки фронта на севере Таврии. Генерал Кутепов, где-то в районе Серогоз составил ударную группу из дроздовцев, корниловцев, марковцев и конницы генерала Барбовича и постепенно отходит на юг к Сивашу и к Крымскому перешейку. Чтобы защитить отходящие из Мелитополя в Крым поезда, в направлении Каховки был брошен конвой генерала Кутепова с нашим конно-артиллерийским взводом и, незакончивший формирование, Запасный Корниловский полк, составленный из нескольких сот советских военнопленных

*Выходит на открытую местность.

под начальством корниловских офицеров и унтер-офицеров.

От бессонной ночи и выпитого вина стало еще холоднее, когда мы вышли к батарее. С глухим ворчанием тóлпы корниловцев строились в походную колонну. Капитан Виденьев, с конным конвоем, подчинялся теперь командиру конно-артиллерийского взвода, как его прикрытие; но капитан Соломон был этому, видимо, не рад и ежился от холода и нервного состояния.

Пехотная колонна и наш конно-артиллерийский взвод, под прикрытием конвоя, медленно двинулись на запад, к Аскании Нова, навстречу Конной армии Буденного.

Степь промерзла, колеса и щиты орудий дребезжали. Издалека, с северо-востока доносилась орудийная стрельба. За гребнем показалась церковная колокольня села Михайловка. Через час мы были уже в селе, за домами слышалась редкая, но близкая стрельба.

Когда мы доехали до церковной площади, Березовский снял орудия с передков и собирался было тянуть телефон на колокольню, но потом влез на ящик, дал орудиям приблизительное направление, так как за домами ничего не было видно, и начал командовать прицелы. Было ясно, что он стреляет наугад. Наши передки стояли на „ближнем отъезде", тут же стояли и наши поседланные кони. После нескольких наших очередей гранатами советская батарея дала очередь гранат прямо по церкви, и эта очередь, роковым образом, разорвалась на нашей батарее. Капитан Березовский упал с ящика на землю и застонал, раненный осколком в бедро. Не-

сколько лошадей было ранено. Пока перепрягали раненных лошадей и Златковский грузил Березовского на подводу и направлял ее назад, в тыл, на Чонгар, я стал на место командира и продолжал стрельбу по невидимому противнику.

В это время командир Запасного Корниловского полка подъехал к батарее и приказал немедленно сниматься и отходить к мельницам. Наши ездовые, чувствуя беду, подали передки, как черти, в галоп. Стрельба продолжалась и слышалась, то справа, то слева, за домами. Когда мы поднялись на косогор к мельницам, картина стала ясной: широкие лавы Конармии Буденного обогнули Михайловку с трех сторон и двигались для решительного сабельного удара. За первыми лавами видны были колонны советской конницы, конные батареи и пулеметные тачанки. Это была какая-то „Мамаева орда", растянутая по всему горизонту...

Около мельниц, на косогоре, в шеренгу вытянулся наш конвой в белых бескозырках, пулеметная команда и командир 4-го Запасного Корниловского полка с молодой женой и двумя ординарцами. Капитан Соломон и капитан Виденьев были в седлах. Мы со Златковским, не дожидаясь распоряжений, сняли орудия с передков и сами сели за панорамы. Из номеров остались при орудии 3-4 человека, остальные разбежались по хатам. Мы открыли огонь и били по первой конной лаве настолько быстро и точно, что сбивали уже начинавшуюся конную атаку. Но в это же время наше прикрытие, цепи 4-го Запасного Корниловского полка, частью разбегались, частью втыкали штыки в землю и поднимали руки.

Советская конная лава пошла влево в балку и от-

туда готовилась в атаку на батарею. Наши пушки подпрыгивали все чаще и сбивали порыв красных. Красные лавы открыли оружейный и пулеметный огонь.

Капитан Соломон подскочил к орудиям на своей английской кобыле и закричал с искаженным лицом: „Уходите назад! Быстро!" Я обернулся, – командира полка уже нет. Кутеповский конвой, под командой капитана Виденьева, через наши головы дает нестройные залпы по красной коннице, затем поворачивается и галопом уходит назад. Мы остаемся одни. Я вызываю передки. Оставшиеся пушки уходят галопом. Подбегаю к своей лошади, ставлю ногу в стремя и вдруг седло с неподтянутой подпругой скользит под брюхо лошади. А красные конники уже близко. Конь горячится и рвется за своими. Пальба идет со всех сторон. Конвойные пулеметчики, уходя, садят из своих пулеметов по красным, не считаясь с нами впереди. Я не могу одной рукой надеть седло, а другой удерживать рвущуюся изо всех сил лошадь: „Пропал!" – мелькает мысль... Тут мой ординарец, из мелитопольских рабочих, увидя мое положение, подбегает, не обращая внимания на град пуль. Он мне кричит: „Мне ничего не будет... я укроюсь... а вам..." – и помогает мне сесть в седло, а сам, пригнувшись, бежит к ближайшим домам. Я хочу поднять коня в галоп, но конь ранен и еле идет рысью, припадая на заднюю ногу. Я все же догоняю орудие. Оно облеплено нашими пулеметчиками и корниловцами и еле движется. Отставшие пулеметчики кричат отступающим: „Не бросайте нас!" Но что мы можем сделать?

Когда я выскочил из сферы оружейного и пулеметного огня, я оглянулся: части Конармии у Ми-

хайловки перестраивались в колонны и поворачивали на север. Я хотел пустить по колоннам несколько гранат, но передумал и поскакал дальше на восток. Как-то машинально я снял с передка зарядного ящика кем-то брошенную драгунскую винтовку и сунул в карман пачку патронов.

Не прошло и нескольких минут, как чуть правее, впереди нас, выскочила обошедшая нас конная группа красных, так близко, что были видны их лица и клинки выхваченных шашек. Они скакали на нас с криком, наскочили на повозки, на пулеметчиков, на бегущих обезумевших пехотинцев. Я повернул полуоборотом на север, орудие неслось сразу за мной. Я видел, что орудие Златковского тоже уходит, параллельно со мной, левее.

Несмотря на холод, мне стало жарко, пот выступил на лбу. Я вспомнил свои марковские капитанские погоны – черного бархата с золотыми буквами „Г. М.”. Мозг работал отчетливо и логично. – „Погоны вшиты и их нельзя сорвать... Сейчас прискачут вплотную, и если не убьют сразу, то заберут в плен и после издевательств расстреляют. Что делать? Конечно, надо застрелиться... Попробуй, можешь ли упереть винтовку в подбородок”. Я беру драгунку. Слава Богу, рука достаточно длинна, чтобы спустить курок, если ствол упирается в подбородок. Но надо еще попробовать, действует ли боек, стреляет ли винтовка... Целю в ближайшего советского всадника. Выстрел и отдача в плечо. Стреляет. Все в порядке. Орудие меня уже догоняет... Мой раненный конь шатается и еле движется дальше. Советские наскакивают на орудие прямо к первому уносу. Ездовой-фейерверкер Винников стреляет из своего бульдога в первого всадника. Другие нале-

тевшие его рубят. Параллельно со мной в десятке метров, скачет советский конник, стреляет в меня из нагана и что-то хрипло кричит... Вероятно: „Сдавайся, офицерская, белогвардейская сволочь!” В это же время приближаются ко мне двое других. Один — черный, усатый, в красном башлыке, все время бьет из нагана, другой — с обнаженной шашкой... Теперь работает уже не мозг, а только инстинкт: „Подпусти их ближе”. Башлык и черные усы уже в нескольких метрах... Снова отдача в плечо, и красный башлык виден уже под ногами скачущей лошади. Поворачиваюсь в другую сторону, придерживаю коня, целю в другого конника и стреляю, как по мишени. Его нет, лошадь стоит одна, свалился... В стволе драгунки больше нет патрона, я вспоминаю пачку, засунутую в карман. Успеваю вынуть обойму, вгоняю патрон в ствол драгунки и поднимаю ее на третьего противника. Он близко, совсем близко от меня, но не пытается ни стрелять, ни рубить, а кричит: „Не стреляй, не стреляй!” Я не стреляю. Он поворачивает и скачет в сторону.

Очевидно, как я потом думал, он видел, повернувшись ко мне и расстреляв на скаку весь барабан своего нагана, как я сбил из винтовки двух его товарищей, и хотел спасти свою жизнь, поняв неравенство боя с наганом против винтовки.

В это время лошадь усатого конника, сбитого мною, выбежала на узкую межу и пошла рядом. Как это было вовремя! Мне осталось только бросить свои стремена, схватить ее повод и перекинуться на красноармейское седло. Лошадь после погони была в мыле, но отлично скакала дальше. Красные всадники преследовали меня и что-то кричали. Но теперь расстояние между нами все увеличивалось.

Скоро впереди показалась далекая железная дорога, по которой один за другим катили поезда от Мелитополя к Чонгару – в Крым... Ужас! Беженцы и не подозревали, что эскадроны Буденного режут дорогу к Чонгарскому мосту. Мне навстречу шли сотни людей в военных шинелях, без оружия, группами и в одиночку. Очевидно, это были солдаты наших запасных частей, шедшие теперь сдаваться в плен красным. На вопросы они не отвечали.

Через полчаса я переехал полотно железной дороги и ехал уже спокойной рысью в направлении Арбатской стрелки.

Вскоре показался Сиваш. Вокруг все было тихо. Солнце уже садилось, и воды Сиваша, мертвые и холодные, блистали в косых лучах заката, как гигантское зеркало. Трудно передать охватившее тогда мою душу чувство. Какой прекрасной казалась жизнь – прошедшая и будущая...

Уже в районе Геническа мне удалось догнать конвой и уцелевших артиллеристов. Все, особенно капитаны Виденьев и Соломон, были рады меня видеть, ведь они были уверены, что буденновцы меня зарубили. Им было трудно поверить моему рассказу о схватке с буденновцами – настолько она казалась фантастичной. Однако красноармейский конь подо мной, с переметными сумками советского драгунского седла, был негласным свидетелем и доказательством моей схватки с советскими кавалеристами. На фоне паники, отступления и даже бегства – начальство конвоя раздуло перед генералом Кутеповым этот эпизод схватки с Конармией Буденного. Командир конвоя, капитан Виденьев, выделил меня среди других офицеров конвоя и позже, в Галлиполи, принудил меня принять пост командира

офицерского взвода конвоя генерала Кутепова, хотя я там был самым молодым.

В Чонгаре мы переночевали и на следующий день уцелевшие конвойцы, под командой капитана Виденьева, двинулись в направлении Джанкоя, где надеялись узнать всю обстановку. Эти дни вся Первая армия была отрезана в Таврии от Крыма. На Перекопском валу укрепился отступивший от Чаплинки генерал Витковский, а на Чонгаре, у моста, находился сам генерал Врангель с бронепоездом и с юнкерами корниловцами и константиновцами. Только после упорных двухдневных боев части Первой армии, под командой генерала Кутепова, прорвались к Чонгару, а генерал Пешня привел остатки Марковской дивизии и другие уцелевшие части к Арбатской стрелке.

Через несколько дней конница генералов Абрамова и Гусельщикова (Донская дивизия) подошла с Бердянского направления к Чонгару, опрокинула Конную армию Буденного, прижав ее к Сивашу, и захватила десятки орудий. Но эта блестящая победа не могла изменить положения, а только давала белым возможность выиграть время... Дух Белой армии был подорван непрерывными тяжелыми боями и отступлением на исходные позиции – за Перекопский вал и за Сиваш. Слухи о погрузке на пароходы начинали преобладать, окончательно подрывая боевой дух. Даже генерал Туркул с Дроздовской дивизией не удержался на западной части Сиваша у Перекопа.

Подготовленные специально для штурма Перекопа красные дивизии: 51-ая Московская, имени Ленина, 15-ая и 52-ая, имея в резерве Латышскую дивизию и конную группу, после сильной артиллерий-

ской подготовки, штурмовали Перекопский вал. Однако наша артиллерия отбила все атаки на вал. Красные понесли большие потери при этом штурме, и главковерх Фрунзе, произведя перегруппировку, бросил главную массу своей пехоты в обход, в брод через маловодный тогда Сиваш, – на Татарский мыс, на хутор Караджанай. На Татарском мысе сидели кубанцы, – старики из отряда генерала Фостикова, недавно эвакуированные из Грузии, почти без пулеметов и без артиллерии.

В ночь на 3 ноября красные части атаковали Татарский мыс, потеснили кубанцев и начали продвигаться вдоль Сиваша в тыл Перекопского вала. Генерал Кутепов поручил генералу Туркулу собрать дроздовцев у восточной части Перекопского вала и начать контратаку вдоль берега Сиваша к Татарскому мысу. Главковерх Фрунзе бросил на Татарский мыс все резервы фронта.

Дроздовцы – изможденные, голодные, промерзшие – три дня удерживали красных у Караджаная, но потом начали сдавать. Марковская дивизия не поспевала к месту боя с Арбатской Стрелки. Конный корпус Барбовича не смог развернуться на узком фронте и понес большие потери от пулеметного огня. У генерала Врангеля в резерве были еще казачья конница, переправившаяся через Чонгарский мост, и юнкерские училища, но он не хотел рисковать этими последними резервами, необходимыми для прикрытия отхода.

Исчезла вера в победу. Все, кто мог, отступали теперь на юг – на Севастополь, на Керчь, на Балаклаву. Мы, уцелевшие артиллеристы и конвой, сопровождали поезд генерала Кутепова до Бахчисарая. Симферополь проходили ночью. В городе слышалась

стрельба и из боковых улиц доносились крики о помощи: кто-то грабил жителей. Ночью мы в конном строю прошли перевал и проехали Долину роз. Рядом со мной всю дорогу скакала молоденькая жена капитана Виденьева – стройная, лихая наездница, одетая в черкеску.

Утром мы достигли Бахчисарая. Там получили приказ садиться в поезд генерала Кутепова и провожать его на Севастополь. Надо было бросать коней. Я привязал свою красноармейскую лошадку к изгороди, насыпал ей полную торбу овса и поцеловал ее, спасшую меня от верной гибели, в морду. „Прощай...”

В Севастополе, 14 ноября, мы проводили генерала Кутепова на пароход „Херсон”. Марковская бригада грузилась рядом на „Саратов”. Уже с парохода мы в последний раз кричали „Ура!” генералу Врангелю, отъезжавшему от Графской пристани. Так закрывалась последняя страница ныне полузабытой эпохи начала борьбы с большевизмом, в коей нам, последним юнкерам Российской Империи, довелось принять участие.

Прошло много лет, но мы, старые первопоходники-корниловцы, бывшие михайловцы и константиновцы, будем всегда с благодарностью помнить все пережитое тогда. И мы ни о чем не жалеем: ни о нашей пролитой крови, ни о бесчисленных жертвах, принесенных Родине...

Так повелела судьба.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ядро Добровольческой армии составляли так называемые „именные" или „цветные" полки: Корниловский, Марковский, Дроздовский и Алексеевский. Эти части (три первые в 1919/1920 годах развернулись в дивизии) во многом отличались от полков старой, императорской армии. В каждом из цветных полков, например, командный состав состоял главным образом из офицеров – участников Первого кубанского похода (зимой и ранней весной 1918 г.) – „первопоходников". Офицерам, появившимся в полках позже, было трудно достичь командных должностей, какой бы ни был их чин или какова доблесть. В добровольческих частях чин имел вообще мало значения – доминировала должность: батальонами могли командовать поручики, а рядовыми в них служить – капитаны.

Добровольцы весьма неохотно мирились с назначениями со стороны, выдвигали молодых командиров, заслуживших их доверие в боях, из своих собственных рядов. В Добровольческой армии считалось неуместным награждать за боевые подвиги против своих же русских старыми орденами и поэтому проявившие доблесть офицеры быстро повышались в чинах. Возникло, таким образом, большое количество совсем молодых капитанов и полковников,

и пример А. В. Туркула, ставшего генералом и командиром Дроздовской дивизии в 28-летнем возрасте, не единичен.

Быстрой смене командного состава и выдвижению молодых командиров способствовали также и условия боевой жизни добровольческих частей. Со времени своего возникновения Корниловский полк, впоследствии дивизия, выдержал 570 боев и потерял 13 674 человека убитыми и 34 328 человек ранеными. Среди них было убито 4 командира полка, 64 командира батальона, 472 командира рот, ранено – 2 начальника дивизии, 15 командиров полков, 125 командиров батальонов, 1 100 командиров рот...

Коренные добровольческие части быстро выработали свои традиции, эмблемы. У них появилась своя форма. Во всех добровольческих частях на левом рукаве шинели и гимнастерки носился угол национальных русских цветов – бело-сине-красный. У корниловцев над ним был пришит особый знак – голубой щит с надписью „Корниловцы", под которой был череп над скрещенными костями, два скрещенных меча и граната.

У каждого полка была фуражка определенного цвета: у корниловцев – черно-красная (тулья и околыш), у марковцев – черно-белая, у дроздовцев – ало-белая, у алексеевцев – белая с голубым. У каждого полка были и погоны, особого рисунка и тех же цветов, украшенные вензелем – заглавной буквой фамилии покойного командира. Цвета полков были выбраны не произвольно, а были как бы их символами:

– черно-красный цвет корниловцев отражал зарождение полка в пламени революции;

– черно-белый цвет марковцев был символом памяти о настоящей судьбе России и надежды на ее возрождение;

– голубой цвет Алексеевского полка был выбран в честь молодежи, гимназистов и студентов, последовавших призыву ген. Алексеева;

– алый цвет дроздовцев был отблеском боев и пожарищ их похода от Ясс до Новочеркасска.

Особый дух и верность идеалам молодости не были потеряны добровольцами и после выезда за границу. Полковые объединения продолжают существовать и по сей день, хотя большинство бойцов уже ушло в лучший мир. На русском кладбище, под Парижем, спят они вечным сном, – на своих особых участках, в могилах, украшенных полковыми эмблемами...
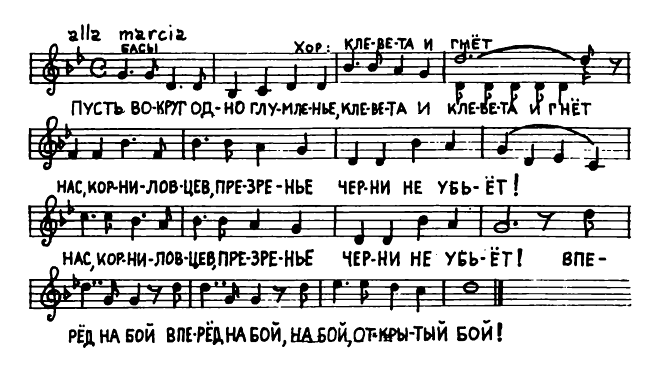
*

В Добровольческой армии много пели. Пели старые военные песни, юнкерские или кадетские. Но особым успехом пользовались свои, добровольческие песни. Пять из них, приведенных ниже, были наиболее популярны в белых частях.

1. МАРШ КОРНИЛОВЦЕВ

Слова его были написаны прапорщиком А.П. Кривошеевым и поется он на мотив сербской песни „Кто Отчизну свою любит...”. Эта песня быстро стала популярна среди корниловцев во время Первого кубанского похода. Услышав ее однажды, ген. Корнилов попросил, чтобы ему записали слова. Когда он был убит, листок с этой песней, пробитый оскол-

ком, был найден на груди погибшего генерала. (К первоначальным пяти куплетам позже прибавились другие.)

Мы былого не жалеем,
Царь нам не кумир,
Лишь одну мечту лелеем:
Дать России мир.

Верим мы: близка развязка
С чарами врага,
Упадет с очей повязка
У России, да!

Русь поймет, кто ей изменник,
В чем ее недуг,
И что в Быхове не пленник
Был, а – верный друг.

За Россию и свободу
Если в бой зовут,
То корниловцы и в воду
И в огонь пойдут.

После каждого куплета – припев:

Вперед, на бой,
Вперед, на бой,
На бой, открытый бой.

2. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Эта песня поется на мелодию известного в те годы романса „Белая акация". На тот же мотив поется хорошо известная „красная" песня: „Смело мы в бой пойдем за власть советов...".

Слышали, братья,
Война началась!
Бросай свое дело,
В поход снаряжайся.

Деды вздохнули,
Руками всплеснули, –
Божья, знать, воля,
Отчизну спасай!

С тихого Дона,
С далекой Кубани –
Все собирались
Россию спасать.

Вдали показались
Красные роты...
Ружья в атаку!
Вперед пулеметы!

Вот и окопы,
Рвутся снаряды,
Их не боятся
Белых отряды.

Рвутся снаряды,
Трещат пулеметы,
Отряды пехоты
Стремятся вперед!

Кровь молодая
Льется рекою,
Льется рекою
За русскую честь!
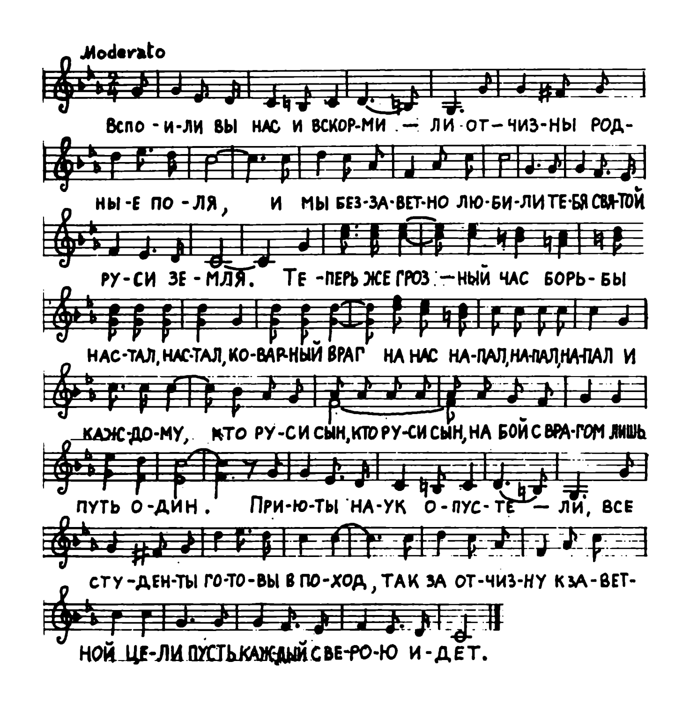
Вечная память
Павшим героям,
Вечная слава
Героям живым!

Припев после каждого куплета:

Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую
И, как один, прольем
Кровь молодую!

3. ПЕСНЯ ДОБРОВОЛЬЦЕВ СТУДЕНЧЕСКОГО БАТАЛЬОНА

Мелодия этой песни близка к мелодии известного марша А. Агапкина „Прощание славянки".

Мы дети отчизны великой,
Мы помним заветы отцов,
Погибших за край свой родимый
Геройскою смертью бойцов.

Пусть каждый и верит, и знает,
Блеснут из-за тучи лучи,
И радостный день засияет
И в ножны мы вложим мечи.

Припев, после каждого куплета:

Теперь же грозный час борьбы настал,
Коварный враг на нас напал,
И каждому, кто Руси сын,
На бой с врагом лишь путь один.

Приюты наук опустели,
Все студенты готовы в поход.
Так за Отчизну, к заветной цели
Пусть каждый с верою идет.

4. ДРОЗДОВСКИЙ МАРШ

Мелодия его была заимствована у песни Сибирских стрелков. На тот же мотив поется известная советская песня Приамурских партизан.

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк,
Для спасения народа
Нес геройский, трудный долг.

Генерал Дроздовский гордо
Шел с полком своим вперед,
Как герой, он верил твердо,
Что он родину спасет.
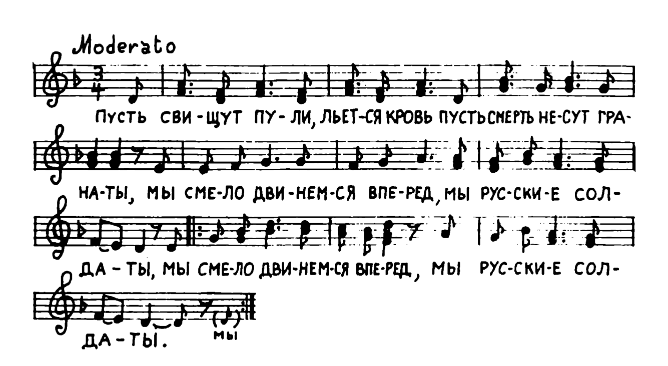
Верил он – настанет время,
И опомнится народ,
И он сбросит свое бремя,
И за нами в бой пойдет.

Много он ночей бессоных
И лишений выносил,
Но героев закаленных
Путь далекий не страшил.

Ведал он, что Русь Святая
Истомилась под ярмом,
Словно свечка, догорая,
Угасает с каждым днем.

Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг под натиском бежал,
И с трехцветным, русским флагом
Славу полк себе стяжал.

5. ПЕСНЯ АЛЕКСЕЕВСКОГО ПОЛКА

В нас кровь отцов — богатырей,
И дело наше право,
Сумеем честь мы отстоять,
Иль умереть со славой.

Не плачь о нас, Святая Русь,
Не надо слез, не надо,
Молись о павших и живых,
Молитва – нам награда!

Мужайтесь матери, отцы,
Терпите жены, дети,
Для блага Родины своей
Забудем все на свете.

Вперед же, братья, на врага,
Вперед, полки лихие!
Господь за нас, мы победим!
Да здравствует Россия!

(Две последние строки каждого куплета повторяются.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. До Октябрьского переворота в России существовало два юнкерских училища, выпускающих артиллерийских офицеров: Михайловское артиллерийское училище, основанное в 1820 году, и Константиновское, учрежденное в 1894 году. Оба находились в Петербурге. В 1904 году в них училось 797 юнкеров, из которых дети потомственных дворян составляли лишь 47%.

2. Кадетские корпуса были учебными заведениями с семилетним сроком обучения. Они давали мальчикам среднее общее образование (близкое по программе к курсу реальных училищ) и специальное военное. В 1917 году их было, во всей империи, 29, с количеством учащихся значительно превышающим 10 000 человек. Социальный состав учащихся был очень различен, в зависимости от корпусов: в петербургском Пажеском корпусе было 100% потомственных дворян, а в Сибирском корпусе (в 1890 году) – 11%.

3. Георгиевский крест – орден, разделенный на четыре степени. Им награждали за военные подвиги солдат и унтер-офицеров. Он отличался от офицерского Георгиевского ордена. Временное правительство ввело награждение и офицеров, по приговору солдат, Георгиевским крестом.

4. Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920) – депутат Государственной думы 2–4 созывов, крайний монархист, возглавитель националистического „Союза Михаила Архангела". Он участвовал в убийстве Распутина. Осенью 1917 года он возглавил в Петрограде тайную организацию, стремящуюся к объединению и вооружению национально настроенных офицеров и юнкеров.

5. К. Р. – великий князь Константин Константинович (сын брата Александра II, 1858–1915). Константин Константинович был незаурядным деятелем последних времен старой России. Талантливый поэт, он с 1889 года стал президентом российской Академии Наук. В 1900 году он был назначен Начальником Главного управления военно-учебных заведений и предпринял широкую реформу среднего военного образования в России. В приказе от 24 февраля 1901 года он писал, что одна из важнейших задач воспитания кадет заключается в том, чтобы у них развивать „сознание их человеческого достоинства и бережно устранять все то, что может унизить или оскорбить это достоинство".

6. „Алексеевская организация" была создана ген. Алексеевым в начале ноября 1917 года в Новочеркасске. Она состояла из пробравшихся на Дон офицеров и юнкеров и местной учащейся молодежи, которые распределились в Сводно-офицерскую группу, Юнкерский батальон, Михайло-Константиновскую батарею и Георгиевскую роту – всего несколько сот человек. 27 декабря 1917 года Алексеевская организация была упразднена и заменена „Добровольческой армией".

Ген. Михаил Васильевич Алексеев (1857–1918) родился в семье сверхсрочнослужащего солдата, бывшего крепостного. Он окончил Московское юнкерское училище и, в 1890 году, Академию Генерального штаба. Алексеев был ранен на Японской войне. В августе 1915 года ген. Алексеев стал Начальником штаба Верховного главнокомандующего и много сделал для восстановления русской армии. После отречения государя Николая II, Алексеев стал Верховным главнокомандующим (до 21 мая 1917 г.). Он был создателем, совместно с ген. Корниловым, Добровольческой армии. В марте 1918 года Алексеев принял звание Верховного руководителя Добровольческой армии, взяв на себя ее политическое руководство. Он умер от болезни 8 октября 1918 года.

7. Алексей Максимович Каледин (1861–1918), донской казак по происхождению, окончил Михайловское артилле-

рийское училище и Академию Генерального штаба (в 1889 году). Назначен генералом в 1907 году. В Мировую войну командовал различными кавалерийскими частями и был тяжело ранен в строю. С апреля 1916 года, в чине генерала-от-кавалерии, командовал 8-ой армией, совершившей, в июне 1916 года, знаменитый „Луцкий прорыв" австрийского фронта. 18 июня 1917 года Каледин был избран Донским атаманом. Политически умеренный, искренний патриот, Каледин не мог примириться с большевистским переворотом и стремился создать на Дону оплот национальной России. 11 февраля 1918 года он покончил с собой выстрелом в сердце, доведенный до отчаяния пассивностью донского казачества.

8. Митрофан Петрович Богаевский (1881–1918), при Каледине Товарищ Войскового атамана и Председатель Донского войскового круга, был по профессии педагогом – директором реального училища. Он был хорошим оратором, но, как и ген. Каледин, политически неопытным человеком. После падения власти Донского атамана М.П. Богаевский был убит казаками самосудом. М.П. Богаевский был младшим братом последнего Донского атамана ген. Африкана Петровича Богаевского (1872–1934), участника Первого кубанского похода и белой борьбы до ее конца в Крыму.

9. Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918) родился в семье казака Сибирского казачьего войска. Он окончил Михайловское артиллерийское училище, в 1898 году – Академию Генерального штаба. Его служба протекала на востоке: изучив несколько местных языков, Корнилов много путешествовал по Азии и написал несколько ценных этнографических исследований. В Японскую и Мировую войну он себя показал военным начальником исключительной храбрости. В апреле 1915 года, тяжело раненный в бою, генерал Корнилов взят в плен австрийцами, но бежит из него в июле следующего года. После Февральской революции он арестовал Императорскую семью. В марте–апреле 1917 года Корнилов командует Петроградским военным округом, с мая – 8-ой армией, а в июне становится Верховным главноко-

мандующим. В августе 1917 года, чувствуя надвигающуюся опасность захвата власти большевиками, ген. Корнилов сделал неудачную попытку установить в России силой твердую власть. Обманутый премьер-министром Керенским, он был заключен, вместе с рядом других будущих вождей Белого движения, в тюрьму г. Быхова. После Октябрьского переворота Корнилов пробрался на Дон и стал во главу Добровольческой армии, совместно с ген. Алексеевым. Он был убит снарядом во время штурма Екатеринодара 13 апреля 1918 года. Тело его, похороненное на месте, было выкопано красными и подверглось в Екатеринодаре публичному надруганию.

10. Сергей Леонидович Марков (1878–1918) родился в семье простого офицера. Он окончил Константиновское артиллерийское училище и Академию Генерального штаба (в 1902 г.). В Японскую войну он получил ряд боевых наград. В Мировую войну полковник Марков стал Начальником штаба 4-й стрелковой „Железной" дивизии, которой командовал ген. Деникин. Получив полк, по своей просьбе, он им командовал в течение 14 месяцев и был представлен к чину генерала за боевые отличия. В конце 1916 года генерал Марков был вызван лектором в Академию Генерального штаба, затем вернулся в действующую армию, а в августе 1917 года попал в Быховскую тюрьму, как сочувствующий ген. Корнилову. Выйдя из тюрьмы, он пробрался на Дон и стал командиром Сводно-офицерского полка Добровольческой армии, с которым он проделал весь Первый кубанский поход. В начале июня 1918 года ген. Марков был назначен командующим 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии. 25 июня он был убит в бою. После его смерти 1-й офицерский полк, входящий в состав его дивизии, стал именоваться, в память погибшего вождя, 1-м Офицерским генерала Маркова полком.

11. Донской казак В. М. Чернецов в Мировую войну был в чине сотника. Он служил разведчиком в 4-й Донской казачьей дивизии и был трижды ранен. В 1915 году из состава кавалерийских и казачьих дивизий начали формировать

партизанские отряды. Есаул Чернецов стал начальником партизанского отряда своей дивизии. В конце 1917 года попытки Чернецова привлечь к борьбе против большевиков донское офицерство имели мало успеха, но за ним пошла идейная учащаяся молодежь. Подвиги Чернецова быстро приобрели легендарный характер и рассказы мемуаристов о его делах и смерти значительно расходятся.

12. Мнения руководителей Добровольческой армии о желательном направлении похода разделились. Ген. Корнилов, поддержанный ген. Лукомским, считал, что следует уходить на северо-восток, в Сальскую степь, совместно с донскими частями ген. Попова, и там переждать, пока Дон не опомнится и не сбросит с себя власть большевиков. Ген. Алексеев, поддержанный ген. Деникиным, считал, что нужно идти на юг, к Кубани, где власть еще находится в руках некоммунистической Кубанской рады. Ген. Алексеев думал, что Кубань может стать богатым и надежным тылом для дальнейших операций, а черноморские порты позволят получение помощи от западных союзников России.

Вопрос выбора направления похода снова встал летом 1918 года, после освобождения Дона от красных, и снова было принято „южное" решение, вопреки настояниям Донского атамана П. Н. Краснова, наступавшего на царицынском направлении.

13. Митрофан Осипович Неженцев, молодой капитан Генерального штаба, был в начале 1917 года Помощником старшего адъютанта Разведывательного отделения штаба 8-й армии. Весной он приступил к формированию добровольческого ударного отряда, который мог бы показывать пример верности долгу и доблести в бою и увлекать за собой разлагающиеся части послефевральской русской армии. Ген. Корнилов, командовавший тогда 8-й армией (действовавшей в Галиции и Буковине), сочувственно отнесся к начинанию Неженцева. Был создан Корниловский ударный отряд, получивший боевое крещение 25 мая. В августе „ударный отряд" был переименован в Корниловский ударный полк: самый молодой полк Российской армии стал

впоследствии старшим полком армии Добровольческой... В Первом кубанском походе полковник Неженцев показал себя талантливым и совершенно бесстрашным начальником. Он был убит во время штурма Екатеринодара 11 апреля 1918 года.

14. Слова и ноты Корниловского марша приведены в Приложении.

15. Слова песни приведены в Приложении.

16. Слова и ноты песни Ростовского студенческого батальона приведены в Приложении.

17. Иван Лукич Сорокин (1884–1918), офицер Кубанского казачьего войска, организовал, в феврале 1918 года, красный казачий отряд и в дальнейшем вел борьбу против белых на Юге России на разных должностях. В августе 1918 года Сорокин стал „Главнокомандующим Красной армии Северного Кавказа". 30 октября он был своими же арестован в Ставрополе и без суда убит в тюрьме.

18. Алексей Иванович Автономов (1890–1919), хорунжий Кубанского казачьего войска, в апреле–мае 1918 года был „Главнокомандующим Вооруженными силами Кубанской советской республики". 28 мая его отрешили от должности и послали во Владикавказ командовать бронепоездом. Автономов умер от тифа в январе 1919 года.

19. Иван Егорович Эрдели (1870–1939) окончил Николаевское кавалерийское училище и Академию Генерального штаба (в 1897 г.). В Мировую войну Эрдели командовал различными кавалерийскими и пехотными частями, в 1917 году – 11-й Особой армией. Он был заключен в Быховскую тюрьму в августе 1917 года. В Добровольческой армии ген. Эрдели командовал конной бригадой и конной дивизией, в 1919 году был назначен Главнокомандующим на Северном Кавказе. В 1920 году ген. Эрдели эмигрировал во Францию.

20. Борис Алексеевич Суворин (1879–1940) – сын известного журналиста и издателя Алексея Суворина. Он сперва сотрудничал в газете отца „Новое Время", а в 1911 году стал редактором газеты „Вечернее Время", где привле-

кали большое внимание его задорные передовицы „День за днем". После Октябрьского переворота Суворин перебрался со своей редакцией на Дон и прошел весь Первый кубанский поход с добровольцами. Ген. Алексеев ему тогда поручил издание „Полевого листка Добровольческой армии" (вышло два номера). В 1918 году Суворин возобновил печатание „Нового Времени" со своими передовицами „День за днем". Походная редакция газеты сопровождала Добровольческую армию в ее наступлениях и отступлениях по Югу России. Летом 1920 года Суворин выехал во Францию с поручением ген. Врангеля. В эмиграции он продолжал свою журналистическую деятельность.

21. Виктор Леонтьевич Покровский (1889–1922), кубанский казак, окончил Павловское военное училище. В 1912 году он поступил в петербургский Политехнический институт по классу авиации, закончил курс в 1914 году и отправился на фронт, где он служил военным летчиком. В 1916 году Покровский – командир 12-го армейского авиационного отряда. В январе 1918 года, в чине капитана, он сформировал добровольческий отряд из кубанских казаков и был произведен в полковники Кубанской радой. С июня 1918 года он командовал кубанской конной бригадой, затем – дивизией. В феврале 1919 года ген. Покровский командует 1-м кубанским корпусом, в декабре 1919 – январе 1920 года – Кавказской добровольческой армией. Эмигрировав в 1920 году, Покровский и за границей продолжал антибольшевистскую борьбу. Переехав в 1922 году из Германии в Болгарию, он был убит 9 ноября в г. Кюстендиле красным вооруженным отрядом.

22. Антон Иванович Деникин (1872–1947) родился в семье бывшего крепостного крестьянина, дослужившегося до чина майора. Военное образование Деникин получил в Киевском военном училище и в Академии Генерального штаба (выпуск 1899 г.). В Японскую войну он был произведен в полковники. Во время Мировой войны ген. Деникин командовал знаменитой Железной дивизией и за взятие Луцка, в июне 1916 года, получил чин генерал-лейтенан-

та. В 1917 году ген. Деникин командовал Западным и Юго-Западным фронтами. В должности Начальника штаба Верховного главнокомандующего он был арестован по распоряжению Временного правительства за причастность к выступлению ген. Корнилова. Из Быховской тюрьмы ген. Деникин пробрался на Юг, где стал ближайшим помощником генералов Алексеева и Корнилова. После смерти Корнилова, по просьбе ген. Алексеева, Деникин принял на себя командование Добровольческой армией. 4 апреля 1920 года Деникин передал командование ген. Врангелю и эмигрировал. Жил он сперва в Венгрии, а потом во Франции. В 1920-е годы Деникин написал капитальное исследование о Гражданской войне – „Очерки русской смуты". Умер ген. Деникин в США, 8 июля 1947 года.

23. Князь Султан Келеч-Гирей, по национальности черкес. Полковник Гирей в Гражданскую войну командовал Черкесским полком в Кубанской дивизии ген. Покровского, позже – в Добровольческой армии. Осенью 1918 года он сформировал „Дикую дивизию" из горцев Северного Кавказа, которая действовала совместно с частями ген. Шкуро в корпусе ген. Ляхова. После поражения Вооруженных сил на Юге России, в начале 1920 года, ген. Гирей отошел с остатками своей дивизии в Грузию, и оттуда затем перебрался в Крым. По заданию ген. Врангеля, он пробрался в Карачаевскую область и организовал повстанческий отряд, а затем опять ушел в Грузию и оттуда – за границу. Во время Второй мировой войны Султан Келеч-Гирей возглавил противобольшевистские формирования северокавказских горцев, был выдан англичанами советским властям и повешен в Москве в январе 1947 года.

24. Дмитрий Тимофеевич Миончинский (1889–1918) родился в семье генерала. Военное образование он получил в Михайловском артиллерийском училище (начавшаяся Мировая война помешала ему вступить в Академию Генерального штаба). На войне он был тяжело ранен, в область сердца, пулей, которую не удалось извлечь. Вернувшись в строй, он принял участие в боях за Перемышль в начале

1915 года. Назначенный командиром Первой батареи Добровольческой армии, полковник Миончинский стал фактическим создателем и вдохновителем добровольческой артиллерии. Миончинский был убит в бою, 29 декабря 1918 года, в селе Шишкино, Ставропольской губернии.

25. Михаил Гордеевич Дроздовский (1881–1919) родился в семье генерала, участника защиты Севастополя. Он окончил Павловское военное училище и поступил в Академию Генерального штаба в 1904 году, но покидает ее, участвует в Японской войне, на которой он ранен. Вернувшись с войны, Дроздовский оканчивает Академию в 1908 году. Во время Мировой войны Дроздовский состоял на разных штабных должностях, но рвался в бой, получил полк и был тяжело ранен в сентябре 1916 года. В декабре 1917 года он начал формирование в Румынии добровольческого отряда, с которым выступил из Ясс 11 марта 1918 года. 5 мая полковник Дроздовский вышел к Ростову во главе своего хорошо вооруженного и закаленного в боях отряда, отбил город у красных и у Новочеркасска соединился с Добровольческой армией. В июне 1918 года Дроздовский назначен командующим 3-й пехотной дивизией Добровольческой армии, в ноябре он ранен в ногу под Ставрополем и умирает от заражения крови в Ростове 14 января 1919 года. Перед смертью Дроздовский был произведен в генералы. После кончины ген. Дроздовского 2-й офицерский стрелковый полк, входящий в его дивизию, стал именоваться Дроздовским стрелковым полком.

26. Александр Павлович Кутепов (1882–1930) родился в семье лесничего. В 1904 году он окончил Петербургское пехотное юнкерское училище и отправился, добровольно, на дальневосточный фронт. По окончании войны поручик Кутепов переводится в лейб-гвардии Преображенский полк и назначается в его учебную команду. Вся дальнейшая служба Кутепова в предвоенные и военные годы протекла в старейшем русском полку. Во время Мировой войны он был трижды ранен. 2 декабря 1917 года тридцатипятилетний полковник Кутепов, последний командир Преображенско-

го полка, был принужден подписать приказ о его расформировании. Пробравшись на Юг, Кутепов участвовал в зимних боях добровольцев на Дону, а в начале Первого кубанского похода получил роту в Сводно-офицерском полку. После смерти полк. Неженцева Кутепов получил командование Корниловским полком, а летом 1918 года был начальником 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии. После освобождения от красных Новороссийска, в августе 1918 года, Кутепов – Черноморский военный губернатор и водворяет в своей „Кутепии" полный порядок. С января 1919 года произведенный в генералы, он назначается командующим Первого армейского корпуса Добровольческой армии, ведет его со славой до Курска и разделяет с ним горечь поражения. В Крыму, в 1920 году, ген. Кутепов командовал 1-м корпусом Русской армии (затем 1-й армией) ген. Врангеля. После эвакуации из Крыма Кутепов назначен начальником лагеря в Галлиполи (близ Константинополя) и в невероятно тяжелых условиях восстанавливает в нем военную дисциплину и своеобразный, неповторимый уклад жизни, который из почти каждого „галлиполийца" сделал человека особой породы до конца его дней. После распыления Русской армии по Европе, в 1922 году, ген. Кутепов создал тайную организацию для борьбы с большевизмом, так называемую „Кутеповскую организацию". В 1928 году, после смерти ген. Врангеля, он возглавил Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) и 26 января 1930 года был похищен в Париже советскими агентами.

27. Николай Степанович Тимановский гимназистом 6 класса пошел добровольцем на Японскую войну и был тяжело ранен в бою. В Мировую войну он был сослуживцем ген. Маркова в 13-м стрелковом полку. Воевал исключительно доблестно. После последнего тяжелого ранения он был назначен командиром Георгиевского батальона при Ставке. В Добровольческой армии полк. Тимановский – помощник и заместитель ген. Маркова, командует Марковским полком (затем бригадой). Произведенный в 1918 году в генералы, Тимановский командует созданной осенью

1919 года Марковской дивизией. Он умер от болезни 31 декабря 1919 года.

28. Иван Антонович Кочубей (1893–1919), кубанский казак, командир 3-й кубанской конной бригады 11-й красной армии. Он попал в плен к белым и был казнен в марте 1919 года.

Иван Федорович Федько (1897–1939), прапорщик, в ноябре 1918 года был Главнокомандующим красными войсками Северного Кавказа, в декабре–феврале командовал 11-й красной армией. После Гражданской войны он принял активное участие в подавлении Кронштадтского и Антоновского восстаний и дослужился до члена Президиума Верховного совета. В 1939 году – ликвидирован Сталиным.

Дмитрий Петрович Жлоба (1887–1938) был рабочим, участвовал в Октябрьском перевороте. В 1918 году командовал 1-й „Стальной" красной дивизией. 3 июля 1920 года 1-й конный корпус, под командой Жлобы, был полностью разгромлен войсками ген. Врангеля. После войны Жлоба стал партаппаратчиком и был ликвидирован Сталиным в 1938 году.

29. Андрей Григорьевич Шкуро (1887–1947), сын офицера Кубанского казачьего войска, окончил Николаевское кавалерийское училище в 1907 году. Воевал в Мировую войну. В мае 1918 года полк. Шкуро возглавил антибольшевистское восстание в районе Кисловодска. В июле, сформировав отряд из кубанских казаков, он временно захватил Ставрополь. В Добровольческой армии Шкуро командовал казачьей бригадой, дивизией и корпусом. В 1919 году он был произведен в генерал-лейтенанты. Во время Второй мировой войны ген. Шкуро стал одним из возглавителей казачьих формирований, возникших при содействии немцев, был выдан британским командованием советским властям и повешен в Москве в январе 1947 года.

30. Барон Петр Николаевич Врангель (1878–1928) родился в семье знатной, но небогатой (его отец был директором страхового общества в Ростове-на-Дону). В 1901 году он окончил петербургский Горный институт и нашел свое

истинное призвание – военное – лишь во время Японской войны, на которой он отличился. С лета 1906 года Врангель служил в лейб-гвардии Конном полку. В 1909 году он окончил Академию Генерального штаба. Во время Мировой войны он показал себя храбрым и талантливым кавалерийским начальником и в январе 1917 года был произведен в генералы за боевые отличия. Поступив в Добровольческую армию в августе 1918 года, Врангель командовал конной дивизией и конным корпусом, с января 1919 года – Кавказской добровольческой армией, во главе которой он взял Царицын (30 июня). К тому времени ген. Врангель стал самым популярным военачальником на Юге России. Его несогласие со стратегией ген. Деникина (он оспаривал целесообразность „Московской директивы"), критика непорядков, разлагающих белые силы, а также плетущиеся вокруг него интриги привели к постепенному его отстранению ген. Деникиным от активной деятельности и, в конечном итоге, к его высылке из России в феврале 1920 года. Под давлением широких добровольческих масс (и отдельных военачальников) потерпевшему поражение Деникину пришлось, 4 апреля 1920 года, назначить Врангеля своим преемником. Ген. Врангель возглавлял Вооруженные Силы Юга России и Крымское белое государство в течение 8 месяцев. За этот короткий срок Врангель проделал значительную внешнеполитическую и внутриполитическую работу, добился официального признания своей власти Францией, произвел широкую земельную реформу, создал выборное местное самоуправление. Но его борьба против большевиков, при незначительной поддержке Запада, была неравной, и в ноябре 1920 года Врангелю пришлось покинуть пределы родины. Ему удалось вывезти 145 000 человек (среди них около 70 000 вооруженных военных), благодаря хорошо подготовленной и проведенной морской эвакуации. За границей ген. Врангелю удалось сохранить Русскую армию (сосредоточенную в трех военных лагерях около Константинополя) как сплоченную и боеспособную силу в течение всего 1921 года, несмотря на давление как советское, так

и западное. Разъехавшиеся в 1922 году по Европе русские части (в основном в Болгарию и Югославию) на долгие годы сохранили духовное и идейное единство, которое еще укрепилось после создания ген. Врангелем, в 1924 году, Русского Обще-Воинского Союза. Умер ген. Врангель в Брюсселе, 25 апреля 1928 года. П. Н. Врангель – бесспорно, один из крупнейших деятелей России XX века, но пришел он к власти, когда белая борьба в России была уже фактически проиграна.

31. Приказом от 20 июня (3 июля) 1919 года (получившим название „Московской директивы") ген. Деникин приказывал ген. Май-Маевскому, начальнику Добровольческой армии, наступать на Москву в направлении Курск–Орел–Тула. Ген. Врангель, во главе Кавказской армии, должен был идти из Царицына на Москву через Пензу, Нижний Новгород и Владимир. Генералу Сидорину, во главе Донских частей, предписывалось наступать на Москву между Кавказской и Добровольческой армиями. Одновременно с этим должны были вестись военные операции на Украине и на Астраханском направлении.

32. Орел был взят штурмом Корниловской ударной дивизией 13 октября 1919 года.

33. Алексеевский полк происходил от Партизанского полка, составленного зимой 1917–1918 гг. из участников мелких партизанских отрядов (в большинстве своем – донских и ростовских гимназистов и студентов). Партизанский полк прошел Первый кубанский поход и участвовал в последующих боях на Северном Кавказе. После смерти ген. Алексеева полк получил наименование Партизанского генерала Алексеева пехотного полка. Алексеевский полк никогда не разворачивался в дивизию, как три остальных „цветных" полка Добровольческой армии.

34. Наступление на Москву изнуренных и малочисленных добровольческих частей начало захлебываться осенью 1919 года, несмотря на всю их доблесть. В конце октября конный корпус Буденного совершил прорыв жидкого белого фронта (сотня тысяч бойцов, растянутых от Киева до Ца-

рицына) на стыке Добровольческой и Донской армий, после которого ген. Деникину уже не удалось восстановить положения.

35. Николай Владимирович Скоблин в чине штабс-капитана участвовал в зарождении ударного отряда при 8-й армии в мае 1917 года. В Добровольческой армии с самого ее создания, Скоблин сперва заместитель командира Корниловского полка, полк. Неженцева, а позже принимает полк. В 1919 году полковник Скоблин командует Корниловской дивизией. В апреле 1920 года он произведен в генералы, продолжая командовать Корниловской дивизией и в Крыму, до своего ранения, в сентябре 1920 года. Ген. Скоблин был одним из самых молодых и самых популярных белых генералов и за границей остался во главе корниловцев. 23 сентября 1937 года Скоблин исчез из Парижа, на следующий день после похищения начальника РОВСа ген. Миллера и был разоблачен как главный организатор похищения и советский агент. Вероятно, ген. Скоблин был завербован известной певицей Надеждой Васильевной Плевицкой, вышедшей за него замуж в 1921 году.

36. Ростов-на-Дону был окончательно оставлен белыми 29 февраля 1920 года. 2 марта, под станицей Егорлыцкой, разыгрался бой между белыми и красными конными частями, в котором приняло участие более 20 000 всадников, кавалеристов и казаков. Этот последний крупный кавалерийский бой европейской истории кончился для белых неудачей, и после него донские и кубанские казачьи части стали неудержимо откатываться к югу.

37. Яков Александрович Слащев (1885–1929) в 1911 году окончил Академию Генерального штаба. В Мировую войну он дослужился до чина полковника. Весной 1918 года Слащев был начальником штаба в отряде Шкуро. Затем командовал различными частями в Добровольческой армии, боролся против махновцев. Зимой 1919–1920 года, во главе 2-го корпуса, ген. Слащев руководил защитой крымских перешейков и удержал их от красных во главе ничтожных сил. Храбрый, но жестокий и неуравновешенный военачаль-

ник, ген. Слащев, после неудачи перед Каховкой летом 1920 года, был с почетом устранен ген. Врангелем от командования 2-м корпусом. После эвакуации в Константинополь Слащев совершенно потерял душевное равновесие и, под влиянием советской агентуры, пустился в интриги против белого командования. Осенью 1921 года он вернулся в Россию, с разрешения советских властей.

38. Марковская дивизия сосредоточилась в городе Армянский Базар 2 апреля.

Генерал Алексеев

Генерал Корнилов

Генерал Кутепов

Первое орудие 1-ой Марковской батареи. Сидят: налево — полковник Шперлинг, направо — капитан Михно.

Второе орудие 1-ой Марковской батареи. Стоит (без фуражки) ее начальник – подпоручик Давыдов.

Полковник Миончинский

Батарея на позиции. 1920 год.
В центре – генерал Кутепов.

Добровольческий бронепоезд „Генерал Алексеев”
1919 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

НИКОЛАЙ РОСС

ВРАНГЕЛЬ В КРЫМУ

Впервые в отдельной монографии представлена внутренняя жизнь Крымского белого государства 1920 года, возглавлявшегося ген. Врангелем. Эта малоизвестная страница русской истории важна не только для историков, но и для каждого, кто хочет составить себе полную и объективную картину исторического развития России в начале XX века.

В книге приведены многочисленные документы из личного архива ген. Врангеля, в большинстве своем публикуемые впервые, а также редкие фотографии.

1982 16 илл., карта, 368 с. 32 н.м.

Отзывы на эту книгу
просим посылать по адресу издательства:

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D-6230 Frankfurt a. M. - 80